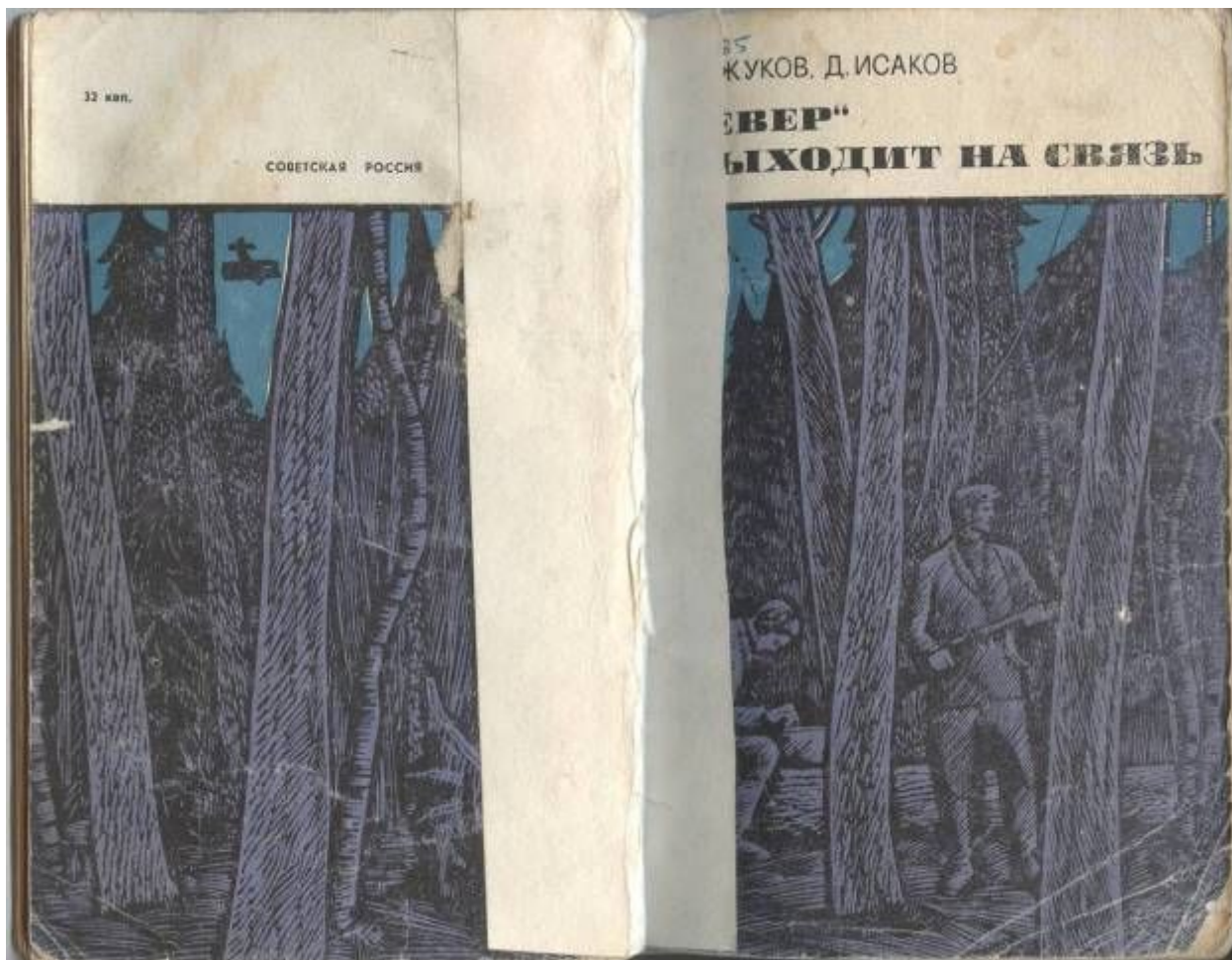

Владимир Николаевич Жуков
Исаак Михайлович Дейген (Д. Исаков)

«СЕВЕР» ВЫХОДИТ НА СВЯЗЬ

Жуков Вл. и Исаков Д.

«Север» выходит на связь. М., «Сов. Россия», 1971. 128 с.

Документальная повесть рассказывает об изобретателе Борисе Михалине и других создателях малогабаритной радиостанции «Север». В начале войны такая радиостанция существовала только в нашей стране. Она сыграла большую роль в передаче ценнейших разведывательных данных из-за линии фронта, верно служила партизанам для связи с Большой землей.

В повести говорится также о подвиге рабочих, инженеров и техников Ленинграда, наладивших массовое производство «Севера» в тяжелейших условиях блокады; о работе советских разведчиков и партизан с этой радиостанцией; о послевоенной судьбе изобретателя и его товарищей.

Книга отсканирована с оригинала специально в качестве подарка Александру Долинину, RA3VMC (ex UA9LAK/UN7), чей путь в радиолобительский эфир был непрост, а его упорство в достижении поставленных целей заслуживают высшей оценки!

73&72! Владимир Литвинов, UR0ET (ex UB5EGS)
 Михаил Литвинов, UV5EKS

ЦЕНА СЛУЧАЯ

Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта...

Штабная директива

Начальники абвергрупп съезжались в Псков, к своему шефу майору Клямроту.

Вылезали из заляпанных грязью «оппелей», здоровались, спрашивали друг у друга, по какому поводу экстренное собрание. Никто не знал. Не говорил ничего и дежурный в приемной майора — пепельный блондин с новенькой кобурой на боку. Просил располагаться и ждать.

Переговаривались вполголоса, посматривали в окна, за которыми в тусклом свете октябрьского дня косо летели первые снежинки.

Ровно в десять створки дверей в кабинет распахнулись, дежурный пригласил войти.

В глубине комнаты, точно на сцене, сидел за столом маленький широкогрудый майор. Он не поднялся навстречу входившим, и все поняли, что речь пойдет не о наградах, скорее, будут ругать.

Клямрот обвел рассевшихся па стульях офицеров долгим суровым взглядом, повертел в руках карандаш, положил. Казалось, он не знал, с чего начать. Наконец сказал:

— Вам известно, где вы служите? И почему разведка вермахта названа «абвер»? «Отпор»... «Защита»? А вы... Месяц назад получили приказ выяснить, каким образом русские разведчики и партизаны передают в Ленинград собранные ими сведения. Получили? И что же? Вам обеспечена помощь полевой полиции. А результат? Ни один, я повторяю, ни один из вас не стронул дела с места. Может, вы устали? Или вам не дороги интересы вермахта? Вам вот, обер-лейтенант Зоннер, дороги интересы вермахта? Высокий, с плохо выбритыми щеками офицер, на которого нацелился клямротов палец, вскочил, вытянулся.

— Я получил сообщение агента, внедренного к партизанам, господин майор. Радиостанции действительно ость. Но агент их не видел.

— Вы думаете, я не помню ваших рапортов? Лучше скажите, почему агент не видел станции. Может, никаких станций нет? Может, русские пользуются голубиной почтой?

— Нет, о голубях мне не сообщали, — обер-лейтенант испуганно моргал. — Есть данные службы радиоразведки. Чьи-то позывные прослушивались четко, время работы одно и то же... Радист, видимо, легко перемещается, очень быстро.

— Пусть кто-нибудь другой объяснит мне устройство полевой рации. Вы, скажем, — он указал на мрачного офицера с забинтованной рукой. — Ну, сколько она может весить?

— Килограммов сорок, — отозвался мрачный.

— Сорок! Интересно, возьмется ли хоть один из присутствующих уйти от хорошей облавы с таким грузом. Я вас спрашиваю, господа!

— Я — нет, — сказал мрачный. — Я не возьмусь.

— А они уходят! — взревел Клямрот. — Исчезают, как дым, эти таинственные русские радисты. Вы отдаете себе отчет, во что это обходится нашим войскам?

Настороженная тишина повисла в комнате. Майор сидел, уставившись в окно, за которым густо летели снежные хлопья, — окно будто задержали кисейной занавеской.

Начальники абвергрупп не знали, что их шефу, собственно, нечего больше сказать. Он сообщил им приказ, они стали его выполнять. Безрезультатно. Он собрал всех разом и пытался вызвать на разговор, чтобы сообщая, обменявшись мнениями, что-нибудь придумать. Но и от этого — какая польза? То, что могли сказать контрразведчики, майор знал и сам. А

главное, в ответе был он, и только он, майор Клямрот, начальник абверкоманды 304 при группе армий «Норд».

Он ведь не докладывал им, мелким сошкам контрразведывательной службы, что месяц назад его вызвал сам фельдмаршал фон Лееб, командующий группой. Вызвал и ледяным тоном выразил неудовольствие тем, что советское командование достаточно полно осведомлено о перемещении подчиненных фельдмаршалу частей, дислокации штабов, аэродромов. Ему, фельдмаршалу, не нравилось, что каждое передвижение войск вызывало контрмеры — прилетали самолеты с красными звездами, бомбили, а если не было самолетов, начинался массированный артиллерийский огонь. Терпеть такое фон Лееб не намеревался и посему требовал от Клямрота решительных и результативных действий. На то, что стоявший навзничь майор ликвидирует начисто разведку противника, фельдмаршал, конечно, не надеялся — хотя бы пресечь ее действия, помочь в главном — скорейшем выполнении приказа фюрера о захвате блокированного Ленинграда, этой второй столицы русских. Не без иронии командующий заметил: «Я вас прошу для начала установить, как может столь быстро попадать в осажденный город добытая разведкой и партизанами информация. Месяца вам хватит?»

Тогда показалось даже много — месяц. Клямрот был не новичок в контрразведке. И заместитель его, Мюллер, тоже знал дело. Оповестили агентуру, отдали строжайшие распоряжения по абвергруппам — подразделениям абверкоманды 304, удвоили внимание службы радиоперехвата. Но вот вчера Клямрот услышал в телефонной трубке голос адъютанта командующего: «Фельдмаршал интересуется, как успехи. Осталось три дня...» Майор ответил, что доложит сам, и наутро созвал вот это бесполезное, как он теперь убедился, совещание. Надо не болтать, а действовать!..

Отвел взгляд от окна, встал.

— Я вас призываю, господа, с пониманием отнестись к выполнению задания. Все вы получите подкрепление. — Тон у Клямрота был уже совсем другой, будто он и не кричал, не сердился несколько минут назад, тон вежливой просьбы: — В случае надобности прошу без промедления обращаться прямо ко мне.

Когда кабинет опустел, он вызвал Мюллера, долго сидел с ним над картами, распределял резервы.

По зеленому полю разбегались тонкие линии дорог, голубыми пятнами лежали озера — Псковское, Чудское, Выше, совсем рядом, тоже голубой Финский залив, Балтика.

Майор провел ладонью по карте, как бы разглаживая бумагу. Мизинец с тяжелым перстнем подчеркнул полосу возле самого Ленинграда — линию фронта. Она так близко подходила к городским кварталам, что майору подумалось: «Какая в сущности разница — есть у русских агентурные рации или агенты сами, непосредственно переносят через линию окопов собранные сведения. Скоро город падет». Но вслух сказал:

— А может, это просто РБМ? Все-таки РБМ? Они, конечно, тяжелы, но их могут таскать несколько человек, могут возить в телегах. Надо просто обыскивать каждый воз.

— Нет, — сказал Мюллер. — Я знаю эти русские радиостанции РБМ. Они для полков и батальонов. У них не хватит дальности работать для Ленинграда из наших тылов. Я думаю, проще: радиостанций у русских разведчиков нет, пеленги мы получали ложные, путали, наверное, со своими передатчиками. Я бы так и доложил командующему. Столько усилий... Мы бы что-нибудь нашли.

— Логика железная! — Клямрот криво усмехнулся. — Допустим, фельдмаршал согласится. А что скажут в Берлине?

«В Берлине, в Берлине...» Ночью, ворочаясь в постели, майор думал о своем высшем начальстве, об адмирале Вильгельме Канарисе. Знает ли тот о тайнственных рациях, появившихся в полосе наступления доблестной группы армий «Норд»? Пока из столицы, из особняка на Тирнитцштрассе, 74, не было никаких запросов. Но это ни о чем не говорит, там

могут знать и выжидать, что предпримет начальник абверкоманды 304. Его прямая обязанность, пусть шевелится...

Он еле уснул и — показалось — спал всего минуту. Телефонный звонок молотком колотил по виску. Не сразу понял, зачем его будят. Ах, да: в эфире снова сигналы, он же просил тотчас оповестить. Что ж, кажется, судьба поворачивается к нему лицом.

Быстро оделся. Тяжелый «мерседес» вынес его за городскую черту, вслед за радиопеленгаторной машиной, ушедшей раньше.

Пеленгаторщиков догнали возле леса. Машина в темноте казалась темным пятном, только на крыше ее на фоне чуть посветлевшего неба угадывалась похожая на жука антенна.

Клямрот забрался в кабину. Ему было приятно видеть сосредоточенно согнутую фигуру оператора возле приемника, его большие наушники. Другой оператор равномерно подкручивал штурвальчик, вращал антенну над крышей.

Возившийся у приемника обернулся, и Клямрот спросил его негромко, почти ласково: — Ну?

Оператор нахмурился, отрицательно покачал головой.

Майор мысленно подбодрил себя: ничего, найдем. Ищите и обрящете, стучите и отверзнется вам...

Он знал, как трудно пеленговать радиостанции на коротких волнах, а та, что искали, была коротковолновой. Но трудно — не значит невозможно. Вермахт оснащен добротной радиопеленгаторной аппаратурой, размышлял майор. Она такая же надежная и добротная, как и все в Германии. Так что не должен уйти от ее глаз, ее антенн и этот человек, притаившийся сейчас в темном сыром лесу. Его уже засекли стационарные пеленгаторы. Они указали вот этот район за дорогой — километра полтора на два. Не будь сейчас ночь, не нужна была бы и машина. Прочесали бы лес, и — руки за спину, ствол автомата между лопаток, не убежишь...

«Ах, ночь, ночь, — подумал Клямрот, — одним помогает, другим мешает. — Посмотрел на часы — четверть шестого, а светать и не начало. — Дикая, северная страна...»

Тот, с наушниками, надетыми под пилотку, дернулся, почти прилип носом к шкале.

— Ну, — снова спросил контрразведчик уже недобро, с раздражением.

— Ошибка. Показалось, господин майор.

Клямрот посмотрел на карту, разложенную па небольшом столе у стенки кабины. Пеленги стационаров вырубili треугольник среди овражистого леса. Обычно, когда запеленгована крупная радиостанция, определить ее местонахождение в треугольнике — дело логики: если, скажем, есть тут деревня, так считай — радиостанция в ней расположилась. Кому охота жить в землянках, в лесу, когда можно в избах с теплыми печками?

Но сейчас логика была бесполезна. Радист мог быть где угодно в этой чащобе, под любым кустом. Нужен хотя бы еще один пеленг, взятый отсюда, из машины, хотя бы направление, по которому следует искать.

Он ткнул в плечо оператора и резко, как на допросе, выдохнул:

— Ну?

— Пропал.

Клямрот, путаясь в полах шинели, выбрался из кабины, подозвал офицера, стоявшего возле грузовика с притихшими в кузове солдатами.

— Сколько у вас людей?

— Двадцать.

— А собаки?

— Я полагал, управимся так. Без шума. — По голосу офицера чувствовалось, что он догадался, что пеленга нет и не будет и что операция, в общем, сорвана, но, как водится у исполнительных людей, винил в том не майора, который на правах старшего должен был все

предусмотреть и обо всем распорядиться, а себя. — Я думал, управимся, — сказал он еще раз жалобно, словно извиняясь и прося пощады.

— Определите азимуты и начинайте прочесывание леса. Живо!

Когда в кустах скрылся последний солдат, Клямрот перепрыгнул неглубокий кювет и тоже пошел вперед — в черноту, в густое сплетение веток.

Через несколько шагов кустарник кончился, под сапогами зачавкало. Он оступись в воду по самое голенище, шатаясь отошел в сторону и замер где-то во мраке, как ему показалось, на сухом месте. Дальше идти он боялся. Но и стоять, балансируя на сухой болотной кочке, было глупо. Вообще глупо было посылать людей в этот мрак. Что они найдут? Заблудятся сами, их в три дня не соберешь, угодят еще к партизанам. А радист, если он еще здесь, в треугольнике, обведенном радиопеленгами, он, верно, убрал рацию и притаился, как зверь, в какой-нибудь норе. Или на дереве. Может, вот здесь, над головой...

Клямроту показалось, что все происходящее в миниатюре напоминает длящуюся уже четыре месяца войну с русскими. Сначала, как в приказах, в точном соответствии с замыслами фюрера и высшего командования — прорывы, обходы, фланговые удары, а йотом остановка, тупик, все летит с гладкой дороги в темноту, в мокреть, в неизвестность.

Он шагнул с кочки и решительно направился к дороге.

Оказалось, он выбрался прямо к своему «мерседесу». Оставил сопровождавшего его лейтенанта дожидаться конца облавы, а сам поехал обратно, в Псков.

«Глупо, все глупо, — думал он, шевеля пальцами в промокших сапогах. — Следовало послать Мюллера, нечего самому лезть. По крайней мере было бы кого ругать. А сам себя сколько ни брани — толку мало».

В двухэтажном доме, где располагалась контрразведка, было еще по-ночному тихо. Дежурный офицер встал из-за стола, чтобы доложить, но Клямрот устало махнул рукой — не надо. Хотел открыть дверь в свой кабинет, но заметил в углу еще одного офицера. Тот тоже стоял вытянувшись, как дежурный, и его желтое, в морщинах лицо тоже выражало готовность что-то сказать.

«А-а, эта бездарь Зоннер, — подумал Клямрот. — Что он тут делает ночью? Я же велел им всем разъехаться по местам и искать, как следует искать...» Он взялся за ручку двери.

— Позвольте, господин майор. Рад доложить...

— Что еще, Зоннер? Почему вы здесь?

— Рад доложить, что ваше задание выполнено. Русская агентурная радиостанция обнаружена!

Клямрот смотрел недоверчиво, боясь поверить в то, что он не ослышался. Но сердце радостно бухнуло, и показалось, будто мутная лампочка под потолком засветила ярче.

— Что... Что вы сказали, Зоннер?

— Обнаружена русская станция. Мной обнаружена, согласно вашему приказанию.

— Где же она?

— Тут, во дворе, — долговязая фигура в мятом кителе дернулась, длинная, как у обезьяны, рука указала на окно.

Клямрот застучал мокрыми сапогами по ступенькам, как был, без шинели, выскочил во двор, в обжигающую стынью начинавшегося утра. По узкому коридорчику расступившихся солдат подбежал к грузовику, еле дождался, когда откинули задний, забрызганный грязью борт кузова.

В слабом свете, падавшем с неба, он различил три трупа. Они лежали на рогожной подстилке, аккуратно, одни к другому, головами к откинутому борту.

Клямрот обернулся, ожидая разъяснений. Долговязый Зоннер легонько оттеснил его, неуклюже задрал ногу, взобрался в кузов. Несколько секунд его не было видно под брезентовой крышей, потом он появился, держа в вытянутых руках две сумки, похожие на туго набитые охотничьи ягдташи.

Сердце Клямрота опять радостно бухнуло. Он подумал про Мюллера: хорошо, что тот спит, хорошо, что он сам, Клямрот, поднялся ночью и вот теперь стоит здесь, возле замызанного па проселках грузовика. Но почему так малы сумки в руках Зоннера? Может быть, это только части радиостанции?

— Я три часа не слезал с мотоцикла, господин майор, — доносился сверху голос офицера, — вернулся с совещания — и в погоню. Оказалось, полевая полиция окружила партизанскую группу. А те петляли по лесу, как зайцы. Три часа! А потом час отстреливались. Как черти! Все погибли... Вот! — Он помахал сумками над трупами. — Стреляют, как черти. Снайперы! И это ночью, в темноте! Знаете, сколько нам эти сумки стоили, господин майор? Сколько они уложили наших?

— Ладно, слезайте, — оборвал его Клямрот. — Несите наверх.

Он все еще не верил, старался не верить, что тут вся рация, целиком, пока Зоннер и дежурный не опустошили брезентовые сумки. Но то, что теперь лежало на его просторном письменном столе, не оставляло сомнений.

Рация! Настоящая, совсем малюсенькая рация была в одной сумке, а в другой — батареи питания, второпях смотанная на рогульку антенна, инструмент для несложной починки. Зоннер доложил, что радист пытался взорвать свое имущество, но, к счастью, не смог. Да, к счастью... Просто удивительно, как такая кроха могла доставить серьезным, опытным людям столько хлопот!

Впрочем, нет, рассуждал Клямрот, как раз именно она, невиданная по размеру и весу — всего шесть с половиной килограммов! — и должна была так нелегко, не просто достаться. Конечно, захват рации оказался делом случайным, этот дубина Зоннер мог бы еще месяц без толку носиться по лесам — но кто теперь скажет, посмеет сказать про случайность! Станция здесь, на столе, а он, майор Клямрот, начальник абверкоманды 304, помаялся предостаточно. Ищите и обряцете... Пусть-ка теперь фельдмаршал попробует иронизировать. Тут не иронией, наградой пахнет!

Но это потом, потом. Это — эмоции. А дел еще уйма. И вопросов тоже.

Иметь «живую» рацию — это еще не все. Надо ответить себе и начальству, откуда она у русских и сколько еще может быть у них таких вот брезентовых сумок в лесах, деревнях, городах, возле железных дорог, вблизи немецких аэродромов, штабов, складов. Да и ответив на эти вопросы, нельзя определить масштаб, количество утекающих к противнику, за линию фронта разведывательных сведений, нельзя тем самым истребить аппаратики и их хозяев, доставляющих такие сведения в Ленинград.

Но и это потом, потом.

Клямрот радостно поглядывал на полированный деревянный ящик с миниатюрной шкалой настройки, с черными эбонитовыми рукоятками, пока собирались специалисты, знающие толк в радио. Терпеливо ждал, когда развинтят коробку, не мешал разглядывать, совещаться, спорить, составлять описание.

«Приемник прямого усиления на трех лампах, двухкаскадный передатчик, работающий только в телеграфном режиме...» На словах выходило понятней: невиданная радиостанция, чрезвычайно удачное инженерное решение, габариты столь небольшие, что аппарат, в общем, не с чем сравнивать.

— Но кто же это сделал, господа?

— Made in USA, — первым на слова майора отозвался Мюллер. — Американская штучка!

Клямрот поморщился, сурово взглянул на заместителя — мог бы и помолчать. Но все в кабинете дружно подхватили: конечно, русским такого не создать. Вы посмотрите, только посмотрите!

Клямрот поблагодарил за помощь. Довольный, стал диктовать секретарю-фельдфебелю депешу в Берлин. Его, старую лису контрразведки, подмывало еще кое-что

обдумать, выяснить, установить. Есть ли, скажем, сведения о таких станциях в картотеках по американской армии? Можно ведь запросить.

Подумал, махнул рукой, стал диктовать дальше.

Правду сказали специалисты — русским такого не создать. А про американцев пусть выясняют другие.

УЧИТЕ ИСТОРИЮ

Подполковник Миронов крутанул раза два телефонный диск и рывком положил трубку на черные рожки. Не пало звонить, рано. Минут пятнадцать всего как справлялся, наверняка все то же.

Он устало спрятал лицо в ладони. Тотчас представился стол в аппаратной узла связи, приемник, радист, склоненная над ним фигура воентехника 3 ранга Стромилова. Даже под руководством этого аса коротких волн не могут ничего выудить из эфира. Что же случилось? Что?

Миронов открыл глаза, покосился на телефон. Сколько же нужно ждать? Прошла уже неделя. Он загнул палец, другой — семнадцатое, восемнадцатое... Да, ровно неделя.

Телефон зазвонил, но не успел набрать привычную громкость — Миронов схватил трубку. Фу ты, не то! Глухо, почти равнодушно ответил. Чтобы ослабить разочарование, встал, прошелся по комнате.

Ему подумалось, что ровная плоскость светомаскировочной бумаги, закрывавшей окно, могла бы, пожалуй, символизировать ситуацию, в которой оказались отдел связи штаба фронта и он, Миронов, начальник отдела: неизвестность. Черная бумага будто школьная доска, а на доске можно написать все что угодно. Пока же судьба вывела лишь несколько слов внезапно оборванной радиогаммы: «Ведем бой в окружении. Пытаемся...» Да, еще: местонахождение группы — недалеко от Пскова, километров шестьдесят к северу. Это передал радист по кличке «Соловей». На аварийной волне. Другой связи с группой, кроме как по радио, нет. Вот и выходит, надо ждать. Но появится ли хотя бы еще одно слово па черной доске, выведет ли его точками и тире «Соловей»?

Молчат радиоволны — плановые и аварийные, молчит телефон.

Миронов снова сел за стол. Какая же трагедия приключилась по ту сторону линии фронта? Многое отдал бы начальник отдела связи за намек, за любое сообщение. Сам бы пошел по лесным тропкам, через ручьи и овраги, к «Соловью». Да кто пустит!

«На войне у каждого свои обязанности, — сказал себе Миронов. — У тебя — руководить, ждать вот так, наконец. Ждать — это тоже служба. Если надо. А может... может, уже не надо? Может, «Север», драгоценный «Север», о котором немцы и понятия не имели, уже у них в руках? И шифр... Как же так, товарищ подполковник? Ты отвечаешь за подготовку радистов, способных в самых критических, самых невероятных обстоятельствах уничтожить секретнейшую радиостанцию, лишить врага возможности заполучить ее. А вдруг «Соловей» не сумел это сделать? В чем же тогда ошибка?»

Снял трубку, быстро завертел диск, соединяясь с радиоцентром. Попросил позвать Стромилова.

— Николай Николаевич?

— Да, я. Слушаю, — низкий голос воентехника звучал устало. — К сожалению, никаких новостей.

— Догадываюсь. Ну, вот что: ждем еще сутки, и баста. Вы как думаете?

— Точно так, Иван Миронович. Все сроки прошли. Да вы ступайте домой, я позвоню, если что.

Ступайте... Стромилов всегда так — готов на себя навалить сто дел, чтобы помочь. И должность у него такая — помощник начальника отдела.

— Ладно, — сказал, помолчав, Миронов. — Только не медлите, сразу вызывайте. В любом случае.

Он не был дома уже двое суток. И на улице тоже. Резкий, влажно-холодный ветер с Невы ударил в лицо, было приятно вдохнуть его всей грудью. Направился в темень привычно, не выбирая дорога.

Сколько лет он шагает по этим улицам? Еще до революции — на завод; в девятнадцатом, комсомольцем — на гражданскую войну. И потом... Нет родней ему, Миронову, города, нет сильней боли за него, отрезанного, отгороженного цепями вражьих войск. 28 августа отошел на восток последний эшелон, занят Шлиссельбург, южный берег Ладоги. Финны жмут — тоже на подступах к городу. Вот оно что значит — блокада. До войны не очень вспоминали это слово. И то — исторически. «До войны... — продолжал размышлять Миронов. — Четыре месяца прошло, а кажется — целая вечность. Сколько же еще впереди?»

Он не заметил, как добрался до Боровой, до своего дома. Уже в подъезде, когда поднимался по отлогим ступеням, мысли снова вернулись к исчезнувшему «Соловью», к делам, оставленным в штабе. Плечи сами собой ссутулились, горестно сомкнулись на переносице брови. Таким и отворил дверь в квартиру.

Теща встрепенулась:

— От Верочки недобрая весть? Или с детьми что? Лица на тебе пет, Иван!

Он торопливо отвернулся.

— Показалось. Сам хотел спросить, нет ли письма.

— Не-ет.

Миронов вдруг остро ощутил неуютность, заброшенность своего дома. Бывало, кидалась к нему в прихожей восьмилетняя Нина, искала в кармане шинели гостинец, а потом и годовалая Люся устраивалась на руках. Такая встреча рассеет усталость самого трудного дня... Где они теперь, девочки? Как с ними Вера, жена, управляется? Работой ее не удивишь — прядильщицей была на фабрике Халтурина. Да только вот одна теперь, одной сложнее. Мать-то ее на эвакуацию не согласилась. Миронов покосился на тещу, вспомнил, как твердо она ему сказала: «Прядильщицу отправляй, а наборщица останется. Я останусь».

Он быстро улегся. Устал, а не спалось. И мысли все те же: «Соловей», блокада, эвакуация. В клубок все сматалось, перепуталось — не разорвешь...

Встал рано, начал собираться. Поглядывал на телефон, злясь, что черный аппарат так и промолчал всю ночь.

Теща позвала за стол. Разливая в стаканы кипяток, подкрашенный вроде бы настоем шиповника, а может, еще и остатками настоящего чая, спросила, поджав губы, как бы невзначай:

— Послышалось мне, будто во сне ты радиста какого-то звал. Сон, что ли, мучил?

— Сна не видел, — помедлив, сказал Миронов. — Товарищ без вести пропал. Ищем.

— Бе-е-да, — вздохнула теща. — Дай бог, чтоб нашелся, дай бог! Ты ищи, Иван, ищи. Найдешь!

Лицо Миронова просветлело. Ему вдруг стало покойно, и пришла уверенность, которая всегда сопутствовала ему в работе — с самого начала, с тех пор, как окончил военное училище связи. Слова пожилой женщины, забота о неизвестном ей человеке подняли надежду, что все будет в порядке, как надо, как велит ему, Миронову, и его товарищам служба. Всякое могло случиться с «Соловьем», но «Север», конечно, не попал к врагу. Не должен был попасть и не попал! Ничего, что телефон ночью молчал, — все обойдется.

Он с благодарностью взглянул на тещу, надевая шинель. И попрощался особенно тепло — так не получалось уже давно в суровой спешке войны.

После осенней слякоти последних дней вдруг похолодало. Ветер жег щеки, забирался под шинель. Миронов порядком продрог, пока добрался до штаба, но в кабинете — стылой,

давно не топленной комнате — все же разделся, словно бы для того, чтобы встретить событий, которого он ждал, в виде, подобающем начальнику отдела.

Зазвенел телефон, и он пошел к нему, стараясь не спешить излишне и удивляясь, что все разыгрывается, как по нотам, как он надеялся, верил, ожидал.

Трубка проговорила знакомым, но совсем не стромиловским голосом. В ответ оставалось сказать обычное:

— Есть, товарищ генерал. Через пять минут буду.

Кресло возле большого письменного стола было глубокое, покойное, по Миронову оно показалось жестким и неудобным. Верно, оттого, что еще не тону, каким генерал вызвал его по телефону, почувствовал нечто тревожное и неприятное. А разговор между тем пошел обыденный: генерал спросил, чем Миронов собирается заняться сейчас, с утра, и он ответил, что намеревался ехать на узел связи, а потом на завод, где делали агентурные радиостанции, — этот маршрут для Миронова в последний месяц стал обычным.

Генерал выслушал, помолчал, будто прикидывая, что важнее — отпустить подполковника по делам или сообщить, зачем вызвал. Потом, без всякого перехода, сказал:

— Вы ждете сигналов от «Соловья»? Не ждите.

— То есть как... — Миронов привстал, опираясь на подлокотник. — Еще же не все шансы...

— Все. Все шансы исчерпаны. «Соловья» нет, и всей его группы тоже. Погибли в бою. Скажу еще, что шифр радист успел уничтожить, а вот взорвать рацию — нет.

А почему — нам с вами, наверное, уже никогда не удастся узнать. Какая-то оплошность была допущена. Простим человека, павшего смертью героя.

Генерал умолк, достал из коробки «Казбека» папиросу, закурил. Миронов сказал:

— Значит, «Север» у них?

— У них. Заполучили наконец станцию. Карательную операцию проводила абверкоманда 304. Знаете? Та, что под началом майора Клямрота. Он, поди, уже дырку сверлит па мундире под Железный крест. Будет теперь, прохвост, перед другими прохвостами куражиться: я, мол, добыл. За «Севером», думаю, не одна контрразведка вермахта охотилась. Гестаповцы небось тоже рвали и метали, чтобы узнать, что за чудо у нас действует.

— Значит, «Север» у них, — повторил Миронов, но уже без вопросительной интонации и вроде бы не генералу сказал — себе. — Это меняет дело.

— Конечно, меняет. Только намного ли?

— Думаю, да.

— А я — нет, — возразил генерал. — Не уверен. Давайте рассудим. Скажем, наш «Северок» представлен командующему группой армий фон Леебу. Или, допустим, Гиммлеру. Даже самому Гитлеру. Ну, и какие могут быть последствия?

Миронов пожал плечами, но генерал и не ждал ответа на свой вопрос.

— Предположим, их контрразведка узнала, какой именно радиостанцией пользуются партизаны и подпольщики в их тылу. Ну, и что же? Ведь «Северов» все больше и больше у нас будет. Не могут же они тратить на устранение каждого радиста столько жизней карателей, сколько они положили за «Соловья». А мы с вами — мы учтем промах, что надо, усовершенствуем и постараемся намного увеличить потери врага, чем ускорим победу. Далее. Допустим, они скопируют «Север». Сделают такую же радиостанцию. Но для чего она им? Где им взять в нашем тылу своих партизан, даже своих сторонников? Ведь «Север» — это не только техника. Это — идеология! Я уверен, фашисты ломают голову, откуда взяли мы такие радиостанции. Клямрот, контрразведчик, конечно, наводит тень на немецкую разведку. Она, мол, прохлопала. А где ей было взять сведения о «Северах», когда их к началу войны и в природе не существовало? Ни у нас, ни в Англии, ни в Америке, ни в какой другой стране. Мы с вами, Иван Миронович, разумеется, должны сделать все необходимое, чтобы фашисты этого так и не узнали... А впрочем, верьте не верьте, одну рекомендацию я бы им

дал. Пусть-ка почитают школьный учебник «История СССР». Там сказано, откуда у нас «Север». Не напрямую, конечно, но сказано! — Генерал встал, пристукнул костяшками пальцев по столу. — Завтра представьте мне соображения, как усилить подготовку радистов, чтобы случай с «Соловьем» не повторился. Техническую сторону продумайте получше. До завтра!

Миронов прикрыл дверь кабинета и медленно пошел по коридору.

Он старался разобраться в своем состоянии. Нелегко было услышать от генерала печальную весть, но это его, Миронова, служба, и он готов был держать ответ. Только вот... Ждал баню, выговор, проработку, а получил, собственно говоря, лишь умный урок. Даже прилив бодрости чувствовал, хотелось поскорее приступить к делам, ежедневным своим делам, потому что с потерей одной радиостанции борьба действительно не прекращалась. Наоборот, ее предстояло расширять, ожесточать.

«А насчет истории, — думал Миронов, — насчет истории верно сказано. Когда же это, в самом деле, началось? В 1940-м? Нет, раньше, в 1930-м. Впрочем, еще раньше.

А точнее? Точнее, пожалуй, ответит только один человек. Борис Михалин. Он ведь сказал первое слово, а мы подхватили. От Михалина все пошло».

ДОЛГ ПАМЯТИ

Для того, чтобы объяснить читателю, что такое есть предлагаемое сочинение, я нахожу удобным описать то, каким образом я начал писать его.

Л. Толстой

Весна 1967 года была в Москве теплой и дождливой. В мае часто гремели грозы.

Молнии весело раскалывали небосвод, словно бы фотографической лампой-вспышкой высвечивали суриковые крыши, белые торцы новых домов, серо-блестящий асфальт. В открытые окна редакции тянуло запахом тополиной листвы, мокрой земли, горьковатым выхлопом автомобильных моторов.

Мы сидели в маленькой, загроможденной столами комнате и писали очерк.

На зеленом сукне лежали блокноты. Записи в них мы сделали несколько дней назад в городе Всеволожском, что километрах в двадцати пяти от Ленинграда. И все — о нервном секретаре райкома Михаиле Романовиче Васьковском. Человек он известный: был делегатом XXIII съезда партии, депутат Верховного Совета Российской Федерации.

Встреча произошла не сразу. «С утра уехал в совхоз», — сказали в райкоме. «В какой?» — «Не то в Ручьи, не то в Лесное». Нашли наконец, а он просит: «Извините, дел по горло, если не торопитесь, приходите домой вечером».

Сам открыл дверь — быстрый в движениях, с лицом обветренным, загорелым. Сразу заговорил о севе, фермах, надоях, кормах, обязательствах. Предложил: вот бы об этом и написать — о людях, о буйно зацветающей земле.

Но сейчас нам был нужен только он, Михаил Романович, его биография. Подробности тех уже далеких дней, когда секретарь Всеволожского райкома был так юн, что его звали просто Мишей.

Васьковский наконец сдался, стал рассказывать. Но ему что-то мешало, он временами умолкал, глядел на дверь. Потом признался:

— Жена должна вот-вот новости привезти. За дочь волнуясь. Внука жду. Скоро дедом стану.

Сказанное еще резче определило временную дистанцию от нашей встречи до событий, о которых шла речь, а значит, и необходимость записать, сохранить для будущих поколений еще одну — тысячную или миллионную — страничку летописи войны, партизанского движения, обороны прекрасного и мужественного города — Ленинграда.

И вот в Москве, справляясь с записями в блокнотах, мы писали очерк.

Труд наш в тот час был несколько незаконным. Издавна в редакциях газет существуют дежурные. Их задача, когда уже номер совершенно готов, прочитан корректорами и выверен метранпажами, подписан редактором к печати, внимательно прочитать его еще раз, на всякий случай — не допущена ли все же ошибка. Таким дежурным полагается приходить на службу попозже, отдохнувшими, сосредоточенными, внимательными. Оттого их зовут «свежими головами».

Один из нас был «свежей головой», ему полагалось отдыхать. Но мы работали, дописывали очерк. Он был по-газетному коротким и назывался «Лесная азбука Морзе». Не обошли мы в нем и колхозную весну, как просил Васьковский, но основу очерка составляла глава о прошлом, о войне.

Вот эта глава.

«Отряду лучше всего подошло бы название «Летучий». Совершит диверсию и, пока фашисты за ним погоню организуют, уже в другом месте хозяйничает.

Быстрота и натиск были девизом отряда. Оно и понятно: двадцать пять его бойцов — спортсмены-сороходы, бывшие студенты Ленинградского института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта.

В декабре 1941 года лесгафтовцы ненадолго вернулись из лесов в Ленинград. Их командиру, мастеру спорта Дмитрию Косицыну, предложили в радисты щуплого с виду, выглядевшего моложе своих девятнадцати лет, бледнолицего я исхудалого паренька.

— Этот? — засомневался командир. — У нас не детский сад. Каждый достаточно нагружен. Нести за него рацию никто не сможет. Да и вообще отстанет в пути!

Косицыну показали радиостанцию — компактную, легкую, отрекомендовали и хозяина как снайпера эфира. Сам же он, студент военно-механического института Миша Васьковский, слов не тратил, только и сказал в отместку за «детский сад» командиру:

— На лыжах не хуже вас умею ходить. Не отстану!

Косицын махнул рукой, зачислил новичка в отряд.

Новые задания. Скоростные переходы по 40—45 километров, в мороз, по снежной целине, под вой неугасающей пурги. Миша пытит, из последних сил выбивается, а ни на шаг не отстает. «Музыкантом» прозвали его товарищи по отряду. Где-нибудь под разлапистой елью, в снежном окопчике включает он передатчик, а затем напевное, точно и в самом деле музыка: «Ти-ти, та-та... та-та-та...»

Кажется, просто — знай только азбуку Морзе. Да нет, не так. Антенну сначала правильно сориентируй, настрой передатчик, добейся максимальной отдачи мощности — она ведь у крохотной переносной радиостанции невелика. К приемнику — своя забота: настрой в режим наибольшей чувствительности, среди множества работающих радиостанций найди единственную, необходимую тебе, отстройся от помех.

А еще сумей выбрать наилучшую по условиям передачи волну да быстро зашифруй сообщение, обычные слова преврати в мудреную вереницу цифр. И сеанс связи обязан провести коротко, лаконично — разведывательная радиослужба гитлеровцев не дремлет, каждый сигнал неизвестной ей рации стремится засечь, запеленговать.

Обязанностей немало. Но справлялся со всеми с ними Миша Васьковский мастерски. Стучит, стучит ключом, и каждый раз у радиограммы новое содержание: то взорван мост, то разобрана колея, то уничтожено столько-то врагов. Особенно ценны разведывательные сведения: «Сегодня по железной дороге... идет переброска танков, орудий, войск. Прошел один эшелон, через полчаса — второй, потом — третий. Охрана путей усилена».

«Вас поняли, вас поняли! — несется в ответ с мощного радиоузла, обслуживающего партизанские рации-малютки. — Продолжайте наблюдение!»

На рассвете наша авиация нанесла мощный удар по скоплению противника. И опять оттуда, из-за линии фронта, слышно: «Ти-та, та-та... та-та-та... Уничтожено... Прямые попадания...»

Без малого два года провел во вражеском тылу комсомолец-радист Михаил Васьковский. За боевой подвиг наградили его орденом Красного Знамени. Все горячо поздравляли. И начальник отдела связи Ленинградского штаба партизанского движения подполковник Шатунов тоже крепко пожал руку одному из лучших своих радистов. Но вот однажды — тоже во время краткой побывки в Ленинграде — сделал Шатунов Васьковскому крепкое внушение.

За что? Радистам запрещалось участвовать в боях, ведь потеря радиста означала потерю связи с отрядом. Но Васьковский нарушил правило, принял участие в смелой вылазке, снял фашистского часового. Хорошо, что кончилось все благополучно, а если бы...

Александр Михайлович Шатунов был строг. Может, оттого, что сам хорошо изведal тяготы боев. Сражался в героическом гарнизоне Ханко, проявил большое искусство, поддерживая связь с Большой землей в очень сложных условиях. Теперь с неменьшим искусством руководил партизанской связью.

По-уставному «смирно» стоял перед ним радист. Нелегко ему выслушивать выговор. Но самое худшее еще последует. Вот сейчас:

— В следующий рейд пойдет другой радист. Вы останетесь на узле.

Подполковник видит, как побледнел Миша. Мысленно был для него радист просто Мишей — любил его подполковник, словно сына. И как не понять: тяжело парню расставаться с товарищами, выключиться из боя, ставшего его жизнью. Но пусть пока «отдохнет». Дисциплина есть дисциплина. Об этом решении узнают другие радисты. В науку.

Васьковского определили на узел связи. Теперь он принимал радиogramмы, посылаемые другими: «Та-та, ти-та...»

«Отдых», конечно, относительный. Ленинград — город не тыловой, город воюющий, фронтовой. Тут каждый чувствует себя бойцом. А для радистов узла связи партизанского штаба боевая работа — это долгие вахты, напряженное ожидание, когда выйдет на связь корреспондент, волнение за него — выйдет ли? И еще — кропотливая борьба с помехами, выуживание из тесного эфира нужных сигналов. Он, Васьковский, знал, какой ценой доставалось за линией фронта иное сообщение, и старался вовсю.

Вот только зависть к тем, кто посылал ему дробь морзянки на обозначенных в расписании волнах, не проходила. И не оставляла нового радиста узла надежда, что он еще вернется к товарищам из отряда, пустит, как в прошлом, свою «музыку» откуда-нибудь из лесу, под самым носом у фашистов.

Но было и другое чувство. Здесь, на узле, Михаил узнал, как много радистов-разведчиков действует во вражеском тылу вокруг Ленинграда. Это радовало молодого бойца. Ведь каждый работает на победу».

Курьер принес полосы. Сразу две. Так бывает: в типографии, видно, шли на пределе графика. «Свежей голове» следовало приниматься за дело, читать.

Это был помер за 8 мая, в канун Праздника Победы. Передовая называлась «Бессмертие подвига». На видном месте сообщение:

«Ленинград (От наш. корр.). Вчера многие тысячи ленинградцев были очевидцами волнующих событий, ярко символизирующих огромное уважение нашего народа к ратному подвигу, преемственность славных революционных и боевых традиций.

Пискаревское мемориальное кладбище. Сюда, к его священным камням, в сопровождении жителей города Ленина прибыла делегация москвичей во главе с первым заместителем председателя исполкома Моссовета В. П. Исаевым. Этой делегации дано

почетное поручение: наполнить па кладбище урну священной землей и доставить ее к степам седого Кремля па могилу Неизвестного солдата».

Текущая информация. Крупный заголовок: «Вьетнамский народ победит!» Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР группы военнослужащих Советской Армии: «За мужество и отвагу, проявленные при выполнении задания командования по разминированию и уничтожению взрывоопасных предметов, оставшихся в районах боевых действий периода Великой Отечественной войны, наградить...»

Еще об одном празднике: «Торжественное заседание, посвященное Дню радио, состоялось 7 мая в Большом театре...»

Рубрика «Из редакционной почты». Письма читателей предваряет вступление: «...Бывшие воины вспоминают о минувшей войне, о тех, кто, не жалея своей жизни и крови, в жестоких боях добывали великую победу. Пусть многих из них нет, но они всегда с нами. Они завоевали это право — быть всегда рядом с живыми. Нет, не ради личной славы взялись ветераны войны за перо. Их побудили к этому благородные и патриотические чувства. Они думают не о себе, а о подрастающем поколении, его воспитании па славных боевых традициях. Пускай она, наша молодежь, знает, как сражались отцы, какой ценой была завоевана победа...»

Страницы газеты еще не похожи на то, что завтра возьмет в руки читатель, — широкие поля, шрифт на талерном станке оттиснут жирно, черно. От бумажного листа пахнет горячим маслом линотипов, гарью тиглей, где плавится типографский сплав, тягучей краской.

Конец номера. Скорбные слова некролога. Мы прочли их, волнуясь. Оказалось, скупые петитные строчки имели прямое отношение и к очерку, который мы писали, и к той работе — мы тогда еще не знали этого, — которая завладеет нами в последующие два года. Именно это заставляет нас привести некролог полностью, таким, каким мы увидели его впервые:

Б. А. Михалин

«После тяжелой и продолжительной болезни скончался член КПСС с 1929 года, ведущий конструктор и изобретатель в области радио инженер-подполковник Михалин Борис Андреевич.

Б. А. Михалин родился в 1907 г. в семье крестьянина. С 13 лет начал свою трудовую деятельность. Почти 30 лет жизни он отдал делу укрепления обороноспособности нашей Родины. Под руководством и при непосредственном участии Б. А. Михалина были разработаны образцы и организован серийный выпуск широко известной переносной радиостанции «Север», успешно применявшейся в партизанских соединениях и частях Советской Армии в годы Великой Отечественной войны.

За выполнение ответственных заданий командования и большой вклад в развитие военной техники Б. А. Михалин награжден И орденами и медалями.

Память о Б. А. Михалине, талантливом военном инженере, скромном и принципиальном коммунисте, хорошем друге и товарище, навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей».

Мы хотели рассказать об одном из сотен партизанских радистов, упомянули его чудесную рацию, которая позволяла в самих трудных, самых неподходящих условиях быстро устанавливать связь с Центром, передавать ценнейшие данные разведки. Мы знали, что еще не пришло время рассказать историю радиостанции — историю, которую прежде знали лишь посвященные. И вот это время настало. Назван и человек, который создал ее, а значит, и незримо участвовал в боевых рейдах, находился рядом с каждым радистом, зажавшим в пальцах пуговку телеграфного ключа.

То, что было нами написано, теперь стало лишь черновиком, заготовкой. Ибо в нашем рассказе отсутствовал Михалин, по существу ничего не сказано о «Севере». Работу следовало продолжить.

Это было почти интуитивное решение — сделать написанное максимально содержательным, овладеть новым материалом. Мы еще не понимали важности задачи, которая стояла перед нами.

Михалин — изобретатель, и первым, к кому мы обратились, был сотрудник Министерства обороны СССР подполковник технической службы А. М. Киселев. Большой знаток истории и практики советского изобретательства, он щедро поделился с нами данными о Михалине, которые были в его распоряжении. К сожалению, они были скромны, эти сведения.

— Они пополнятся, — утешал Киселев, — самое главное, не упустить из виду мысль, высказанную автором «Севера» в письме, которое он написал перед смертью. Письмо адресовано ЦК КПСС, к нам в отдел его передали для реализации предложений Михалина. Борис Андреевич обращал внимание на то, что во множестве книг, написанных о советских разведчиках, ни слова не говорится о том, откуда взялась, как была создана рация, служившая их важнейшим оружием. Он считал это несправедливым и был абсолютно прав. И учтите, Михалин ни одним словом не обмолвился о себе. Он только рассказал все, что видел сам, что знал о рабочих и инженерах, давших армии «Северы». Он хотел, чтобы об этом, как и о подвигах разведчиков, тоже знали люди.

Александра Сергеевна Михалина с трудом сдерживала волнение. Каждое слово о муже стоило ей дорого — слишком еще свежа была утрата. Старые письма, давние фотографии — любительские, сделанные наспех, и крохотные «моменталки» для удостоверений — дополняли ее рассказ. Оставшись от прошлого, они стойко хранили его приметы в шершавости бумаги, выцветших строчках чернил, в том, как были одеты люди на фотоснимках.

В наших блокнотах появлялись новые фамилии, номера телефонов. Круг людей, знавших Михалина, причастных к истории «Севера» (а мы с каждым днем убеждались, что это действительно целая история), расширялся. Случалось, мы звонили у дверей тех, кого уже нет с нами. Тем ценней становилось каждое слово очевидца, каждый факт, которые удержала память участников событий.

ДИПЛОМ, РАВНЫЙ ДИССЕРТАЦИИ

Есть, верно, в каждом вузе профессора, на чьи лекции не пробьешься, с других факультетов прибегают. В тридцатых годах в Московском электротехническом институте связи славился так профессор, доктор технических наук Борис Павлович Асеев.

Когда в начале семестра на только что вывешенном расписании появилось слово «радиотехника», студент-вечерник Борис Михалин обрадовался: дождался любимого предмета. И еще сюрприз: курс-то кто будет читать. Сам Асеев!

Еще задолго до поступления в институт Борис тратил последние копейки на книги и детали, нужные для радиолюбительского конструирования. Старый букинист придерживал для него ходкую литературу. Достанет с полки том, повертит, будто бы демонстрируя, скажет:

— А ну...

Борис, высокий, худощавый, застенчивый с виду, разглядывает титульный лист: «Катодные лампы. Физические основы, характеристики и параметры. Москва, 1927 год. 2-е издание».

Продавец испытующе смотрит через стекла пенсне: угодил? А покупатель не спешит расставаться со своими капиталами, листает страницы.

Вот наконец взгляд зацепился за строчки предисловия: «...Хороший учебник, могущий быть рекомендованным не только учащимся, но и квалифицированным радиолюбителям, знающим среднюю математику и не боящимся упорного труда, который потребуется для усвоения книги. Они будут вполне вознаграждены основательными знаниями в области ламповой радиотехники». Вернулся к началу — кто автор? Написано: «Б. П. Асеев». Посмотрим.

Кивок головой, отсчитаны деньги, юркнул в дверь.

Завтра на смену, а он сидит за столом до рассвета — привык.

Так уж вся учеба складывалась. Лишь четыре зимы отходил в школу родного тульского села Шеховского. В тринадцать лет стал работником: скот пас, за плугом ходил. Читал, правда, много. На книги о радио натолкнулся и уж не мог отстать. Репродуктор разобрал и испортил. Возился, возился — исправил. Первый восторг радиолюбителя...

Ну, а потом в Москву перебрался, поближе к технике. На завод поступил. Работал и учился. Рабфак окончил, занятым радиолюбителем стал, конструированием занялся. Хочется, так хочется что-нибудь стоящее создать!

Начал хлопотами с длинноволновым детекторным приемником, перешел к ламповому. Следующий шаг — коротковолновый приемник. Наконец, высшая ступень — передатчик. И еще один асеевский труд, вышедший в 1931 году, прочитан внимательно, с карандашом в руке: «Короткие и ультракороткие волны».

Странно, книга написана так, будто профессор лично к тебе обращается, один на один: «Помоги развить паучу о распространении коротких волн... Нужны эксперименты, повторенные многократно, ибо опасно делать выводы на основании одного или нескольких опытов, могущих быть случайностью. Организовать же наблюдение в широком масштабе не под силу даже самым крупным специальным лабораториям. Здесь существенную помощь может и должен оказать массовый, организованный наблюдатель. Об этом должен помнить каждый коротковолновик, не только имеющий передатчик, но и располагающий хотя бы лишь одной приемной аппаратурой».

Борис не раз рисовал в воображении облик автора своих настольных книг. О встрече не думал, не представлял себе такой возможности. И вдруг, переписывая институтское расписание лекций, увидел: та самая фамилия, Б. П. Асеев...

В то время Михалин работал механиком на подмосковном радиоцентре. Жил в городе, в Голутвинском переулке, в старом деревянном доме. Вставал затемно. Стараясь не разбудить соседей, выходил на кухню, разжигал примус. Наскоро выпив чаю, спешил на трамвайную остановку — добираться к неблизкому Казанскому вокзалу.

До Люберец уже пустили электрички, их трубные гудки весело разносились по дачным поселкам. Только ехать все равно приходилось долго. Времени студент не терял: то учебник полистает, то конспект просмотрит. Даже в переполненном вагоне занимался. Стоя. А присесть удастся, так и задачи порешает.

После рабочего дня ехали в город веселой компанией. Братья-вечерники, товарищи Бориса, жили в общежитии при радиоцентре, так что им тоже приходилось неблизкий путь мерить — в институт и обратно.

Работало в Люберцах несколько бывших балтийских моряков, можно сказать, первых русских радистов. Дело свое операторское знали они мастерски, а вот теорией похвастаться не могли. И, зная эту свою слабость, помогали чем могли молодым своим ученикам. Чуть что, слышно: «Иди, иди, сынок, учись. Негоже занятие пропускать. Уж я за тебя продежурю». И молодой радист, механик ехал в институт, от компании не отставал.

Михалин в вагоне старался подсесть к двум своим друзьям — докам в математике и физике. Они в свою очередь считали Бориса, коммуниста с 1929 года, более сведущим в истории партии, философии. О чем ни заговорят — всем троим польза.

В день, когда должна была состояться первая лекция по радиотехнике, Михалин переживал примерно то же, что испытывает театрал перед долгожданной премьерой. И не

обманулся. Вот только на кафедру поднялся не седовласый старец, каким Борис представлял себе профессора, а средних лет человек в военной форме. Представился коротко — и к делу.

Иной о музыке говорит так, что слушатели засыпают, а вот асеевские лекции по радиотехнике воспринимались как музыка. Нет, у него не бывало длинных отступлений, рассчитанных на отдых, разрядку аудитории. Они ему, исключая короткую шутку, острое словцо, не требовались. Зато как образно, ясно и просто толковал он о сущности сложных физических явлений! Голос громкий, тембр приятный. Студенты успевают и слушать, и записывать, и списывать с доски формулы, срисовывать схемы.

Теперь Михалин знал Б. П. Асеева не только по книгам; он был просто влюблен в профессора. Но знал ли тот Михалина? Лабораторными занятиями руководили ассистенты, экзамены принимали другие преподаватели...

Но Асеев, расхаживая на лекциях вдоль доски, оказывается, успевал внимательно вглядываться в аудиторию. Естественный интерес педагога к своим ученикам? Не только. Профессору хотелось угадать в ком-либо из студентов нового Попова, Шулейкина, Бонч-Бруевича, Берга — не иначе. С какой бы тогда стати Борис Павлович с излишней прямо-таки для лектора внимательностью интересовался научным, техническим творчеством будущих радиоинженеров? Так вот однажды и попался ему «на крючок» Михалин-тезка.

— Борис Андреевич, — сказал профессор, — я познакомился с вашей работой, видимо, будущим дипломным проектом. Прямо скажу: интересно. Ответьте-ка мне, когда и почему пришла к вам эта идея?

Михалин рассказал, где работает, о том, как слышат подчас радисты Люберецкого центра аварийные сигналы моряков, летчиков, полярников. Тревожное «SOS» оказывается последним сеансом связи с Большой землей, потом — молчание. Заключил Михалин своей мечтой:

— Если бы у них была запасная радиостанция, маленькая...

Асеев улыбнулся. Сразу понял, не дал договорить:

— Ваш дипломный проект может иметь практическое значение и для обороны страны. Но чтобы довести дело до конца, условия нужны. Вот я и думаю: не перейти ли вам на работу в одну радиолaborаторию? Там мне удобней будет вас консультировать. Хотите?

Лицо Михалина просияло улыбкой. Он был уверен, что ему чертовски повезло. Надо же, каким-то случаем Асееву попался на глаза именно его будущий диплом, мог бы ведь и чей-нибудь другой. Согласен, он, конечно, согласен работать там, где скажет профессор. Лишь бы дело шло.

Что бы ни казалось тогда Борису Михалину, да только не один он был такой удачливый. Тысячи радиолюбителей пользовались исключительно благоприятными условиями для своей работы, которые сложились в стране с середины двадцатых годов. Постановление правительства «О частных приемных радиостанциях», кружки и клубы, массовые радиожурналы, широкая возможность каждому получать радиотехнические знания. Добрый посев давал дружные всходы, радиолюбители деятельно способствовали прогрессу советской радиотехники и особенно тем, что стали разведчиками в тогда еще малоизвестном мире коротких волн. Тут еще раз уместно вспомнить книгу «Короткие и ультракороткие волны» и обращение ее автора Б. П. Асеева не только к специалистам, но и к опытным, и начинающим радиолюбителям. Ученый призывал многих Михалиных к творческому содружеству.

А к коротким, длиной от 10 до 50 метров, волнам специалисты и радиолюбители обратились в поисках надежного средства дальней связи. В отличие от длинных или поверхностных, быстро затухающих радиоволн, короткие обладают замечательной способностью распространяться под углом, по касательной к округлой земной поверхности. Как искры, летящие с точильного круга. Но искры па легу гаснут, а короткие волны достигают верхних слоев атмосферы, где газы находятся в ионизированном состоянии — их

атомы под воздействием солнца, потеряв или приобретя электроны, стали заряженными частицами, ионами.

Ионосфера для коротких радиоволн — что ракетка для теннисного мяча. До шестидесяти, ста, тысячи, десятка тысяч километров может лететь от Земли радиоволна, а потом — стоп, давай обратно, поле заряженных частиц не пускает. Волна отскакивает от ионосферы, отражается вниз, к Земле.

И хотя коварно непостоянны в далекой высоте неба слои отражения, хотя нужно все время выбирать наилучшие условия передачи с помощью гигантского циркуля — прямого и отраженного коротковолнового сигнала — можно соединить весьма удаленные пункты. За тысячи километров друг от друга.

И что еще важно — создать этот самый циркуль можно, пользуясь радиопередатчиком малой мощности. Важно ведь только до зеркального слоя ионосферы добраться, выстрелить в него сигнал. А раз мощность аппаратуры мала, малы и размеры ее, вес. И связь можно осуществлять на многих рабочих частотах множеству станций одновременно, они не станут создавать помех друг другу.

Короткие волны поражали и захватывали каждого, кто ими интересовался. Первыми в мире ощутили это советские ученые и инженеры. В 1923 году М. А. Бонч-Бруевич и В. В. Татаринов в знаменитой Нижегородской радиолaborатории начали эксперименты с волнами короче 70 метров, выяснили некоторые из замечательных их свойств. Через три года уже заработала магистральная коротковолновая линия Москва — Ташкент, была налажена регулярная связь на коротких волнах между Нижним Новгородом и Владивостоком.

А вот всего лишь два факта из истории советского радиолюбительства. 3 июня 1928 года юный коротковолновик Шмидт из Вохмы первым в мире принял сигналы бедствия, посланные из Арктики экспедицией Нобиле на дирижабле «Италия». 12 января 1930 года Эрнст Кренкель, находившийся на Земле Франца-Иосифа, с помощью маломощного передатчика и самодельного двухлампового приемника установил полуторачасовую связь с американской экспедицией адмирала Берда, пребывавшей вблизи Южного полюса. Долгие годы оставался непобитым этот мировой рекорд дальней связи — 20 000 километров!

С короткими волнами было связано и задуманное Михалиным. Толчок, импульс к творческому поиску, что в сущности и можно назвать «везением», «удачей», исходным пунктом творческого союза с Б. П. Асеевым, дала обстановка радиоцентра, где студент-вечерник электротехнического института работал уже не один год.

Люберецкий радиоцентр — один из первенцев советского радностроения, его эксплуатация началась в мае 1921 года. Действующие тогда в Москве Октябрьская и Шаболовская станции были приемно-передающими. Совмещение приема и передачи делало связь неудобной, несовершенной. Люберецкая радиостанция строилась специально приемной, но зато с куда большим радиусом действия и более защищенной от помех мощных соседей. Ее начальным предназначением был направленный избирательный прием радиосигналов из Польши, Германии, Франции, Англии, Италии, а в пределах страны — из Ташкента. И что самое главное — впервые в России — одновременно.

Люберецкая приемная позволила во много раз увеличить пропускную способность передающих станций. В дальнейшем, особенно в связи со все более широким применением коротких волн и ростом радиомagистралей, Люберецкий радиоцентр подвергся реконструкции. Новая техника позволяла расширять диапазон приема. Охватывалась и Арктика, вплоть до полюса.

У Главсевморпути, ГВФ уже были свои центральные радиоузлы. Но в особых случаях к ним на помощь подключались и Люберцы: «караулили» в эфире сигналы бедствия кораблей и самолетов. Через цепочку других радиостанций устанавливалась связь с челюскинцами, с папанинской льдиной — там, на «макушке» Земного шара. Слышали и позывные советских воздушных кораблей, совершавших трансполярные и межконтинентальные рейсы.

Принятые сообщения передавались по проводам в Москву, в аппаратную Центрального телеграфа. В дни дальних перелетов или спасательных операций тут дежурил и члены специальных государственных комиссий, штабов. Каждую весточку ждали с волнением. Весь персонал радиоцентра переживал драматические моменты этой связи. Тревожились о людях: как они, что у них, не нужна ли помощь? Народ следил. Мир следил.

В Люберцах все внимание в такие дни было обращено на Александра Андреевича Сарычева и Михаила Филипповича Усанова. Оба с Балтики, в первую мировую войну на Аландских островах поддерживали радиосвязь с кораблями действующего русского флота. После революции перебрались в Москву и все свое мастерство отдали молодому социалистическому государству. Через огненные фронты гражданской, через кордоны блокады они посылали в эфир всему свету, всем народам ленинские слова правды, обращения первого в мире рабоче-крестьянского правительства.

Радиомеханик Михалин так и льнул к балтийцам, особенно к Сарычеву. Тот уже был туговат на левое ухо, но работа все равно шла у него лихо, даже в напряженные дни августа 1937 года, когда поддерживалась связь с первой нашей четверкой на полюсе.

И тут же, вскоре — трагедия. Ледяные просторы Арктики навечно поглотили самолет Сигизмунда Леваневского, летевший через полюс в Америку. Долгие поиски ничего не дали, молчал и эфир.

После многих часов работы Сарычев удрученно снял наушники, вздохнул. Сидевший рядом Михалин не сдержался, выпалил, о чем думалось уж не первый день.

— А все же могли Леваневский и его товарищи спуститься на парашютах!

— Ясное дело, могли, — кивнул Сарычев. — Да только где они?

— Была бы с ними маленькая радиостанция...

— Если бы да кабы!

— Нет, ты послушай, — быстро заговорил Михалин, — хочу такую придумать. И сделать.

Александр Андреевич надел очки, поднял глаза на Бориса. Как будто хотел получше разглядеть. Знал молодого дружка трудолюбом, упорным, пытливым — и работает, и учится, и как радиолюбитель конструирует. За лампу, конденсатор все деньги отдаст; растратит зарплату так, что неделями в столовую не ходит. Но ведь по-разному такое можно объяснить. Добывается, скажем, положения, славы. Или тут другое — страсть, одержимость?

Сарычев смотрел, и с лица его сходило задумчивое, вопросительное выражение. Будто он медленно, но с нарастающей уверенностью приходил к выводу, что не слава движет молодым механиком, а желание помочь людям, сделать что-то важное для своего народа.

Снял очки, взял Михалина за руку, словно бы говоря: молодец, парень, не зря носишь в кармане большевистский партбилет.

Подошел Усанов.

— Слышь, — сказал Сарычев. — Борис-то наш какое дело задумал...

Михаил Филиппович выслушал, одобрил вслух:

— А что, дерзай! Эрнст Теодорович Кренкель — из наших, люберецких. Вдруг и о тебе услышим, что знаменитым конструктором стал.

Кренкель... В те дни Михалин как раз читал написанную в канун вылета к полюсу статью прославленного радиста. Там описывалась радиоаппаратура, увезенная на дрейфующую льдину. Радиостанцию сконструировали под руководством начальника лаборатории управления Гаухмана. Общий вес двух комплектов достигал пятисот килограммов. При сравнительно небольшой мощности рация с первых дней работы показала себя надежной и удобной. Было за что поклониться ее разработчикам: экспедиция могла в любой момент сообщать на Большую землю свое местоположение, метеосводки, другую научную информацию. Без этого, случись беда, искать зимовщиков в Полярном бассейне — что иголку в стогу сена.

Михалин в кренкелевской статье находил подтверждение своим мыслям, преклонялся перед созданием ленинградских конструкторов, отдавал им должное. Но вес, вес! Пятьсот, пусть даже сто килограммов его никак не устраивали. Мечтал о станции, которую мог бы нести на себе один человек.

Такой малютки тогда, во второй половине тридцатых годов, не было ни в одной стране. А Михалину хотелось во что бы то ни стало создать легкий аппарат, надежно помогающий людям, попавшим в беду, где бы они ни оказались — в тайге или тундре, в горах или пустыне.

Все это он изложил профессору Асееву, именно так и комментировал идею своего диплома. Но ученый смог лучше определить подлинный масштаб и значение задуманной студентом работы. Не случайно носил он военную форму, не так уж случайно, как казалось Борису, и остановил свой выбор на расчетах и схемах к дипломной работе. Геологи — это хорошо, полярные летчики — тоже. Но если грянет война? Портативка нужна и для разведчиков, для групп, действующих в тылу врага. Только и требования к ней будут посложней.

И, определив это, Б. П. Асеев сделал так, чтобы работа над дипломным проектом стала для молодого специалиста и патриотическим шагом, работой на оборону страны.

На новом месте Михалин ни разу не почувствовал холодного к себе отношения: твой, мол, замысел — ты и осуществляй. Похоже, все сговорились с институтским профессором.

Работы еще не было ни в планах, ни в заданиях, а Борис уже пользовался вниманием руководства, партийной организации, всех, кто трудился рядом. К делу подключились наиболее опытные конструкторы, начальник лаборатории Касьян Владимирович Качарский. Вдохновителем этой помощи, кропотливых поисков наилучшего подхода к решению задачи был военинженер I ранга Иван Николаевич Артемьев. Участник гражданской войны, старейший военный радист, он много сделал, когда уточнялись, определялись тактические и технические требования к создаваемой аппаратуре. Но главным автором оставался Михалин. За ним была инициатива в выборе путей построения радиостанции, хотя и случалось, что с ним не соглашались, предлагали иное решение, надеясь на лучший результат.

В изобретательстве, наверное, чаще, чем где-либо, надежды чередуются с разочарованиями. Не раз такое бывало в у Михалина. Хотелось в такие минуты пойти к Асееву, сказать: «Вы ошиблись во мне. Нет у меня способностей». Но стоило увидеть профессора, и от нахлынувших сомнений не оставалось и следа. Со всегдашней своей веселостью Асеев опережал:

— Загвоздка получилась? А вы как хотели—без сучка я без задоринки? Нуте-ка, давайте посмотрим схему...

В июле 1939 года Борис Михалин защищал свой дипломный проект, равный по значимости диссертации. Члены государственной экзаменационной комиссии горячо поздравляли выпускника не только со званием инженера, но и с определенным вкладом в радиотехнику.

И высшее армейское командование так же расцепило дипломный проект. В августе 1939 года было дано задание: на его основе разработать малогабаритную, переносную и надежную в эксплуатации радиостанцию. В помощь Михалину назначили молодых способных конструкторов Мухачева и Покровского. Условные значки и линии чертежей вскоре превратились в живую связь конденсаторов, ламп, катушек индуктивности — это уже было дело мастеров-макетчиков.

Через три с половиной месяца специальной комиссии были представлены два действующих макета радиостанции. Они создавались параллельно двумя группами, и каждый имел свои плюсы и минусы.

Решение комиссии оказалось жестким: «Переработать». Сделать макет по габаритам таким же малым, как у группы Мухачева, а по технологичности — подобным тому, как этого добились группа Покровского.

Новый образец радиостанции, названной последней буквой греческого алфавита «Омега», был готов в апреле 1940 года. Комиссия осмотрела его и рекомендовала выпуск небольшой серии. Для испытаний.

МИРОНОВ НАХОДИТ ВЫХОД

— Надо обеспечить надежной связью десантные группы. Сообщения из немецких тылов мы должны получать как можно скорее... — командующий фронтом помолчал и назвал солидную цифру — количество требуемых радиостанций.

Тот, к кому он обращался, плотный сорокалетний подполковник с медалью «XX лет РККА» на гимнастерке, еле сдержал кашель. Круглое добродушное лицо подполковника покраснело. Он словно бы проглотил уставное ответное:

«Есть».

Это был Миронов. В ту минуту он не только не ведал о том, что станет готовить радистов-разведчиков, будет тяжело переживать гибель «Соловья», выслушивать вместо выговора ободряющие слова начальства, но и не знал, не мог знать ни о каких «Северах». Не все еще свои задачи выдвинула война.

Стоял жаркий, душный июль 1941 года. Может быть, как раз в тот день начальник германского генерального штаба Гальдер записал в своем дневнике: «Фюрер категорически подчеркивает, что он намерен сравнять Москву и Ленинград с землей».

Сводки звучали все тревожней. 6 июля пришлось оставить Остров, 9-го — Псков.

В открытое окно Миронову было видно, как маляры полосами зеленой и коричневой красок камуфлируют Зимний, Александровскую колонну. На гулком просторе Дворцовой площади маршировали ополченцы...

Командующий генерал-полковник Попов продолжал: — И для подпольных райкомов просят, — он показал на какой-то документ, лежавший перед ним на столе. — Партизанам нужно...

Генерал снова называл цифры. Миронов хмурился. Хотелось перебить командующего вопросом: где же взять столько? На складах не густо, после того как снабдили вновь сформированные части. А заводы, которые могли бы пополнить запасы, эвакуируются на Восток. Но даже и то, что есть, годится только войскам, для разведчиков, партизан совершенно не подходит. Слишком громоздка и тяжела наличная аппаратура: прыгать с парашютом очень трудно, на плечах таскать по лесам — тоже.

Вот что вертелось на языке у Миронова. Но он промолчал. Ничего бы не добавили его слова к тому, что командующий знал и сам. А если так, то зачем их произносить? Чтобы доказать невозможность выполнения приказа? Приказ нельзя не выполнить.

Командующий покачал головой так, будто слышал все, о чем думал Миронов. И словно в ответ спросил: — Что же вы предлагаете?

Миронов ждал такого вопроса. Такой вопрос начальника подчиненному всегда возможен. Ведь как бы ни была чудовищно сложна задача, ее невыполнение не оправдаешь ничем. На то и задача, на то и поставлена перед тобой. Умри, но выполни. Твое дело. А вот каким именно способом, могут спросить. И чтобы ответить, мало быть находчивым. Требуется то чувство ответственности, партийности, которое заставляет широко, государственно мыслить, заботиться не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем. А оно было, это чувство, у Ивана Мироновича Миронова, партийца с двадцать пятого года.

— Что же вы предлагаете?

Повторный вопрос свидетельствовал, что пауза затянулась. Но Миронов уже встал, вытянулся во весь свой невысокий рост:

— Разрешите кое-что показать?

Твердым шагом вышел из кабинета и вскоре вернулся. Грудь его перекрещивали ремни брезентовых сумок. Из одной Миронов извлек маленький приемо-передатчик, из другой — комплект сухих батарей и элементов. Поставил на стол, отчетливо, как заученное, доложил:

— Диапазон рабочих частот передатчика от 2,56 до 5,8 мегагерц. Приемника — от 2,05 до 10. Мощность до 1,3 ватта. Дальность действия до 300 километров. На тщательно выбранных волнах и при хороших условиях их прохождения можно добиться дальности до 1000 километров.

Это была «Омега».

Незадолго перед войной Миронов получил из Москвы две такие радиостанции «на предмет ознакомления». Заинтересовался новинкой, стал ее испытывать. Поедет, бывало, толковый связист в дальний гарнизон по делам службы, так Иван Миронович обязательно ему «в багаж» пристроит «Омегу». Желает или не желает — как дополнительную нагрузку.

Из Пскова, Таллина, Мурманска связывались со штабным радиоузлом, обменивались условными текстами. И получалось! Подполковник Миронов все больше в этом убеждался. Надо бы, конечно, получше станции испытать, да чего ж теперь — война. Но и те данные, которые он уже получил, позволяли предложить: а что, если немедленно освоить производство вот этих самых «Омег»?

Конструкция несложная, дальность действия перекрывает любое нужное расстояние в прифронтовой полосе. А главное — небольшой вес. С такой рацией и разведчик без помех всюду пройдет, и партизан из-под самого носа фашистов исчезнет.

Командующий слушал молча. Потом с тем же решительным выражением на лице, с каким говорил только что «надо... надо», снял телефонную трубку:

— Товарищ Жданов? Здравствуйте. Да, я. Тут такое дело...

И генерал-полковник изложил первому секретарю Ленинградского обкома партии все, что узнал от Миронова об «Омеге».

Ответ был коротким. Командующий передал его Миронову:

— Сказал, что Ленинград может освоить и освоит. Сегодня же отправляйтесь в горком. Все будет сделано. Возможное и невозможное.

Завернутые в брезент сумки осторожно снесли по ступеням штабного подъезда. Миронов обратил внимание: как громко отдаются шаги в ночной тишине! Дверцы «эмки» хлопнули еще громче, отбросили звонкое эхо. И, словно бы вызванный этим звуком, откуда-то издалека донесся гул артиллерийской канонады.

Красноармеец-водитель включил мотор, но не трогался, ждал, когда скажут, куда ехать.

— В Смольный.

Машина покатила по тревожно дремавшему в сумерках Невскому. За поворотом потянулся безмолвный Суворовский проспект, потом пустая, просторная площадь Пролетарской диктатуры. Невдалеке угадывался Смольный.

«Сколько смысла может вместить одно-единственное слово, — думал Миронов, всматриваясь вперед. — «Смольный» с началом войны вновь, как в революцию, зазвучало для ленинградцев набатом: почти через четверть века снова решается судьба народа. И теперь уже все знают, что предстоит тяжелая, кровопролитная борьба. Спасти Родину, революцию могут только железная стойкость, невиданный еще героизм. Может быть, так бы сказал Ленин. Оттого-то многое слышится в одном слове — «Смольный». Ленин и Смольный у каждого слились воедино...»

Миронов вырос в Питере. Сын рабочего-землекопа, он и сам еще подростком познал каторгу капиталистической фабрики. Что буржуи — паразиты, что нужда, все беды от них — понимал. Но в демонстрациях участвовал больше по мальчишескому увлечению. В июльские дни семнадцатого года увязался за колонной матросов и, когда казаки открыли стрельбу по демонстрации, чуть жизнью не поплатился. В октябре ему не пришлось ни бывать в

Смольном, ни видеть там Ильича. Не посчастливилось. Но в бой против Юденича комсомолец Иван Миронов уходил с площади возле Смольного. Может, оттого ему и казалось всегда, что он все же был в октябре в штабе революции, все же видел там Ленина среди красногвардейцев.

Уже став командиром, Миронов несколько раз бывал в Смольном. Однажды как делегат областной партийной конференции, в другой раз, когда в канун годовщины Красной Армии отдел пропаганды приглашал военных товарищей на инструктаж, перед тем как они разойдутся докладчиками на заводы, фабрики, в учебные заведения. И в каждый свой приход в Смольный Миронов испытывал особое чувство благоговения, ему казалось, что он входит в Храм Истории.

В дни войны он, военный связист, подполковник, едет в Смольный впервые. Как там сейчас? Миронов обернулся назад, в темноту кабины, как бы убеждаясь, там ли, где положили — на заднем сиденье, — необычный для такого адреса груз. Захотелось поскорее войти в здание, что впереди.

Остановил «эмку», вытащил узел и зашагал быстро, словно опаздывал.

С обеих сторон асфальтовой дорожки высились деревья, ветер шелестел листвой. Миронову даже показалось, что он заблудился, так непривычно было вокруг. Его остановил окрик часового. Он опустил узел на землю, показал пропуск. Только на широкой мраморной лестнице несколько умерил шаг, почувствовал, как затекли у него руки, неловко обхватившие брезент.

В кабинете первого секретаря горкома партии было уже полно народу. Оттого, что ярко горела люстра под потолком, а окна были наглухо зашторены, особенно сильно чувствовалась духота. Что-то очень подкупающее, кировское было г, человеку, встречавшем входивших. На нем была полувоенная форма, с виду моложавый, лицо улыбочное, черные волосы зачесаны назад. Миронов попытался доложить ему, члену Военного совета фронта, по-уставному, но тот положил руку на плечо — мол, не надо, дорогой товарищ, давай попросту поговорим о деле.

Ленинградцы хорошо знали и любили своего партийного руководителя — Алексея Александровича Кузнецова. Он и вырос у всех на глазах: рабочий на лесопилке, комсомольский вожак, потом партийная работа — начал с инструктора. Не щадил себя, заботясь о людях, самые сложные политические и хозяйственные вопросы умел решать просто и исчерпывающе.

Из разговоров сидевших рядом Миронов скоро понял, что в кабинете собрались директора и главные инженеры радиотехнических предприятий, представители научно-исследовательских лабораторий и КБ. Кроме привезенной Мироновым, здесь оказались еще две малогабаритные радиостанции других конструкций. Их поставили на зеленое сукно длинного стола рядом с «Омегой». О каждой коротко докладывали.

Миронов говорил о «своей» радиостанции и ревниво поглядывал на другие, расположившиеся на зеленом сукне, будто на лугу в траве. Он удивился поначалу, что раций три. Жданов ведь сказал, что освою «Омегу». Такое же молчаливое беспокойство, надежду он уловил и у тех, кто докладывал о конкурентах «его» станции. Потом сказал себе: «Нет, пусть победит лучшая. Связист же я в конце концов».

Но даже внешнее сравнение было в пользу «Омеги», самой маленькой. Выделялись и технические характеристики. А к ним Миронов мог бы еще добавить результаты собственных испытаний. Не стал. Соревнование так соревнование!

Инженеры поднялись с мест, извлекли рации из футляров, внимательно осматривали. Придирчиво, словно мастера ОТК, проверяли прочность креплений узлов, качество монтажа, вынимали и снова вставляли в панели радиолампы. Листали страницы описаний, разглядывали принципиальные схемы, что-то прикидывали, совещались.

Потом вопросы. Их сыпали в основном производственники. Кузнецов только внимательно слушал. Лишь раза два вмешался в разговор второй секретарь горкома Я. Ф. Капустин, прекрасно знавший промышленность, недавний парторг крупного завода.

Когда ознакомились со всеми образцами, договорились: провести сравнительные испытания и лишь после таких детальных смотрин из трех «невест» выбрать лучшую. Принятый же образец освоить на всех стадиях заводского конструирования, разработки технологии и серийного производства как можно быстрее.

Согласовали и сроки — сверхударные. Пусть между исходным образцом и серийным производством всегда лежит сложный и трудный путь даже в мирное время, пусть обстановка прифронтового города выдвигает дополнительные и очень серьезные препятствия — фронт ждать не может!

Никто не произносил «надо», «нужно», никто никому ничего не приказывал. «А что, — подумал Миронов, — ведь в Смольном собрались. Каждый понимает, что если бюро горкома партии занимается этим вопросом, значит, он важный». Как бы в продолжение его мысли слышалось: «Наш завод берет на себя... Мы сделаем... выполним».

Лишь в одном споткнулись. Кто-то из директоров спросил о количестве требуемых радиостанций. Миронов огласил цифры, которые назвал ему командующий фронтом. Прикинули, во сколько это может обойтись. Сумма получилась в... миллионы рублей. Кто их даст?

И па этот вопрос должен был ответить Миронов. Он тут представитель главного заказчика — фронта. А что ответить? Финансирование — вопрос большой, государственный.

Ему показалось, что в кабинете стало жарче. «Как же я не догадался это выяснить, прежде чем поехать в Смольный?»

Кузнецов выручил:

— Товарищу Миронову трудно с ходу все осветить. Но, я думаю, нужные средства найдутся. Столько, сколько надо.

За плотными шторами уже вовсю сияло утро, когда вышли из кабинета. В следующей комнате ожидали приема другие люди. «Тоже со своими неотложными делами, — подумал Миронов. — Может быть, тоже по поводу производства боевой техники, оружия, а может, организации ополчения, истребительных отрядов. Мало ли чего — все надо!»

Смольный бодрствовал.

В сентябре гитлеровская газета «Ангриф» писала: «О дальнейшем использовании ленинградской военной промышленности для снабжения вооружением советского фронта не может быть и речи». Так выходило на счетах рейха: город в блокаде, лишен железнодорожной связи с центром страны, его методически обстреливают из орудий, бомбят.

На счетах Ленинграда получалось иначе. Даже наполовину эвакуированные заводы продолжали жить, работать, бороться.

Через десять блокадных месяцев ленинградцы устами секретаря обкома партии А. А. Жданова, выступившего на сессии Верховного Совета СССР, доложат Родине: «Танки, пушки, минометы, автоматическое оружие, снаряды, мины, гранаты а многое другое давала и продолжает давать фронту ленинградская промышленность». А придет время, и архивная статистика дополнит эти слова цифрами. И тогда окажется, что во второй половине 1941 года при половинной мощности оборудования общий выпуск боеприпасов в Ленинграде был удесятен. В сумме — это три миллиона снарядов и мин, свыше сорока тысяч реактивных снарядов, сорок две тысячи авиабомб, не считая огромного количества боеприпасов для стрелкового оружия. Более тысячи орудий и минометов прибыли из Ленинграда на подмосковные огневые позиции в самые напряженные дни обороны столицы.

Напрасно гитлеровский рейх списал со счета ленинградскую военную промышленность!

Не ведал враг и того, что всего через три месяца после его разбойничьего нападения на нашу страну в городе на Неве вот-вот должен был начаться выпуск совершенно новой и такой нужной фронту продукции нескольких кооперированных между собой радиотехнических предприятий. Надо полагать, что эта продукция входила в то самое «другое», что имел в виду А. А. Жданов, выступая на сессии Верховного Совета.

Сравнительные испытания трех образцов радиостанций показали преимущества «Омеги». Избранница, в отличие от своих «соперниц», работала не только на заданных, фиксированных кварцами частотах, но и в плавном диапазоне. А это для военной радиостанции большое преимущество.

Миронов ликовал. Таким радостно-возбужденным, в гимнастерке с вольно расстегнутым воротом впервые увидел его Михалин. Он вошел в небольшой кабинет начальника отдела связи, остановился, не зная, видимо, как представиться. Но этого и не требовалось. Миронов уже шел навстречу.

— Михалин? Борис Андреевич? Вот вы, оказывается, какой! Проходите, усаживайтесь вот тут, па диван. В пору явились, нам каждая минута дорога.

— Минута? — Михалин сел. — Я бы мог минут на пятнадцать раньше. — Он улыбнулся. — Косоворотка моя сильно работников бюро пропусков смущала. Только что на просвет командировочное предписание не изучали. Видят: печать на месте, подпись тоже. Сказано по-русски: вольнонаемный инженер организации номер такой-то. Да поди ж ты — гражданский! А в штаб пришел. И еще телефон главного связиста спрашивает... Миронов расхохотался:

— У нас свое дело, у них — свое.

— Я к будке, — продолжал Михалин, — а там очередь. Дождался — у вас частые гудки. Нет, положительно на четверть часа мог бы раньше прибыть.

Миронов с удовольствием, точно нежданно встреченного друга, разглядывал приезжего. Когда сообщали в Москву о начинающемся производстве радиостанции, никого в помощь, для технических консультаций не просили. А в ответ вдруг телеграмма: приедет человек. И не кто-нибудь, а сам автор «Омеги». Удача, просто удача!

Толковали недолго — Михалин хотел поскорее приступить к делу. Начальник отдела связи не возражал. Вот только что прибывший на помощь инженер — автор радиостанции — посчитал нужным никому не сообщать, направил его на головной завод с такими же допусками, как у военпредов.

Миронов — начальник, у него свой расчет. А Михалину, незнакомцу для всех, командированному, как быть, как называться?

— Замечательная вещь эта станция, — сказал ему на заводе высокий худой человек по фамилии Стромилов.

— Вы находите? — Михалин ответил осторожно, не понимая, куда гнет этот новый знакомец.

— Еще бы! Иначе не стали бы посылать к нам из Москвы толкачей. Вас, например.

Оба ростом не обижены, прямо смотрели в глаза друг другу. У воентехника Стромилова взгляд лукавый да и серьезный, вроде и вправду обижается за себя, за завод — зачем им тут погонялы! Посмотрел-посмотрел, никакой особой реакции на свои слова не дождался и сменил тему:

— Ну, пошли в цех!

— Пошли, конечно, — согласился Михалин. — Надо ведь, чтобы станция осталась замечательной и в массовой серии.

Стромилов обернулся, и во взгляде его было прежнее: конечно, я вас правильно раскусил, кто еще так скажет.

Вечером Михалин написал письмо жене: «Анекдот, Шура, меня тут приняли за «толкача». Ладно, пусть даже чертом-дьяволом называют, лишь бы дело шло. А оно, мне кажется, идет отлично!».

Михалину привычна заводская жизнь, но сейчас он ловил себя на мысли, что все вокруг представляется новым, никогда неизведанным. Не только из-за бумажных крестов на оконных стеклах, не потому, что вахтеры с противогазными сумками через плечо, — иной, казалось, доносится гул из цехов, по-другому, быстрее, ходят люди, упрямее хлопают двери, короче, деловитее разговоры.

Изведаль Михалин и первую свою ленинградскую воздушную тревогу. Пришлось спуститься в бомбоубежище. Где-то совсем рядом ухали зенитки, из репродуктора в паузах между выстрелами доносились четкие щелчки метронома. Время казалось осязаемым.

Вспомнилось услышанное где-то на ходу: «Одна винтовка — винтовка, много — оружие. Один самолет — самолет, много — господство в воздухе». И Михалин добавил мысленно: «Одна радиостанция — радиостанция, много — связь». Еле дождался конца тревоги, быстрым шагом вернулся в помещение, где работали конструкторы. Взмолванный, следил, как у чертежных столов собираются люди, мгновенно включаются в работу — будто и не было вынужденной паузы.

В институте он считал большим везением встречу с Асеевым. Теперь по тому же рангу определил участие ленинградцев в производстве радиостанции. Видел, что заводские конструкторы, как, впрочем, и технологи, не просто копировали имевшийся у них образец, а старались творчески осмыслить задание, на каждом этапе работы добиться максимального эффекта. И действовали быстро, умело. Просто удивительно, думал Михалин, как это у них выходит. Инженерный рекорд.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОСЬМОГО ЭШЕЛОНА

— Раз-два, взяли... Еще раз... И еще раз...

Крикам вторят близкие разрывы снарядов. Чугунные станины тяжело, нехотя ползут по дощатым сходням. Грузовики вздрагивают, ощутив тяжесть, сердито режут моторами.

Железнодорожные платформы постепенно пустеют. За ними открывается рельсовая даль, будка стрелочника, семафор с воспаленно краснеющим глазом.

Грузовики медленно катятся по улицам, вползают на заводской двор. И снова крики: «Раз-два...» Сходни трещат, части станков, облепленные людьми, медленно взбираются на третий этаж, в непривычно пустой цех.

Из бетонного пола торчат погнутые болты, фундаменты возвышаются, как могильные плиты. Станки сопротивляются, нехотя возвращаются на места, где они простояли годами и с которых еще день назад их безжалостно срывали.

Бесполезный путь — на железнодорожную станцию и обратно. Но люди стараются. Тянут, поднимают, толкают, привинчивают, хрипло ругают неподатливые глыбы металла. Непривычно им. Такую бы работу сноровистым такелажникам справлять, а не станочникам, радиомонтажникам, настройщикам, служащим.

Суеты много, но дело идет. Среди добровольных грузчиков то здесь, то там виден среднего роста человек в шинели без петлиц, в сапогах. Он работает, да еще успевает распоряжаться, подбадривать, давать советы. На то он, Иван Николаевич Ливенцов, и секретарь парткома завода, чтобы и во главе стоять и, как все, на равных трудиться. Вытрит платком раскрасневшееся лицо, и снова:

— А ну, товарищи. Еще раз: взя-я-а-ли...

Молча толкает станок токарь Сергей Гаврилов. Волнуется: как бы ненароком не повредить машину. Его молоденькая жена, нормировщица Леночка, пытается успокоить:

— Не переживай, дотащим. Цел будет.

Ливенцов слышит ее слова, присоединяется к разговору:

— Ребята здоровы, Гаврилов? Токарь молча кивает.

— Война войной, а за ними уход нужен. Где они? Теперь уж Лена заволновалась:

— Дома. С эшелона, из теплушки домой отвезли. Уложили спать, а сами сюда.

— Вот и зря. Сейчас же бегите к детям! — приказывает Ливенцов. Потом мягко: — Завтра в партком зайдите, устроим в детсад.

А Сергей все молчит. Ливенцов знает почему: обижен на все и вся, особенно на него, Ливенцова. С первых дней войны ждал повестки, потом сам поехал в военкомат. Там вынули из ящика карточку — «Гаврилов Сергей Алексеевич 1908 года рождения». Повертели карточку, почитали и отрубили: «Нет, вас не призовем. Есть бронь. Вы токарь высшего разряда, нужны заводу».

А завод тем временем стали готовить к эвакуации. На Восток должны были ехать все, кто остался после того, как две тысячи человек ушли на фронт и еще многие — строить оборонительные сооружения на ближних подступах к городу, и еще — в ополчение.

На оборонительные работы отправлял партком, вооружал ломами и лопатами. И в ополчение он мобилизовывал, бойцами отряда народной охраны тоже он назначал — во время воздушных налетов с пожарами бороться, на случай возможных вражеских десантов и диверсий. Комиссаром отряда был Ливенцов.

Секретарь парткома организовывал военное обучение, занимался многочисленными мобилизациями. Сражаться с врагом каждый был готов, любая мобилизация проходила быстро, организованно, четко. Одна лишь эвакуация давалась мучительно.

Коммерческого директора Стогова наркомат назначил уполномоченным по эвакуации. Тот достал доски для упаковки оборудования, пригнал грузовики, подъемные краны, вооружил грузчиков талями. Снимали станки быстро, в считанные часы опустошали цехи.

Дошло дело до отправки людей. А тут, оказывается, и краны не помогут, многие наотрез отказываются ехать. К Ливенцову в партком бегут, требуют:

— Оставь здесь! С тобой вместе будем. Секретарь уговаривал:

— Надо ехать, товарищи. Поймите, надо. Завод переводится в Сибирь. Кому же там, на новом месте, его пускать? Кому учить местных рабочих? Кому работать? Вы там нужнее. И директор Захаров туда едет. И главный инженер Можжевелов. И главный конструктор Смирнов. Надо — и едут.

Слушать слушают, а все же упираются, просят: оставь.

С коммунистами легче, тут Ливенцов не церемонится: «Поставим вопрос на парткоме. Привлечем к партийной ответственности».

Хуже с беспартийными, у тех довод:

— А сам почему не едешь?

— Я теперь солдат, — твердил Ливенцов. — Меня вот комиссаром отряда народной охраны поставили. Мы тут, если потребуется, до последней капли крови будем защищать завод. Как крепость. А у вас дети. Я-то свою жену и детей уже отправил.

Чаше всего женщин приходится так увещевать. Ливенцов охрип, с отчаянием думал: «Как же их убедить? Как?»

С токарем Сергеем Гавриловым попросту повздорил. Конечно, Гаврилов парень молодой, здоровый. И на фронте, и в заводском отряде был бы хорошим бойцом. Но его, высококвалифицированного рабочего, требуют в Сибирь. А он одно твердит: ему, вишь, беспартийному, не доверяют. «Я тоже, — говорит, — возьму винтовку. Не хуже вас буду защищать пашу Советскую власть».

Ушел не попрощавшись, хлопнул дверью.

А потом вдруг Ливенцов узнал, что Гаврилов с семьей погрузился в восьмой эшелон, который следом за семьей ушедшими ранее вот-вот тронется в путь. Осознал, выходит. Ну и счастливая дорога.

Через день неожиданно-негаданно получили задание освоить и начать производство малогабаритных радиостанций. Партийное задание. Но кому же это делать? Новая забота

легла на плечи парткома. Бросились к пенсионерам, в отряде тоже есть кое-какие силы... Но оборудование-то уже вывезено!

Стали звонить на другие заводы: «Помогите, бога ради, станочками!»

И в тот же час со станции посыльный:

— Восьмому эшелону не уйти! Немцы железную дорогу перерезали. Снаряды уж поблизости рвутся.

Ливенцов поднял свой отряд по тревоге: на станцию!

Снаряды действительно рвались совсем рядом с путями. Кое-как стащили с платформ несколько станков. Теперь вот в цехе они, на старых местах.

И вправду, нет худа без добра, что восьмой эшелон возвращается. И отряд народной охраны ой как пригодился: для разгрузки... На фронте тоже бывает — копают траншеи, а когда готовы, глядишь, не нужны. Что ж, не надо было копать? Так и с восьмым. И с тобой, токарь Гаврилов, так. Надо было ехать, и поехал бы. А теперь враг помешал, и новые задачи в борьбе с ним вышли. Вот и остаешься ты в осажденном Ленинграде. Ты и весь восьмой эшелон. Вместе с теми, кто еще придет на завод.

Все это мог бы сказать секретарь токарю, да тот уж и забыл про разговор ливенцовский — у станка возится, налаживает. Да и Ливенцову некогда. Станки на месте, а ему еще в райком партии надо вместе с Захаровым, директором — кадры просить.

Приехали. А тут тоже свое. Слушай и кренись. Решай.

— Я знаю, — говорит первый секретарь райкома Шишмарев и смотрит на Захарова. — Знаю, какие нечеловеческие трудности вам приходится преодолевать, знаю, что уже делается. Но вопрос о вашем переводе в Сибирь, товарищ Захаров, предreshен Москвой. Ничего изменить мы не можем. Наркомат нам нового директора не пришлет: предприятие уже не числится в списках действующих. А оно действует! Кого же поставить вместо вас? Хотя бы временно?

Захаров хмурится. Кого ни назови, все в Сибирь ехать назначены. Там позарез кадры нужны. И он там, директор, нужен.

— Думаю,—говорит, — придется мне оставить за себя коммерческого директора Стогова. Петр Степанович занимался ликвидацией завода. И теперь ему легче заняться его организацией. Правда, он больше снабженец и сбытовик. Но при таком секретаре парткома, как Иван Николаевич, — показал на Ливенцова, — справится.

Захаров предложил поставить главным инженером заведующего лабораторией Апеллесова — талантливого специалиста. А вот на место главного конструктора уже некого было указать. Потолковали и решили, что и не надо. Прибывшие на завод военпреды не были обычными военпредами. Стромилов — опытный разработчик радиоаппаратуры, а три его помощника старшие лейтенанты Павловский, Баусов и Мотов — недавние выпускники военной академии связи. Да и сам автор «Омеги» Михалин целиком себя отдал заводу.

Захаров набрасывает список, читает. Это те, кто может возглавить цехи: Витковский, Дмитриев, Кузнецов, Манухин...

— Удачи желаю там, в Сибири, — говорит секретарь райкома Захарову. — А нам с вами, — это Ливенцову уже, — нам с вами вместе работать. Так что скоро увидимся.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

— Разрешите?

Майор появился в кабинете так бесшумно, будто ноги его в начищенных сапогах не касались пола и дверь будто бы он не открывал, может, самую тонкую щелочку сделал — в нее и проник. И так же бесшумно расстелил на столе схему, исчерченную линиями, квадратами, треугольниками, а сбоку пристроил, ловко раскрыв, папку.

— А, это вы... — только и успел сказать Миронов, а вошедший уже все сделал, что хотел, и стоял, слегка изогнувшись, готовый давать пояснения.

Миронов молча углубился в схему и относившиеся к ней бумаги. Дело важное: новая схема связи.

И сразу нахмурился. Чем дольше молчал, тем больше сердился. Даже не оттого, что схема, принесенная майором, ему не нравилась. Он ловил себя на мысли, что прежде всего жалел о пропавшем ощущении приподнятости, которое привез всего лишь час назад с головного завода — сегодня малогабаритные рации обрели повое имя: «Север». Московская лаборатория называла их «Омегами», но ленинградцам хотелось чего-то другого, более точного и выразительного. В сборочном цехе предложили: раз заказчик Северный фронт, пусть и будет — «Север». И так это живое слово понравилось, такой энтузиазм всех охватил, люди еще ближе себя почувствовали к тем, кто в окопах. А тут... Вроде и верно вычерчено, грамотно, но утверждать не хочется, рука не поднимается.

Вот уже несколько недель отдел осваивает новую технику. Главную тяжесть этого освоения там, на заводе, подполковник Миронов возложил на недавно призванного в армию Строилова, и все остальные отдельные работники, помимо исполнения основных своих обязанностей, должны были оказывать содействие новичку. Перевооружение провозглашалось в отделе направлением главного удара. Ведь «Север» не мог не повлиять на все, чем занимался отдел, и на его радиоузел в особенности.

Миронов думал, что каждый это понял. Но, оказывается, есть и другое решение. Личное решение стоящего рядом майора: поживем — увидим, как еще этот «Север» себя покажет; лучше уж пока по старинке, с упором на известное, проверенное. Майор ничего этого не говорил, за него говорила схема.

И еще промелькнуло в мыслях: может, ты сам, начальник отдела, слишком увлекся производством? Кое-кто в Штабе упрекал: не своим, мол, делом занялся. А он не соглашался. Да, конечно, были специальные службы снабжения войск самолетами, танками, пушками, боеприпасами, средствами связи. У них контакт с промышленностью, они делали заказы, принимали от заводов снаряды и все другое, согласно заведенному порядку. Но где бы взяли эти службы малогабаритные рации в таком спешном порядке, в каком они потребовались? Где? И какой толк от оперативного руководства, если оно не подкреплено материально! Нет того, другого? Не дали? А ты сам найди, добейся.

Он так и поступал. И сегодняшний день был праздником не только завода, но и его, Миронова, праздником. Так что упрек «не своим делом» — позади, дело сделано. Может, просто неправильно распределил силы в отделе? Нет, тоже не получается. Человек, стоящий рядом, возле стола, не менее своего начальника опытен, инженер, академия за плечами. Никакой особой помощи ему не требовалось. Энтузиазма бы подбросить, инициативы — вот что!

Да, подумал Миронов, это и злит, это сердит. Школьное решение. Дано, требуется доказать.

Резко, недовольным топом спросил:

— Сколько связей вы планируете осуществлять одновременно?

Майор ловким движением отбросил лист описания, показал на цифру, завершавшую аккуратные расчеты.

— Минимум, — вздохнул Миронов, — жалкий минимум.

Он сердился уже откровенно, даже подчеркивал это тоном, каким сказал. Слов нет, принеси майор такую схему в первый день войны, она бы ни у кого не встретила возражения. Но ведь теперь не первый день, теперь «Север» есть. А он, радиомалышка, опрокинул все прежние понятия о возможностях дальней и надежной связи с быстро перемещающимися, скрытыми корреспондентами. И число одновременных связей возрастало во много раз. И будет еще расти, потому что выпуск раций увеличивается с каждым днем. Как это не понять! Некогда ведь будет радиоузел перестраивать, сразу надо решать.

— Я же вас просил, — в сердцах произнес Миронов, — советовал консультироваться со Стромиловым. А вы, я вижу, пренебрегли советом.

— Я старше званием... Служу побольше. Чем вам конкретно не нравится моя работа?

— Старше званием! Ну, знаете, — Миронов вскочил, оттолкнул стул. — Я тоже не мальчик, а день и ночь готов учиться у Стромилова. Да-да! Вы не согласны? Думаете, Миронов преувеличивает, какого-то воентехника возвел в главные специалисты? Ладно, пусть я ошибаюсь. Но вот...

Он подошел к шкафу, торопливо извлек книгу в твердой синей обложке. Дернул за бумажную закладку.

— Вот смотрите: «Северный полюс завоеван большевиками» называется. И вот что пишет здесь Герой Советского Союза Отто Юльевич Шмидт. Смотрите: «О другом большом мастере еще мало писали — о радисте и радиотехнике Н. Н. Стромилове. Работник Ленинградской радиолaborатории, он давно творчески участвовал в конструировании специальных радиоустановок для полярных станций, прекрасных, удобных и надежных установок, обеспечивавших связь с ледоколами и с самолетами, включая прошлый и нынешний полет Чкалова...»

— Простите, я не понимаю, зачем это? — недовольно вставил майор.

— А вы слушайте, слушайте: «Стромилов поехал, чтобы остаться на острове Рудольфа, держать связь со своим другом Кренкелем и, если нужно, разъяснять ему недоразумения, которые могли возникнуть с новой станцией». — Миронов произнес «разъяснять ему недоразумения» почти по складам, особенно громко. — Это Кренкелю-то! Понимаете? А вот дальше: «Но на деле Н. Н. Стромилов сделал гораздо больше. Он летал радистом в разведках Головина, флаг-радистом в отряде Молокова к полюсу. Это артист своего дела. Любо-весело смотреть, как этот длинный и худой человек с горящими глазами, Дон-Кихот по фигуре уверенно колдует среди тонких деталей современной большой радиопередаточной аппаратуры. Его тонкие нервно-подвижные пальцы, какие бывают у скрипачей, казалось, непосредственно излучают таинственные волны». Видите, — заключил Миронов, — видите, какой замечательный товарищ рядом с нами работает. Ей-богу, не грех у него поучиться. Тут субординация ни при чем. По-умному надо. А доклад вам придется повторить, схему переделать. Без визы Стромилова не приходите!

Майор вышел. Дверь громко стукнула за ним, но Миронов не обернулся. Он стоял, задумавшись, с книгой в руке. Потом убрал ее в шкаф, погасил свет и раздвинул штору.

Уже рассветало.

Дома напротив четко обозначились в сизом недвижимом воздухе. Миронов устало опустил на железную койку, дополнявшую теперь мебель 'его кабинета. Вытянулся, закрыл глаза...

Стромилов и Миронов были знакомы не один год. Более того — дружили. Все, что их связывало, так или иначе было на пользу радио — гражданскому и военному.

Революция определила беспризорника Колю Стромилова в петроградский детдом. Кормили. Одевали. Учили. До тех пор пока не стал на собственные ноги — начал работать монтером на стройках.

Еще в школе он «заболел» радиолюбительством. Мастерил приемники, искал в эфире голоса. У кого их не было, увлечений детства: голуби, авиамоделизм, городки! С годами интересы чаще всего меняются. У Николая, наоборот, страсть разрасталась, усиливалась.

Сколько их было по всему Ленинграду, парнишек, одержимых радио? Никто не считал, не составлял списков. Они сами как-то находили друг друга — Стромилов, Ходов, Гаухман, Евгений и Петр Ивановы, Андреев, Доброжанский, Ковалев, Камалёгин и еще многие, многие другие. Вначале кружок юных друзей радио, потом «ЛСКВ» — Ленинградская секция коротких волн — со своим выборным президиумом. Руководителем ее в течение десяти лет пребывал комсомолец двадцатых годов, эрудированный, энергичный и

мечтательный Лев Гаухман. Одним из его верных помощников считали Николая Стромилова.

Собирались во Дворце труда, делились тайнами дальней радиосвязи. Многие приносили для всеобщего обозрения самодельные приемники и передатчики. Смотрели. Критиковали. Одобряли. Технические решения у членов секции были часто настолько оригинальные, что поражали специалистов.

Ленинград — порт. Прямая коротковолновая связь с кораблями, плавающими по всем морям и океанам, ой как была нужна. «ЛСРВ» часть этих забот взяла на себя.

В начале 1929 года в дальнее плавание ушли любители-коротковолновики со своими радиостанциями — на ледоколе «Красин», совершавшем рейс с караваном из 23 судов в Карское море, на пароходах «Курск» и «Красный Профинтерн», шедших вокруг Европы.

Ленинград — центр науки. Отсюда берут начало маршруты экспедиций в малоизученные, труднодоступные районы. И тут хлопоты о связи берет на себя «ЛСРВ». В мае 1929 года с экспедицией Академии наук в Каракумы отправляется коротковолновик, а через год еще один едет вместе с учеными на Северную Землю.

Секция приняла заказ на коротковолновые передатчики для «Главзолота». Первые два полностью изготовляли в Ленинграде, остальные монтировали в Иркутске. Члены секции установили первую связь с приисками Чукотки, Алдана и Норильска. Через два года «Главзолото» имело разветвленную, хорошо поставленную коротковолновую связь со своими приисками.

Когда в Ленинграде случилось большое наводнение, «ЛСРВ» обеспечивала связью спасательные работы, чем во многом определила их успех.

Но главное все-таки другое. Ведь «ЛСРВ» — один из отрядов Осоавиахима — Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

В 1928 году в Ленинграде проходили воздушно-химические маневры. Радиосвязь поддерживали исключительно силами радиолюбителей-коротковолновиков. Круглые сутки дежурили они возле своих аппаратов, оповещали о приближении «синих» эскадрилий. Через год Лев Гаухман возглавил коротковолновиков на учениях под Левашовом. Имущество свое радиолюбители везли на двуколках, не отставали от маневрировавших частей. Военные могли убедиться в преимуществах коротковолновых радиостанций над длинноволновыми, которыми в то время была вооружена армия.

Коротковолновиков включили в состав моторизованного воздушного десанта. Не обошлись без них и на море. На парусных яхтах они шли в составе москитной эскадры. Море сердилось, несколько дней бушевал шторм, но радиолюбители выполнили все задания.

Из ленинградского Дворца труда секция перебралась в более просторное помещение осоавиахимовского здания на Фонтанке. Дали несколько комнат и в Доме Красной Армии на Литейном проспекте.

Синие блузы, реже — галстуки, белые рубашки. И тут же — зеленая гимнастерка. Миронов установил тесные контакты с «ЛСРВ», когда еще командовал подразделением. Вместе с рабочими, студентами, служащими он отдавал ей свое свободное время: участвовал в сборах, состязаниях, испытывал новые конструкции. Тут и подружился со Стромиловым.

Миронова звали уважительно — Иваном Мироновичем. Участник гражданской войны, командир. Стромилов отзывался просто на имя — моложе он и чина никакого. А интересы общие, равные.

В том, что ленинградских коротковолновиков с их самодельными радиостанциями привлекли участвовать в военных маневрах, была немалая заслуга Миронова. Он договаривался в штабе, согласовывал. А президиум секции помогал тому же Миронову отбирать из призывников наиболее способных коротковолновиков для службы в подразделениях связи.

Иван Миронович интересовался успехами своего друга Коли Стромилова, даже если тот бывал далеко от Ленинграда. А такое часто случалось.

В тридцатом году Стромилов по путевке секции отправился с экспедицией на Новую Землю. Вернулся и с группой друзей-коротковолновиков создал радиопередатчик для арктического похода «Челюскина».

Аппаратуру монтировали на судне, Стромилов так и остался на нем, пошел в рейс вторым радистом.

Первым был Эрнст Кренкель, имевший тогда солидный опыт. После героической челюскинской эпопеи он написал: «За несколько часов до отхода «Челюскина» монтаж и установка были закончены и аппаратура испытана. К нам был прикомандирован радист Стромилов... Связь с берегом все время была надежной и бесперебойной».

Эти строки тоже мог прочитать Миронов майору, пренебрежительно отозвавшемуся о воентехнике Стромилова. Книга «Поход «Челюскина», где была помещена статья Кренкеля, стояла у Миронова в шкафу рядом с книгой «Северный полюс завоеван большевиками». Мог бы даже присовокупить стихотворный роман Ильи Сельвинского «Арктика».

Стромилова уже не было на «Челюскине», когда льды раздавили пароход. Вблизи Берингова пролива Шмидт, начальник экспедиции, предвидя неизбежную зимовку, отправил на берег тех людей из экипажа, кто основной службой был связан с Москвой и Ленинградом. В этой группе оказались Стромилов и Сельвинский. Поэт так описал их пеший путь: «А дорога трудна — что ни шаг, то стой, а кругозор огромен: ледовый океан являл собой до горизонта вид каменоломен. Закованные водопады, грот, ущелья, лабиринты, сталактиты...»

В Уэлен дотащились оборванные, похожие на скелеты. Их еле выносили на борту ледокола «Литке».

Миронов-солдат знал, что значит такой переход. Расспрашивал Николая, а тот отшучивался: «Порядок, почти как по асфальту шли».

Тогда уже готовилась первая в истории высадка на Северный полюс. Заказ получили и ленинградские коротковолновики. А с ним повзрослели — теперь они конструкторы опытной радиолaborатории.

Возглавлял лабораторию Гаухман. Не Лева уже, а Лев Абрамович, инженер-экономист по образованию, но по-прежнему энтузиаст беспроводного телеграфа. Заместитель начальника лаборатории по научным исследованиям — Доброжанский. Тоже теперь не Володя, а Владимир Леонидович, дипломированный радиоинженер. Ведущие конструкторы лаборатории, как и начальство, из «ЛСКВ».

Андрей Ковалев быстро разработал приемник. Чрезвычайно портативный, с небывало широким диапазоном. Спроектировали и два передатчика. Первый мощностью в 80, а второй — в 20 ватт. Работать они должны были на коротких и на длинных волнах.

Передатчики создавал Стромилов. В который уж раз собирался поступать в институт, да пришлось опять отложить, раз говорят: «Работа важная, срочная. Не каждый справится с таким заданием». Выход? Учеба на работе.

Из книг ни одну новинку не пропускал. Но ему все давалось тяжелее, чем дипломированным. Впрочем, может быть, он просто так думал, может, просто работа сама по себе трудна? Не рассудить. Не потому ли, когда от забот идохнуть некогда, все равно искал общения со специалистами. С тем же Мироновым. У коротковолновиков всегда найдется, чем обогатить друг друга.

Потом Миронов на какое-то время потерял друга. Узнал о нем, раскрыв газету, в которой увидел небольшую статью Л. Гаухмана о готовности «полюсной» радиоаппаратуры. При лабораторных испытаниях в Ленинграде держали связь со многими городами СССР и Европы, с Японией, Центральной Африкой и США. А вот и про него, Николая: «При проектировании и изготовлении аппаратуры основная задача заключалась в том, чтобы обеспечить твердую надежную связь с ближайшей базой на острове Рудольфа, расположенной на расстоянии 900 километров от полюса. На этом острове построена радиостанция, также снабженная нашей аппаратурой. Здесь в качестве радиста и консультанта будет находиться Н. Н. Стромилов».

«Вот, значит, куда опять тебя занесло», — обрадовался Миронов. 28 июня 1937 года он прочитал в газете постановление ЦИК СССР о награждении участников экспедиции на Северный полюс. Ордена Ленина был удостоен Стромилов — радиотехник и бортрадист самолетов «Н-171», «Н-166» и «Н-169».

Иван Миронович послал поздравительную телеграмму. Некоторые подробности высокоширотного полета он узнал из дневника Стромилова, напечатанного в журнале «Радиофронт». Речь шла о разведке трассы, которая намечалась для воздушных кораблей экспедиции.

«5 мая. В 11 часов 23 минуты. Взлетаем на самолете Головина. Берем курс на Север... Напрасно мы стараемся найти хотя бы маленькое окно, чтобы посмотреть сверху на «земную ось». Район полюса закрыт сложной облачностью. Пробивать не рискуем. Возможно обледенение, да и бензин остался как раз на обратный путь.

Я сижу рядом с бортмехаником Терентьевым. Он вырывает из блокнота листок и пишет на нем свою фамилию, передает листок мне; пишу и я, и он выбрасывает листок из своего люка за борт самолета. Бортмеханик Кекушев «списывает» за борт бидон с остатками масла для смазки «заржавевшего подшипника земной оси».

В районе полюса передатчик острова Рудольфа слышим прекрасно. Меня на острове слышат тоже неплохо. Это вселяет уверенность, что Кренкель сможет держать уверенную связь с островом и на длинных волнах».

Вот оно что. Оказывается, Стромилов был в числе пятерых, которые первыми из советских людей побывали над Северным полюсом!

Миронову попалась книжка «Радиостанция «Северный полюс». Автор ее — Э. Кренкель писал: «Технически радиостанция была выполнена прекрасно и приспособлена к любым условиям работы. Аппаратура, благодаря своей крепости и надежности, отлично, выдержала переезды, пять месяцев эксплуатации на льдине. И мне хочется еще раз вспомнить радиолaborаторию управления НКВД по Ленинградской области и крепко поблагодарить ее работников. Это они сделали замечательную аппаратуру, которая ни разу не изменила нам».

Прочтешь и забудешь, а потом вдруг вспомнится все. Особенно когда взволнован. Так случилось у Миронова в тот рассветный час, когда он отверг схему радиоузла.

Он лежал на узкой казарменной койке вытянувшись, с закрытыми глазами и никак не мог заснуть. Память разбушевалась: «На кумовство намекал майор! Не знает, что еще в тридцать девятом я хотел получить в помощники Стромилова. Тогда не удалось».

В тридцать девятом году Стромилов вместе с друзьями-коротковолновиками снова оказался в Арктике, строил радиостанцию. Исключительно важную станцию, предназначенную для связи Восточной Арктики с Москвой и Хабаровском, соорудили в рекордно короткий срок — в течение одной зимы.

Да, в тридцать девятом не вышло. Но в первые дни войны, в июне сорок первого года, Миронову все же удалось получить полярника в отдел. Хотелось и Гаухмана, Доброжанского, но сверху решили: хватит и одного Стромилова.

Хватит так хватит, Миронов и без того был несказанно рад.

Ему приснился белый лист ватмана и па нем цветной тушью — линии, кружки, треугольники. Их рассекала надвое извилистая, изображенная синим, как на командирских картах, линия фронта. Слева от линии кружков было так много, что они почти сплошь заполнили все пространство, где могли поместиться, и у каждого кружка была сверху черточка с усиками, похожая на антенну. Условное обозначение «Северов», определил Миронов. В тылу у немцев.

Треугольники были справа. Один большой, с надписью «Ленинград», а другие — поменьше, и возле одного было написано: «Северный полюс», а возле других: «Москва», «Люберцы», «Аврора».

Он никак не мог понять, почему на схеме связи обозначено — «Аврора», но потом осенило: это же крейсер «Аврора»! Корабль стоял у Дворцового моста, он, Миронов, сам видел, и от мачты к мачте тянулись тонкие, как струны, антенны.

На крейсере революции ведь была радиостанция! А все радиостанции — родственники. Они рождаются друг за дружкой, и не было бы первой, не будет и последней.

ТРУДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Командировка Михалина в Ленинград была рассчитана на несколько дней. Считалось, что автору «Омеги» вполне хватит этого срока для консультаций с производственниками. Он и поехал налегке. Но дело так повернулось, что недели прошли, а день отъезда даже не предвиделся.

В ожидании денежного перевода пришлось перейти на хлеб-воду: досаждать просьбами Михалин не любил.

Но от зорких глаз Стромилова ничего не скроешь. Придумал повод — столько-то дней с начала освоения радиостанции — и затащил москвича в свою холостяцкую комнату: на чашку чая в честь юбилея.

Выложил на стол все, что было. Разрезал на два тонких кружка невесть как прибереженный кусочек копченой колбасы, поделил хлебную краюшку, разлил из фляги в стаканы понемногу спирта.

— Какой же это чай? — сказал гость.

— Ничего, сейчас воды дольем.

Чокнулись, закусили, помолчали и заговорили разом, как бы торопясь открыть друг другу уже давнюю симпатию.

Стромилов воспользовался минутой откровенности, предложил денег взаймы. Не тут-то было. Михалин отказался, твердил, что ни в чем не нуждается.

— К чему ломаться? Мы же товарищи! — Стромилов чуть не силой заставил гостя взять три червонца.

Михалин сидел красный, смущенный. Потом сказал:

— Помните, Николай Николаевич, при первой встрече бы меня приняли за толкача? Я тогда нисколько не оби делся. Меня просто окрылили ваши слова: «Замечательная вещь эта станция». Уже было столько отзывов и похвал, но сейчас война, аппаратура пошла в серию, и вы тогда не знали, что я — автор. Понимаете? Вы-то не ведали, кто я, а мне ваше имя давно знакомо. Когда подполковник Миронов сказал, что куратором «Омеги» назначен Стромилов, я не удержался, выпалил: «Не тот ли?..» Признаюсь, меня это страшно обрадовало, я почувствовал мощную поддержку. Но и — знаете — удивило. Конструктор знаменитой радиостанции «Северный полюс» тратит время и силы на то, чтобы осуществить задуманное незнакомым, ничем не знаменитым коллегой...

Стромилов слушал спокойно, дымил папиросой. А тут не удержался:

— Чему дивиться? Нахожу полное удовлетворение в работе куратора. Меня, между прочим, зовут еще военпредом, и тем особенно горжусь.

— Но вы же сами могли создать «Омегу», или, как теперь по-вашему, — «Север».

Стромилов долго молчал, курил. — Наверное, нет ничего проще, чем добыть огонь, — сказал он наконец. — И все же тот предок наш, который первым его добыл, — великий изобретатель. Мог ли, говорите, я? Один мой приятель в шутку говорит, что он мог бы радио открыть, если бы оно уже не было открыто Поповым. Вот и вы меня опередили. Ну, а серьезно — когда Миронов дал мне возможность познакомиться с вашей «Омегой», я сразу почувствовал: ко времени дитя родилось. Поэтому и стало оно мне родным. Впрочем, как и многим. Видите каждый день, как относится к радиостанции рабочий класс.

— Да-а, — подтвердил Михалин. — Сущая правда. Ехал в Ленинград — не ожидал. Даже во сне не могло привидеться такое. Никаких конфликтов. Изобретатель не встречает противников, его чуть ли не на руках носят. Ей-богу, не знаю, кому роднее мое дитя.

Стромилов покачал головой:

— Все правильно, за исключением того, что изобретателя на руках носят. Заставили же мы вас своими претензиями день и ночь работать. Такие головоломки — тоже конфликт. А сколько их еще будет! У «Северков» строгий экзамен: во вражьем тылу. Уже начинаем получать сигналы. И уже ясно, что нужно увеличить надежность радиостанции.

— Это точно, — вздохнул Михалин. И спохватился: — Гостю пора и честь знать.

Стромилов, наводивший порядок на столе, остановил:

— А чай? Вы же про чай спрашивали. Вон, кипит! Пришлось остаться. Попивая из стакана кипятка, Стромилов вернулся к прежней теме:

— Так вот о надежности. Наверное, знаете мастера Леицкого. Старичок. Он меня сегодня до слез тронул. Пришел, чтобы со мной вместе провести испытания на стойкость «Севера» к ударам и тряске. А испытательный стенд, как известно, эвакуирован. Но мастер нашел способ. Навьючил на себя сумки с рацией, с батареями и стал прыгать со стула. Потом со стола и, наконец, гляжу, с высокого подоконника. Ушибся, а виду не показывает. Еле усадил я его, успокоил. Показал документы, если так можно сказать, партизанские рекламации. Вот, говорю, они важнее наших с вами кабинетных испытаний. Ну, а потом поделился с ним некоторыми своими мыслями — что еще можно усовершенствовать. Он знает как ухватился! Завтра, говорит, созовем производственное совещание и вас пригласим...

Когда убрали со стола посуду, Стромилов положил чистый лист бумаги, вооружился карандашом, сказал:

— А теперь я вас поэксплуатирую. С расчетами у меня не все ладится. Диплома не получил.

Михалин удивился:

— Не может быть. Вы же...

— Правду говорю. С умыслом ведь вас пригласил. Думаете, только деньги всучить?— и громко рассмеялся.

Сидели долго. Михалин остался ночевать.

Оба спали так крепко, что не услышали сигнала воздушной тревоги. Вскочили, не понимая, откуда грохот, звон битого стекла и почему комната вся в дыму.

Сильно потянуло сквозняком, и стало понятно: воздушная волна от упавшей неподалеку бомбы высадила окно в комнате.

— Это, наверное, за вами, Борис Андреевич, фашисты охотятся, — сказал, отряхиваясь, Стромилов. — Узнали, что вы у меня ночуете, и бухнули. Вы живы?

— Жив, — отозвался Михалин. — Будем считать это сигналом к подъему.

Серая бумага — изнанка обоев, и тушью, плакатным пером выведено:

10 октября в 17.00 состоится общезаводское партийное собрание Повестка дня: 1. О работе парткома. 2. Разное. Явка членов и кандидатов ВКН(б) обязательна. Партком.
--

Михалин остановился, прочитал. Вот уже двенадцать лет он — коммунист, привык каждый месяц, а то и чаще ходить на собрания. Но это — не ему, он здесь «чужой». А взгляд зацепился за объявление привычно, как дома, в Москве. Подумалось: «А что у меня — в семнадцать?» И еще: «Нет, это не мне».

— Вы тоже приходите, — услышал за спиной.

- Я?

Ливенцов, секретарь парткома, глядел серьезно, и даже удовольствие в его усталом взгляде можно было прочесть, будто рад очень, что объявление командированный читает.

— Мы вас, товарищ Михалин, уже знаем. При входе, как и все мы, партбилет предъявите... Приходите!

Вот он и пришел за полчаса до начала, сел в последнем ряду. Потом всех попросили пересест поближе к президиуму, сказали, зал будет полупустым: две трети организации на фронте.

Михалин многих из присутствующих уже знал и приветствовал то одного, то другого кивком, взмахом руки. Со всех сторон знакомые лица. Кивают тоже, приветствуют. Он отвечал и думал: «Нет, вроде и не чужой уже. Правильно, что пришел».

Запыхавшись, последним вбежал начальник сборки Витковский. Поздоровался с Михалиным, хотел рядом сесть, но заметил неподалеку главного инженера Анелле-сова — перебрался к нему. Зашептал что-то на ухо, времени не терял.

Председательствующий попросил внимания.

Приняли повестку дня. Только руки опустили, как откуда-то сверху донесся визг снаряда. Пи-и-и-у... Разрыва не было слышно, видно, плюхнулся в другой части города. Решили, несмотря на артобстрел, собрания не прерывать.

Председатель предложил встать и почтить память павших в боях коммунистов, комсомольцев и беспартийных завода. И снова в тишине звук вибрирующей, вот-вот готовой оборваться струны: пи-и-и-у...

Ливенцов, докладчик, коротко рассказал о политическом моменте, о тяжелых днях Родины и что в связи с этим предпринимал партком. Уже к 30 июня сформировали добровольческий батальон, названный в документах «но истреблению фашизма». Много сил потребовала эвакуация большей части завода в Сибирь.

Когда речь зашла о выполнении фронтовых заказов в полупустых цехах, Михалин, и до того внимательно слушавший доклад, даже чуть вперед подался. Ливенцов сообщал такое, что было ему совсем неведомо.

Миронов ведь и не заикнулся приезжему москвичу, как он ходил с «Омегой» к командующему фронтом и как тот позвонил Жданову. Ничего не знал Михалин и о ночном смотре «Омеги» в Смольном.

Задание, — говорил докладчик, — было дано через товарища Жданова. Он регулярно справляется по телефону о ходе выпуска объекта «Град»...

В зале было холодновато, уже экономили топливо. Но Михалину вдруг стало жарко, он даже платок вынул, провел им по лбу. Так вот почему такими темпами провернули столь сложные дела... Но странно, что говорит дальше Ливенцов. Завод, оказывается, с объектом «Грэд» не уложился в установленные горкомом сроки. И в связи с этим партком привлек к ответственности некоторых коммунистов.

— Сейчас выпуск оборонных объектов в горкоме партии считают не днями, а часами, — слышалось с трибуны. — А у нас еще старые привычки... Задание выполнено в целом с опозданием на один день, частично по отдельным деталям задержка достигала трех дней.

Так вот оно что, всего на один день задержка! Стоит ли критиковать? Но это только он, Михалин, так думает. Прения — без перерыва после доклада — пошли другим путем, критикуемые искренне признавали свою вину.

Вот Дмитриев:

— Да, товарищи, не хватило должной настойчивости. Понял. Пережил. Будем работать по-фронтовому.

Витковский:

— Заверяю партийное собрание, что социалистические обязательства к 24-й годовщине Октября выполним во что бы то ни стало.

Но самое большое впечатление на всех произвела речь бухгалтера Гумилевской. Она вспомнила девятнадцатый год, бои с Юденичем, революционные традиции завода.

— Нужно, так круглые сутки будем работать! Холода наступают. Как там в окопах? Теплые вещи свои соберем, отдадим фронтовикам...

Потом обсуждали заявления о приеме в ВКП(б). Поредевшую от мобилизаций заводскую партийную организацию пополняли рабочие. Как многие бойцы на фронте, они хотели в борьбе с фашизмом участвовать коммунистами.

К столу президиума вышел Большов Лев Гурьевич, бригадир механической мастерской. Проста биография кадрового производственника, а вопросы все задают и задают. Впрочем, больше не по прошлой жизни, а по нынешним делам; желают знать, как относится подавший заявление к текущему моменту, к задачам своего коллектива и всего предприятия. Секретарь торопится, записывает в протокол:

— Сколько в мастерской стахановцев?

— Все.

— Нормы выполняют?

— Все перевыполняют задания.

— А нарушения трудовой дисциплины есть?

— Один случай. Товарищ понял свою вину.

— На фронт подавали добровольцем?

— Подавал. Не взяли по болезни.

— А если понадобится?

— Пойду.

— Цех выполняет программу?

— В предыдущем месяце дали 110 процентов, а за этот еще не подсчитывали.

Стали голосовать: кто за прием Большова в партию. Все — «за».

Михалин тоже машинально поднял руку, но тотчас спохватился, опустил. Приглашенный он ведь только, не состоит на учете. Но все равно чувствовал себя своим здесь, на собрании. Понимал и принимал все, что говорилось, как другие. Может, только волновался, переживал больше других.

Задолго до войны ему довелось слышать, как выступал перед молодежью видный большевик, страстный пропагандист идей партии Емельян Ярославский. Оратор говорил о невероятных трудностях и лишениях гражданской войны, о том, как их преодолевали коммунисты. Привел такой пример: получают, бывало, на роту две пары сапог, и возникает вопрос — кому же их дать, когда все разуты? Партячейка решает: «Обуть тех беспартийных, кто наиболее нуждается, а мы, большевики, и так выдюжим».

Вспомнив это, Михалин посмотрел на недавно выступавшую Гумилевскую, бухгалтера. Она сидела неподалеку — в ватнике, в сапогах, на голове вязаный платок, И будто бы снова прозвучали в ушах Михалина страстные слова женщины: «Холода наступают. Как там в окопах? Теплые вещи свои соберем...» Да, такие люди все отдадут. Как в гражданскую: мы, большевики, и так выдюжим!

Михалин мысленно поблагодарил Ливенцова за приглашение на собрание. Оно никогда не забудется. Не оттого ли, что на заводе проходит, в рабочей среде, да еще в городе, где все дышит духом революции? Уж он-то, Михалин, конструктор-разработчик, знает, какое чудо сотворили сидящие кругом люди, наладив производство «Северов» в немыслимые даже в мирное время сроки. А вот поди ж — ни слова похвальбы. Докладывает кто об успехах и говорит: «Мы сделали», а если не получилось, подчеркивает: «Я не доглядел, моя вина». Знаешь, что тот вон и тот старые друзья, водой не разольешь, а до чего же крепко критикуют перед собранием друг друга! И хоть бы тень обиды...

Вот она — партийность, говорил себе Михалин, она каждого подымает, всех спланивает.

Собрание продолжалось. А за окнами, над крышей пело: пи-и-у... и-у! Даль откликнулась эхом снарядных разрывов.

Под конец запели «Интернационал». Михалин с чувством выговаривал: «Кипит наш разум возмущенный и в смертный бой вести готов». Слова великого гимна обрели новый, прямой смысл. Впереди действительно ждал бой, смертный бой.

В ОКОПАХ И В ГОРОДЕ

Если бы Миронову предложили прочитать лекцию об электронной лампе, он бы мог начать так: «Электронная лампа — это вакуумный или наполненный разреженным газом прибор, в котором потоком свободных электронов, вылетевших из катода, создается электрический ток между катодом и анодом...» В общем, все просто. В науке все просто, когда изучено, проверено, описано, изложено.

Но если бы при Миронове, опытным связисте, кто-нибудь сказал, что-де потребовалась новая лампа — диод или триод, — так пусть конструктор вооружится формулами, таблицами и создает ее, лампу, — нет, возразил бы Иван Миронович, хоть и на всем готовом, а далеко не уедешь! Как, скажем, с одним лишь знанием теории стихосложения не написать поэму. Требуется еще «малость» — талант теоретика и труд инженера.

Это хорошо понимал Миронов: талант и труд. Иначе не отозвался бы такой болью разговор на совещании перед самым запуском радиостанций в серию:

— А запасов ламп хватит?

— Думаю, не надолго. Но какой, скажите, вообще смысл рассчитывать на импортные изделия в условиях войны? Надо иметь свои лампы.

Миронов сразу понял, о чем речь: одна из ламп у «Омеги» была иностранной марки.

Михалин давно, когда рация еще только рождалась, хлопотал о разработке отечественной лампы, но, кроме заверений, что все будет сделано, ничего не добился. Один ответственный товарищ даже пожурил:

— Вы что горячку порете? Еще неизвестно, пойдет ли рация, а вам специальную лампу создавай. Успеется.

Так и осталась иностранная, с нужными параметрами. А тут блокада, и вот-вот начнется производство, и действительно нет смысла разворачивать его, зная про куций складской запас.

Самим надо создавать. И немедленно.

Миронов ругал не других — себя, что упустил из виду эту чертову лампу. Она вдруг выросла в главную проблему.

Кинулись — специалистов нужного профиля нет. Кто воюет, кто в эвакуации. Адрес бывшего инженера-разработчика с лампового завода «Светлана» дали, да, оказывается, в ополчении он.

В блокноте только и данных, что имя, отчество и фамилия. Звание приблизительно — не то рядовой, не то сержант. Предположительный номер части. Куда податься, кому телеграфировать, звонить по телефону? Фронт ненадолго стабилизировался, да враг наседает, окружает, устраивает котлы...

Мироновская «эмка» помчалась по проспекту Стачек. Отпрянула Нарвская застава, показались высокие трубы Кировского завода. Ветер сердито сносил вбок полосы дыма. Из больших ворот, гремя гусеницами, выкатился танк. Станный на вид оттого, что металл был тускло-серый, неокрашенный, танк, казалось, заблудился, рано покинул завод. Но нет — качнул стволом пушки, будто кланяясь тем, кто остался в цехах, и на полном ходу двинул по проспекту на юго-запад, к недалекому уже фронту.

Вот и Автово. С тридцать пятого года этот пригород начали застраивать многоэтажными жилыми домами. Улицы вытягивались в струнку, по-ленинградски. Теперь их запруживали баррикадами, уставляли серыми грибами дотов. Повсюду виднелись фигуры копавших, трамбующих, что-то несущих людей.

Женщины с лопатами. Заметили подполковника в машине, замахали руками. Разорванное бегом машины донеслось:

— Това-а-рищ команди-ир... Мужьям нашим приве-ет пере-да-а-йте!

С проспекта Стачек «эмка» свернула на загородное шоссе. Недалеко от Красного Села, в лесочке, Миронов нашел штаб ополченской части, которую искал.

Занимали оборону в траншеях, ожидали противника. По округе полыхали пожары, тянуло гарью. «Мессеры» носились над дорогами — охотились за каждой машиной, за каждым человеком.

«Эмку» поставили в ельнике, с боков завалили зелеными ветками. Дальше Миронов отправился пешком. Ему обещали вызвать нужного человека, но он и слушать не хотел. Вдруг не тот придет? Пять километров туда, пять обратно — день потеряешь.

Если бы не сопровождающий, он и не заметил бы, что впереди, в нескольких сотнях метров — позиция. Тишина. Будто вокруг ни души. Потом разглядел пулеметное гнездо, дальше — траншею.

От крутых скосов веяло холодком, шаги по песку, устилавшему дно окопа, получались тихие, тайные. Сколько еще идти? И куда?

Миронов окликнул пожилого на вид красноармейца, привалившегося к брустверу. Тот помолчал, разглядывая незнакомца, отозвался не по-уставному:

— В чем дело?

Слушал, что ему излагал Миронов, и все время бросал тревожные взгляды за бруствер. Потом произнес:

— Человек, которого вы ищете, действительно я. Но хлопоты напрасны. Я нужен здесь.

— Вы нужны на заводе,— твердо сказал Миронов.— Поедете со мной.

— Никак не могу, — отозвался ополченец снова таким тоном, будто речь шла о приглашении в гости. — У нас скоро бой.

Миронов поневоле улыбнулся — не привык к такой манере обращения бойца с командиром.

— Вы же понимаете, что такое лампа! Вы — специалист.

— Нет-нет, товарищ подполковник. Не уговаривайте. Я отсюда ни шагу. Не могу.

— Я вам приказываю, товарищ красноармеец! А за невыполнение приказа знаете, что бывает? — Миронов круто повернулся и зашагал по траншее назад.

За спиной слышалось недовольное сопение ополченца. Он и в машине молчал всю дорогу.

Кто знает, может, воинским подвигом был бы отмечен боевой путь инженера, останься он в окопах. Но этот человек сделал для Родины не меньше. За несколько дней вместе с помощниками он создал для «Севера» новую лампу, скромно обозначенную па схемах «№ 24». Она была меньших габаритов, чем иностранная, и не уступала ей по техническим параметрам.

Мироновский блокнот, где была записана фамилия инженера, сгорел при бомбежке. А память подвела. Командир, тот своего бойца всегда вспомнит, а Миронов-то был всего-навсего заказчиком. Да и сколько людей ему пришлось включить в работу для создания «Севера»? Позднейшие же поиски создателя лампы № 24 пока результатов не дали.

Питательные артерии заводов выходят за черту не только города, но и области, края, республики. Артерия ленинградской промышленности оказались перерезанными.

Рабочим, инженерам не занимать храбрости, но ее одной мало, чтобы заставить заводы работать в блокаду. Быстро разработали нужную радиолампу, сделали образцы. Но

где взять редкие металлы для множества ламп? Точно с такой же невиданной быстротой под руководством конструктора Стрельникова на другом заводе были созданы образцы специальных сухих малогабаритных анодных батарей и элементов накала. Образцы! А нужна продукция. А значит, давай цинк, уголь, химикалии. И цехи головного завода требуют, пожирают уйму материалов для изготовления тысячи трехсот деталей маленького «Северка». Давай, давай!

Место слияния производственных рек и речушек — сборка. Где-то аукнется, а на сборке откликнется. Мелочишка, проводочек тоненький, только без него радиостанцию не соберешь.

Валентин Владимирович Витковский, начальник сборки за два месяца хлопот о «Северах» исхудал, ожесточился, хотя к напряженной работе привычен с Довоенной поры. Трудился у станка, был ударником. Знал штурмовые дни и ночи пятилеток. Техникум окончил, бригадирствовал. А теперь вот взвалил на свои еще неокрепшие плечи самый крупный и ответственный цех. По телефону спрашивают:

— Сколько выпущено на такой-то час?

Начальник цеха отвечает и слышит хриплое:

— Мало!

Будто обухом по голове. Даже в редкие часы отдыха и железной кровати в цеховой конторке в ушах звенит: «Мало. Мало. Мало».

И обижаться не обидишься, коль сам знаешь, что фронту надо больше. Сам же он, Витковский, на смежные цеха в обиде:

— Из-за вас простаиваем!

А те жмут на снабженцев. Тут уж предел, тут оправдываются:

— Блокада. Нет привоза. Неоткуда брать сырье. Валентин Владимирович огрызается:

— Из ничего один только бог свет создал! Но «Северы» все же выпускают. Из чего же делают?

Кто-то сострил: «Из энтузиазма».

Конечно, из энтузиазма не одного Витковского — всех рабочих, инженеров, служащих, руководителей. Нет деталей? А приемники, сданные населением на время войны? Давайте их сюда! Разные там «СВД», «ЭЧС». Не все годится, да изменим, обработаем. Давайте, давайте — сделаем все, что надо!

В цехе каждый человек на счету, а из парткома звонят: «Требуется пятнадцать человек в помощь МПВО».

Витковский понимает, чем вызвано требование: усилились артобстрелы, каждый день бомбят. Под завалами люди. Их надо откапывать, спасать. Он, Витковский, все сознает, да все же вырывается у него:

— А как же с обязательствами, товарищи? Вы же слышали — на партсобрании!

Но трубка все так же безжалостно прерывает:

— Надеемся, что и обязательства будут выполнены...

В минуты особо трудные начальник цеха, молодой коммунист, идет к старым большевикам. К тому же Николаю Дмитриевичу Цветкову, дяде Коле, как зовут в цехе опытного мастера.

Тот слушает, продолжая орудовать напильником, кивает. Прикидывают вместе, кого из рабочих, без ущерба, конечно, можно высвободить. Что ж, он, дядя Коля, готов урвать еще час-другой из короткого своего отдыха. Ничего, он ведь участник революции. Уже года два на пенсии был, но поспешил в военкомат, потребовал, чтобы зачислили если не в армию, так в ополчение. По возрасту и нездоровью не взяли. Тогда вернулся на производство, стал обучать заводскую молодежь — мальчишек и девчонок, что заменили взрослых у станков.

Вот они стоят у верстаков, рано повзрослевшие мальчишки. Лишь бригадир Виктор Молодежников чуть постарше. Все на фронт просится, да как отпустить слесаря-кудесника, первого помощника мастера Цветкова?

Смотрит Витковский на свою гвардию, думает. Вот и девчонки под стать ребятам. А то, глядишь, и обгоняют. Как это они умеют легче невзгоды одолевать? У них тоже бригадир старше — Вера Ольховская. Муж на фронте, на руках дите малое. Из ясель бежит на завод. Быстро стала монтажницей, теперь других учит. За две-три недели ее девчонки уже норму перевыполняют...

Цветков зовет бригадиров. Так, мол, и так, говорит, из парткома просят еще людей в помощь МПВО.

— Я вот начальнику цеха сказал, что выделим, а вы уж сами решите, кому оставаться, а кого послать. Только смотрите, план — кровь из носа!

Витковский впервые за день улыбается: решили очередную задачу, а дальше — видно будет.

В канун Октябрьских праздников, двадцать четвертой годовщины революции, только и было праздничного, что все на сборке друг друга поздравляли. Ничего прежнего не готовили — ни кумачового убранства демонстрации, ни собрания торжественного, ни концерта, а уж о праздничном столе совсем речи не было: голод в блокадном городе.

одном не нарушили традицию — трудовом подарке стране.

В октябре завод дал 806 «Северов». Обязательство было выполнено.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

О, полное воющее небо, дрожь
земли, обвал недалеке, бедный
ленинградский ломтик хлеба — он
почти не весит на руке...

Ольга Берггольц

Уже тринадцатые сутки Ливенцов не снимал шинель. спал урывками, сидя, привалившись к своему заваленному бумагами столу.

Из культкомбината, что напротив проходной, партком перебрался в пустующее помещение механической мастерской, поближе к цехам. На штукатурке иней, ледяной с выбоинами цементный пол, у входа болт торчит — им крепился исчезнувший теперь станок. Сто раз давал себе последнее слово Ливенцов: срезать болт — кто войдет, обязательно споткнется. А теперь и не вспоминает, не до того. Люди работают, не щадя себя. Но не бесконечны же, как время и пространство, силы у человека. Их надо восстанавливать. «Вот только чем? — спрашивает себя секретарь парткома. — Чем?»

Блокада до минимума сократила хлебный паек. Уже полно больных — дистрофия. По совету горкома создали на заводе стационар — подкармливают немножко.

С начальником снабжения у секретаря парткома на дню сто встреч и при каждой неизменный вопрос: что достал? Хвойный экстракт? Береги! Каждую каплю по назначению. Отвечаешь перед партией. Весь клей взять на учет, из него что-то вроде супа варить можно. Получили немного сои? Хорошо, из нее «молоко» дают. Это — детям. Взрослым шроты, котлетки из жмыха.

Авиабомба разрушила центральную котельную. Урон, конечно. Только и будь она целехонька, все равно нечем топить. Стужа вывела из строя канализацию, водопровод. Воду таскают из прорубей на скованной льдом Неве.

Когда-то Ливенцову попалась книжка — в ней говорилось о том, что может произойти на Земле, если иссякнет энергия Солнца. Он подумал: зачем пишут про такие страхи, человек с его разумом все равно найдет, добудет себе энергию. А теперь почувствовал себя как бы на остывающей Земле. Это когда убедился, что доски, ящики, даже

ненужная мебель, идущие в топки печек-временок, на исходе. На какой-то миг оторопел, подумал: «Вот тебе за гордыню — человек с его разумом...»

Вся надежда на лесозаготовки. Обком выделил заводу участок в прифронтовом лесу. Люди туда посланы, разумеется, главным образом женщины. В каждую бригаду лесорубов партком выделил коммунистов. Потребовался транспорт. Несколько старых грузовиков оборудовали газогенераторами. Дымят, чихают, а едут, сменивши бензин на чурки. И шоферы скороспелые. Опять же женщины — научили, посадили за руль.

Но дров из леса пока не доставляли. Что там? Хоть бы записку прислали. Ливенцов не знал, что и думать. Надо, видно, самому в лес, да тут-то, на заводе, как? Совсем на исходе топливо. Накануне об этом шел разговор у директора. Не нашли другого выхода, кроме как ломать деревянные постройки на втором дворе. Кто будет ломать?

А тут самая большая беда: ночью городская электростанция прекратила подачу тока. Завод замер, оглушенный темнотой. Ливенцов кинулся к энергетикам, туда, где готовили запасную блокстанцию.

— Черти полосатые, было же предупреждение! Сами вот теперь при коптилках монтируете!

— Не успели, — оправдываются. — Еще немножечко.

Ливенцов не ушел, пока не заработал движок, не завертелась маленькая динамо-машина. Только радость небольшая: трудов потратили много, а тока хватит лишь на самое минимальное освещение. А для станков? Паяльников? Выходит, пока будут бездействовать.

Ливенцов снова почувствовал себя па остывающе Земле.

Под утро зазвонил телефон. Знакомый голос секретаря райкома партии Шишмарева.

— Слушаю вас, Алексей Андреевич. Здравствуйте. Сейчас доложу обстановку...

— Знаю. Все знаю. Обком и горком партии в первую очередь интересуются заготовкой топлива. Вы еще в лес не ездили? Немедленно туда. Слышите?

— Хорошо. Сегодня буду. Но сию минуту оставить завод не могу. — Ливенцов рассказал про деревянные постройки во втором дворе и про заседание парткома, которое надо провести.

— Ладно, Иван Николаевич. И сразу в лес. Обязательно!

Ливенцов шел по цехам, выискивая членов парткома. На многих участках люди сидели без дела. Хотелось их подбодрить, что-то пообещать, но что именно, Ливенцов и сам не знал.

Тишина, сменившая привычный машинный гул, угнетала. Ветер гнал обратно дым из труб, выведенных от временок в окна; в едком мареве мелькали тени. Ливенцов, покашливая от гари, подошел к печке, стал греть озябшие Руки.

Рядом стояла незнакомая работница, верно, из новеньких.

На печурке с краю лежали два тонких ломтика хлеба.

— Зачем сушите? — спросил Ливенцов.

— Как зачем? И тебе, дружок, советую. Мокрый незаметно проглотишь, а сухарь долго во рту держится.

Сквозь дымную завесу донесся знакомый голос:

— Начинай. Так... Хватит.

«Неужто Гаврилов, — подумал Ливенцов. — Чего это он?»

Сделал несколько шагов в сторону, удивленно остановился. Гавриловский станок работал! В сотую долю прежней силы, но действовал. Как во времена, предшествовавшие веку пара.

Токарь, оказывается, приспособил к станку ручной привод: двое, его помощники, ухватившись за рукоятки, вращали колесо с ременной передачей. Мужчина и женщина. Ливенцов узнал нормировщицу Лену — не до норм ей теперь, мужу хочет помочь.

— Начинай! — опять скомандовал Гаврилов.

Колесо завертелось. Спицы мелькали все живей. Токарь придвинул каретку, с резца полилась тонким завитком стружка. Здорово! Только надолго ли сил у «круталей» хватит? Ливенцов предостерег:

— Сергей Алексеевич, а ведь тяжело так. Может, не стоит?

Гаврилов головы не поднял. Буркнул:

— Не ждать же у моря погоды!

Ливенцову хотелось обнять Гавриловых. Он ведь их столько уж лет знает, его и ее.

Отец Сергея всю жизнь проработал па заводе, отменный мастер был и в партии с самой революции. Место его за станком сын занял. А Лена — та пришла на завод со школьной скамьи. Черноглазая, тоненькая. Хронометрировала трудовые процессы. Возле станка с Сергеем познакомилась. В кино ходили, кроссы бегали, зимой — на лыжне. Когда поженились, только и разговоров было: вот это пара, красивая! Дети пошли, и уже не до спорта, домоседами стали. И на заводе — как дома, хозяева. Вон что глава семьи на заботу ливенцовскую ответил: «Не ждать же у моря погоды». А Лена колесо крутит, и на лице — радость...

«Вот, секретарь, — подумал, шагая дальше, Ливенцов, — ты хотел людей приободрить, а Гавриловы тебя самого приободрили».

Навстречу попалась женщина — Болдина, монтажница, и он остановил ее, удивляясь:

— Антонина Михайловна, какими судьбами? Вы же на копку траншей посланы? Закончили? А от мужа письма фронта получаете?

— От мужа? — Болдина вскинула брови. — Что-то давненько не пишет. А укрепления еще строим, Иван Николаевич. Такие делаем, ого-го! Фашисты ни за что не одолеют. А как наши красноармейцы сражаются, сама видела.

— Ну, а здесь-то какими судьбами?

— Каждую неделю дают выходной. До дому, правда, далеко, и пешком... Хожу. Витенька, сынок, дома один. Несу ему, что сберегу от пайка. Приберу комнату, постирать тоже надо. А тут вот решила на завод заглянуть. Скоро ли вы нас, Иван Николаевич, отзовете? Больно тоскуем.

— Отзовем. Потерпите еще. Обязательно отзовем.

На сборке Ливенцов не заметил больших перемен. Как и обычно, за длинным операционным столом сидели монтажницы. Вот только действовали всего два паяльника. И то за счет экономии тока на освещении. Хорошо, хоть есть еще небольшой задел деталей и узлов...

Очередной «Север» дошел до настройщика. Подключили антенну, батареи. Зашумел приемник, ожил. Те, кто поближе, заулыбались.

Фаня Кабалкина, маленькая, худенькая, улучила минуту и начала читать сводку. По профессии она плановик, а по линии парткома «агитпроп», ее так и зовут повсюду. Ливенцов знал, что каждый день в шесть утра она с наушниками сидит, принимает сводку Совинформбюро. Потом стучит на пишущей машинке, размножает «последние известия», раздает цеховым агитаторам. А тут, на сборке, сама читает и комментирует.

«В течение 2 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На Западном фронте отбито несколько ожесточенных атак немецко-фашистских войск. Враг понес большие потери людьми и вооружением...»

~ А где это Западный фронт? — прервала чтение сборщица.

— Западнее Москвы. Понимаете, как стойко защитники нашей столицы сражаются. Несколько ожесточенных атак отбили. А вот дальше: «На Ростовском участке фронта советские войска продолжали преследовать противника...»

И опять остановка. Дискуссия:

— Мой муженек там, на Ростовском

— А ты откуда знаешь? На конвертах-треугольниках адресов нет, только номер полевой почты.

— Раз говорю, знаю. Мой отчаянный. Где фашистов преследуют, он обязательно объявится.

— А мой вот Васютка, сынок, раненый, — всхлипнула еще не старая, но уже поседевшая женщина. Озябшими пальцами вынула конверт-треугольник. — Из Вологды письмо, там в госпитале лежит. Пишет: «Знай, мама, что отомстил я за наши беды супостату. Трех фашистов уложил, а четвертого не успел, он мне из револьвера плечо повредил. Но ничего, не беспокойся, мама. Когда врачи вылечат, я еще много врагов убью».

Еще раз всплакнула.

— Я бы его, миленького, собой прикрыла, согрела, напоила, накормила.

Она совсем забыла, что сама-то голодает, в холоде, под обстрелом работает. И ее подружки тоже про это забыли, разом заголосили, печалась о тех, кто в окопах, па фронте.

Бледные губы Кабалкиной задрожали. Она силилась найти нужные слова. Подошла к матери, что читал! письмо, обняла.

— Славный у тебя сын. Гордись им. И мы все тоже им гордимся. Он обязательно отомстит за свою рану. И за наши беды, лишения отомстит... Бойцы нашей армии сражаются за правое дело и потому жизни своей не жалеют, проявляют героизм. Вот увидите, как они еще фашистских оккупантов погонят! Не могу вам указать месяц и день, но уверена, что погонят. Ну, давайте дальше сводку читать. «Боевая деятельность партизан Ленинградской области не прекращается ни на один день. Отряд товарища Г. совершил ночью налет на деревню Т., где расположилось па отдых фашистское подразделение... Партизаны перебили всех немцев и захватили много оружия и ценных документов».

Четырнадцатилетняя Люся, молча помогавшая матери перебирать проводки, спросила:

— Тетя Фаня, а кто он, товарищ Г.?

— Я тоже не знаю, Люсенька. Пока это тайна, чтобы фашисты не узнали. Мы ведь тоже держим в секрете, что у нас на заводе делается. Шпионы пытаются проведать, а мы язык за зубами должны держать. Иначе не одолеть врага. А вот когда победим, расскажут и про товарища Г., и про его подчиненных, и про всех пас. И про тебя, Люси, расскажут. Народ нам будет благодарен.

Ливенцов уже успел шепнуть на ухо Кабалкиной, чтобы шла на партком, да все стоит, не уходит. Так приятно видеть, как оживляются отекавшие от голода, суровые, мертвенно-бледные лица.

В военпредовском закутке тоже разговор. Военные товарищи тут, Михалин, Апеллесов, Витковский. Тамара Ольховская, диспетчер на сборке, что-то им рассказывает. И плачет. С фронта, что ли, недобрую весть получила? Два ее брата, слесари завода, воюют. Ольховские — целая рабочая династия.

Тамара всегда как огонь, а тут еле говорит, платок в руке мокрый. Просто непохоже на нее. Не дай бог, если цех вовремя не подаст нужные детали, начальник сборки тут же поставщиков страшит: «Смотрите, я на вас Тамару напущу!» Она и к директору, и в партком постучится, не сробеет, лишь в военпредовской тише воды, ниже травы. Тут если найдут порок в «Северке», краской заливаются, будто лично виновата, будто ей, диспетчеру, за весь завод положено перед Красной Армией отвечать.

Ливенцов прислушался, понял, что речь идет о Захарчике, механике по приспособлениям, сутулом старичке, таком уважаемом, что все его звали дедушкой.

— Миленький, — так Тамара говорит о нем и всхлипывает. — Сыновья у него все на фронте, жена недели две как скончалась. С того дня он и домой перестал ходить. Вы же видели: день и ночь у верстака. Неизвестно, когда и отдыхал. Все мудрует, что-то придумывает. И такой был безотказный! Говорит мне: «Схожу домой, Тамара. Долго не был». А на другой день не явился. Сразу догадались: заболел. Товарищ Витковский послал меня проведать. Пришла. Лежит в постели, тяжело дышит, лицо как мел. Увидел меня и шепотом ругает: «Зачем пришла, силы тратишь. Мне все равно помирать». Ну, я в магазин

сходила, хлеба ему на карточку взяла. Убрала в комнате. Чай подогрела, заставила горяченького выпить, сегодня снова к нему. Открыла дверь, а в комнате тихо-тихо. Подошла к кровати. Может, спит, думаю. Но нет, вижу, не дышит. Глаза открыты, остекленевшие. Нашла саночки в прихожей и на кладбище отвезла...

Тамара умолкла. Молчали и все, кто слушал. «Не новость такое, — подумал Ливенцов. — Сколько уже умерло. Страшно сказать, а и привыкнуть бы нужно, да вот не привыкают. Скорбь на лицах, глаза вытирают... Скорбь по каждому умершему, как по близкому человеку. Всех она породнила — блокада».

В десять часов в парткоме захлопала дверь. Собирались члены парткома, приглашенные. Усаживались тесно на деревянных лавках, шумели.

Последними пришли Апеллесов и Витковский. Спорили на ходу — каким должен быть «Север-бис», усовершенствованный. Попытались и Ливенцова втянуть в разговор, но он не поддался, поднял руку, прося тишины.

— Сегодня мы, — начал секретарь, — похоронили одного из старейших наших рабочих — Михаила Ивановича Захарчика. Прошу встать, почтить его светлую память минутой молчания.

Опять загрели лавки, когда садились. Но шума, какой бывает, когда собираются, не было. Ливенцов объявил повестку дня.

Запахавшись, вошел инструктор горкома партии Сочилин — спешил, видно, чтобы не опоздать. Присел с краю, и уж лица опять все к Ливенцову, слушают. А тот мерно, негромким голосом начал:

— Если поискать сравнений, то мы уже давно как бы плывем с вами в океане во время шторма, даже урагана. И теперь на нас катится самая грозная волна — девятый вал. Топливо на исходе. О положении на лесозаготовках сведений нет. Через час я туда отправлюсь. Так вот, решено пока что разобрать ветхие деревянные постройки на втором дворе. Есть предложение объявить аврал...

Ливенцов не успел договорить. Дрогнули стены. В раскатистый гул разрыва вплелись звенящие звуки бьющегося стекла. Штукатурной пылью густо заволокло комнату.

— Кого ранило? — кричал Ливенцов. — Кого ранило?

Обошлось. Раму окна целиком высадило. Поцарапанные лица и руки — не в счет.

Прибежал начальник охраны, объяснил:

— Снаряд пробил стену заводского корпуса. Людей там не было, жертв нет.

Отряхивались, рассаживались по местам. Ливенцов поставил предложение об аврале на голосование.

— Так. Единогласно. А теперь прошу всех во второй двор. Ломы, топоры и пилы можно получить в проходной.

К коммунистам присоединилась большая группа комсомольцев. Начали с чердака — содрали толевую кровлю, сбросили вниз стропила.

Через полчаса Ливенцов обратился к работавшим с просьбой отпустить его и Сочилина: надо обязательно побывать на лесозаготовительном участке.

Ни шпал, ни рельсов не было видно под сугробами. И колес у вагонов. Даже на состав не похоже. Когда-то, кажется, целую вечность назад, на этих путях застрял восьмой эшелон. Отсюда, с железнодорожной станции, под обстрелом вытаскивали станки. Но немало еще оборудования осталось на платформах, заметенных снегом.

— Весной обязательно заберем, — сказал Ливенцов. — Ничего не оставим.

— Благие намерения! — Сочилин подышал на озябшие пальцы. — А реально?

— Вот увидишь!

Они поспешили к единственному расчищенному пути. Подошла летучка-дрезина с двумя платформами. Сели на какие-то ящики. Поехали.

Ветер бьет в лицо, промораживает, зато — движение. Заснеженные поляны, заколоченные дачи в лесу уплывают назад. На поворотах сильно бросает, только держись. А руки заоченели, а сил, кажется, уж и совсем не осталось, не удержаться.

Соскочили на полустанке, натопанной стежкой двинулись через поле, к темневшему вдаль лесу.

Снег на пригорках выдуло, чернели замерзшие глыбастые борозды.

— Ты смотри! — Ливенцов присел. — Карто-о-шка...

Встал, прошел вперед, вернулся, потом двинулся в сторону. Несколько раз нагибался. На его ладони лежали, свободно умещаясь, три маленьких мерзлых клубня.

— Ну и остроглазый, — сказал Сочилин. — Только на что они, не разгрызть.

— На огне оттают. Людей надо сюда послать, может, что и соберут.

— Не соберут. Чего тут соберешь! Камень, а не земля... Теперь дрова самое главное.

— Про дрова сам знаю, товарищ инструктор. — Официальное обращение означало, что Ливенцов сердится. — Можешь не объяснять. Знаешь сколько вчера людей на заводе умерло? Хоронить не успеваем.

— Знаю, знаю, — вздохнул Сочилин. — Чего ты вспылил?

Некоторое время они шли молча. Снег морозно скрипел под ногами, словно гул прибоя, доносился из лесу шум деревьев под ветром — тревожный, сердитый.

— Слушай, если бы тебя в армию сейчас направить? — первым сказал Сочилин. — Как бы ты к этому отнесся?

— А что? — встрепенулся Ливенцов. — Есть такое намерение? В горькоме?

— Да нет, просто так пришло на ум.

— А-а, настроение мое выясняешь. Давай, давай, выясняй.

Дружески-задорный тон разговора был им привычен, часто так говорили, спорили по делу.

— А все же?

— Летом со всей душой пошел бы, а сейчас сам не стал бы проситься. Не смог бы при таком положении оставить заводской корабль.

— Имеешь в виду девятый вал?

— Запомнил? Да, девятый вал. Только из-за него...

Они долго плутали по лесу, пока нашли своих. Странно было встретить недалеке от громыхающего фронта гражданский лагерь с наспех вырытыми землянками, с дымками, плывущими вверх, под высокие кроны деревьев.

Романченко, ответственный перед дирекцией и парткомом за лесозаготовку, виновато выслушал укоры Ливенцова.

— Знаю, сам себя терзаю, Иван Николаевич. Трудно было землянки выкопать. Надо же где-то жить. Намаялись. Теперь приступили. Валим. Пилить надо побольше. Да некоторые совсем ослабли.

— Ладно, — сказал Сочилин. — Дело прошлое. Пошли лучше к людям.

На делянке работало несколько человек, больше сидело на стволах поваленных деревьев. Лица безразличные, сонные.

— Здравствуйте! — погромче выкрикнул Ливенцов. — Привез вам привет с завода. Очень там надеются па вас.

— Надеются, — зло откликнулась какая-то женщина. — Сами бы попробовали!

— Вот-вот, — поддержала другая. — На морозе да в голоде!

Ливенцов промолчал. Взгляд его упал на двухручную пилу, брошенную на снег. Наклонился, поднял. Сказал Сочилину:

— А ну-ка, берись!..

Пила была довольно острая. И начали спору, даже с ожесточением.

Вжик... Вжик... Сталь быстро углублялась в кругляк, опилки разлетались в стороны, издавая свежий спиртовой запах.

Ливенцов обрадовался, что не пропала сноровка: в 1920 году работал в Курском депо помощником паровозного машиниста, тогда тоже не было угля, приходилось останавливать локомотив в пути, пилить в лесу дрова для топки. И Сочилин ничего, ладно работает.

Вжик, вжик...

Прошел час, другой. Ни минуты па отдых. Не оттого ли рядом зазвенели другие пилы? Никто уже не сидит на бревнах, даже веселье в голосах слышалось. Тогда уже сам Ливенцов потребовал перерыва — для всех.

Собрал людей в кружок, стал рассказывать о положении на заводе, о последних сводках Совинформбюро.

Совсем уж отошли пыльщицы. Требуют:

— С нами оставайтесь, товарищ Ливенцов! За три дня весь лес сведем.

— Что ж, товарищи, могу и остаться. Только давайте кого-нибудь из вас пошлем на завод. Чтобы меня там заменить. Согласны?

— Э-э, так не пойдет! Возвращайтесь, мы уж тут сами. По заведенному примеру.

Нагрузили первую машину. Шура Строева, из тех скороспелых шоферов, что подготовили на заводе, волнуясь, уселась за руль. Рядом в кабину кое-как втиснулись Ливенцов и Сочилин.

Уже махали руками на прощание. Ливенцов спохватился, подозвал Романченко:

— Тут поле недалеко есть, картофельное. Поглядите, может, что и соберете. Хоть по картошке на брата. Ничего, что мерзлые, на огне отойдут.

Грузовик двинулся просекой к дороге. Вдали рокотала канонада. Сгущались сумерки. Слабые фары желто подсвечивали сугробы.

— Вот обрадуются в городе, — сказала Шура и прибавила газу. — Вот обрадуются!

ВЕСЕННИЙ ЛУЧ

Она ударила несколько раз лопатой и замерла. Со стороны — не то отдыхает, старается унять колотящееся сердце, не то задумалась.

Снег слежался, промерз, откалывается мелкими кусками-льдышками. А двор узкий, стены домов высокие, холод тут, как на дне колодца. Не скажешь, что апрель, что зима позади.

Она еще раз ударила, взглядом проводила отскочивший осколок и опять застыла. Другие вовсю работают, шутят даже, меняются — то санки со двора тянут, то лед колют, снег отгребают. А она все с лопатой. Хорошо, не пристают, не донимают расспросами. Впрочем, все знают, что не пойдет она на разговор. Ответит покороче и замолчит.

Теперь уже никто не зовет ее Леной. Елена Павловна, за глаза — вдова Гаврилова. И еще прибавят: «Эх, Сергей, Сергей, токарь золотой, как это ты с жизнью не сладил, на тебя-то надежда была...» Такое она слышала раз в цехе — про нее и про мужа говорили, жалели, что дети сиротами остались.

Каждое утро они вместе с мужем отвозили в детский сад восьмилетнего Сашу и трех годовалого Володю. Тянуть салазки можно было только вдвоем, у одной матери сил не доставало. Потом вместе шли на работу. Благо, и дом, и детсад возле завода...

У нее болят руки, ломит спину. Ударит, и кажется ей, что больше лопату не поднять. Сегодня с утра уговаривали: «Елена Павловна, вы еще не оправились от болезни, оставайтесь». Не послушалась. Не могла иначе.

Уже восьмой месяц в городе гибнут люди. От бомбежек, артобстрелов, от голода. Не успевают хоронить убитых и умерших. А сколько трупов еще осталось под завалами, под снегом — шел человек и упал замертво... Улицы не чистились, дворы не убирались. Намело выше окон первого этажа. Снег смешан с нечистотами — сколько времени уже не действует канализация.

Люди ждут весеннего тепла и знают, что это благо может обернуться гибелью, если не очистить город: жди эпидемий. Брошен клич: «Очистим город!» У каждого предприятия свои кварталы. И у головного завода свой урок — целая улица. В цехах, где делаются «Северы», не хватает рук, фронт ждет продукцию, но уборку считают тоже фронтовым заданием. Это борьба за жизнь. Как же и ей, Гавриловой, не взять лопату. Больна? А другие... Вот только думы, думы, куда от них убежишь!

В декабре, когда еще имелся задел узлов и деталей, завод, даже лишенный электроэнергии, выпустил 245 радиостанций, а в январе 1942 года — ни одной готовой.

— Для чего же мы существуем, если фронту ничем помочь не можем? — с отчаянием говорил Сергей, — Дрова заготавливать? Так это для себя. С крыши зажигалки сбрасываем? Тоже хорошо, чтобы цеха не сгорели. Но разве это для нас главное?

— Не терзай себя, потерпи, — успокаивала она мужа. — Вот помотришь, найдут выход.

Как в воду глядела. Вскоре нашли источник энергии. Правда, говорили, случайно. Вообще об этом много толковали, во всех подробностях.

Глубокой осенью плавучей судоремонтной мастерской было приказано убраться подальше от боевых кораблей: «Куда хотите, хоть к черту на кулички, а то демаскируете». Командир судоремонтной военинженер 3 ранга Браиловский с Кронштадского рейда взял курс в Неву и там прижался к гранитному обресту набережной, вблизи от головного завода. Рядом издавна находился лесной склад. Соответственно перекрасили борт и палубу, а сверху натянули холст, на котором краснофлотец-художник изобразил штабеля бревен. Позже, когда наступила зима, брезент побелили — под цвет снега. Бомбардировщики летят низко-низко, а плавучей мастерской не замечают.

Ее и с земли не сразу разглядишь, не поймешь, что за посудина притулилась к берегу. Заводские энергетики все же уловили шум генераторов. И сразу к Ливенцову: так, мол, и так, у мастерской электроэнергия есть, вы партийный руководитель, там тоже коммунисты, найдите общий язык.

Еще рассказывали, что и Миронов, военный из штаба фронта, опекавший завод, тоже прознал про плавучую мастерскую, кинулся с челобитной в штаб Балтийского флота. Но пока начальники договаривались, Ливенцов уже на трап ступил. Краснофлотец-часовой пропуск спрашивает, а у секретаря, конечно, никаких пропусков нет. Просит вызвать командира. Не очень-то слушают. Кое-как через дежурного передали о настойчивом гражданине.

Пришел Ливенцов в каюту командирскую, представился: «Секретарь парткома здешнего завода. Давно хотели становить с вами связь, да как-то не решались. Мало ли что, может, из-за секретности нельзя». А командир ему: И мы с вами собирались встретиться, хотели помощи просить. Не хватает у нас станочников. Стоят станки, даже мощности свои электрические не используем».

Ливенцов, наверное, рассмеялся. Не мог не рассмеяться. «А нам, — говорит, — как раз мощности и не хватает, станочники-то есть. Может, наладим обмен?»

От судна протянули в цеха кабель. Ожили станки. Счастлив Гаврилов. Радуются и его товарищи, токари и фрезеровщики — пошла работа! Точат детали для завода, для плавучей судоремонтной мастерской. Какая разница: заказчик один — фронт.

И монтажники вооружены электропаяльниками. Зашевелилась технологическая цепочка. В феврале выпустили 20 «Северов». Капля по сравнению с тем, сколько нужно, зато в марте — уже 55. Апрель еще не кончился, но есть надежда, что перевалит выпуск за 100...

Она долбит снег, а мыслями в прошлом, со своим Сергеем. Вспоминает каждый из последних его дней.

Как-то шли на завод, и она сказала: «Ну-ка, покажи свой хлеб». Он разозлился: «Нечего меня проверять!»

А все потому, что дозналась, как он украдкой от нее ломтики детям сует. Сама она каждый день то же самое делает, но ей можно, женщине меньше надо, женщина лучше голод выносит, а ему, мужчине, никак нельзя: опух, ослаб совсем...

Или вот случай был, потом ей передавали. Сергей задержался на заводе дольше обычного и возвращался домой один. Поздно, на улице пусто. Впереди только запоздалый прохожий. Тот шел-шел, да и упал. Случай нередкий, Гаврилов на помощь кинулся, помог встать старичку в теплом ватном пальто. Пошли рядом, Сергей его под руку держит, помогает идти, да чувствует, что силы у старичка есть, бодрый он совсем, хоть и твердит, что жизнь ему встречный, Гаврилов спас. А потом расстегнул пальто и полбуханки хлеба протянул: «На, — говорит. — В награду. Работаю в хлебном магазине, мне не трудно».

Хлеб в руках старика дразнил Сергея, страшно голодного. Наверняка подумал: дома жена, дети, им бы принести. Но хлеб же украденный! У таких, как он, как его дети. И еще подумалось: если старик пошел на преступление, то какой ему смысл дарить похищенное?

Замаялся для вида: не хочется, дескать, мне вас обижать. А сам вперед незнакомца тянет, поближе к милиционерскому посту.

Вдруг кто-то навстречу. Сергей решил действовать, позвал на помощь. Подошедший кинулся к старичку, вывернул ему руку. Еще двое невесть откуда выскочили.

«Спасибо, товарищ, — сказали Гаврилову. — Вы нам помогли. Мы за этим типом уже давно следим».

Вот, значит, возможно, и шпиона задержал... Они, немцы, небось с ног сбились, разыскивая, где «Север» производится. Им в голову небось не приходило, что в осажденном, блокадном городе. А если и предполагали, что в Ленинграде, если лазутчика послали, то вот вам — нате, тот на первом встречном токаре карьеру кончил...

«Ох, и устала ты, Елена Павловна, — думает она. — Повалиться бы тебе на снег, полежать. Даже заснуть». И тут же привычно отгоняет коварную мысль: «Не хитри, смерть, не завлекай, не сдамся». Потом недавнее — или давнее уже? — снова на ум пришло.

Как он складывался, тот горестный день? Накануне Сергея уговаривала взять путевку, лечь в заводской стационар. Не захотел. Утром отвезли ребят в детсад, пришли на завод — он в свой механический, она на сборку. И вдруг прибежали за ней, сказали, что плохо Сергею. Стремглав понеслась. Уже стояли возле него, не узнававшего никого, двое в белых халатах. Она тоже поехала в «санитарке» в больницу.

Врач посоветовал прийти завтра, сегодня он еще ничего определенного о состоянии больного сказать не может.

У нее хватило сил лишь па то, чтобы вернуться на завод. В проходной ей стало до того плохо, что не помнит, как очутилась в стационаре, и сколько часов, дней, ночей лежала — тоже не знает. Через силу лекарства пила: полная апатия. Даже весть о смерти Сергея выслушала молча и о детях ни разу не спросила.

Все же ее спасли. Лекарства, что ли, болезнь перебороли? Или организм сам совладал? Наверное, и прибавка крохотная к голодному пайку сыграла роль.

В первый же день, как поднялась, пошла к детям.

— А папа где?

— На войну уехал, — прошептали губы.

— Фашистов бить?

Няня помогла их одеть. Шли медленно привычной дорогой. Миновали скверик, за угол завернули. А дальше — некуда. Вместо дома, где жили, груды бело-желтого кирпича, известки, искореженные балки. Прохожие пояснили: авиабомба, прямое попадание.

Побрели обратно, к заводу. Благо и вещей-то никаких, Все на себе. Сели у печурки в цехе. Дети молодцы, не теребили, не спрашивали. Молчали, как взрослые. Молодцы.

Сегодня утром она рано проснулась. Думала, первая, Фаня Абрамовна Кабалкина уже на ногах. Не спится «агитпропу» — так ее называют. А лучше бы матерью назвать. Чужие дети — ее дети. Чужое горе, как свое.

У Кабалкиной койка в цеховой конторке. Подушку и одеяло, часы с гирьками принесла из дому, когда он еще был у нее — дом. И всем этим скарбом своим поделилась с Гавриловыми.

Приставила к койке табуретки, сказала: «Ложись, Лена, на таком ложе широком вполне можно вдвоем разместиться». Не хотелось ее стеснить, Фаню Абрамовну, как-нибудь так. Но та заставила. Потом еще препирались, кому на койке лежать, а кому — на табуретках. И опять приказ: «Ты длинная, у тебя ноги будут на весу, а я, вот смотри, умещусь».

Фаня Абрамовна часто и ночью несет дежурство, а если и приходит, то очень поздно. Но все равно они хоть чуток да поговорят о жизни, людях, войне, о будущем. Уж как радовалась Кабалкина за всех, когда с открытием ледовой дороги по Ладожскому озеру прибавили чуток к пайку. Первая радость, сказала, за ней придут другие.

Бывает, «агитпроп» на полуслове умолкнет — уснула. А рано утром, чтобы не разбудить соседку, тихо поднимется, на цыпочках выйдет. Вот как сегодня...

Она следом поднялась. По часам с гирьками выходило, что еще целый час до выхода па очистку города. Умылась, собралась. Вот и зеркальце на табуретке. Фаня Абрамовна, наверное, нарочно забыла. Для нее, Лены. Она всем, Кабалкина, словом и делом внушает: женщина всегда должна оставаться женщиной — аккуратной, опрятной. Впрочем, и мужчины тоже. Партком и завком вон сколько сил потратили на устройство заводской бани.

Партком... Она как раз и торопилась туда, к Ливенцову. Вошла, а он занят. Монтажница Болдина у него, Антонина Михайловна. И рядом с ней мальчик — худенький, тростиночка прямо, и почему-то в форменной морской фуражке.

Болдина приехала с оборонительных работ, снова на сборке «Северов». А теперь вот просила принять на завод своего Витю. Сын это, оказывается, рядом с ней стоял.

«Метрика куда-то делась, — говорит. — А мне, матери, никто не верит, что ему уже четырнадцать. Грубят в личном столе, завод у нас, говорят, а не детский сад».

Ливенцов засмеялся. Как раз что-то похожее на детский сад и можно было в цехах увидеть. Сидят работницы за сборкой узлов для радиостанций, а рядом — мальчик или девочка. «Смотри, Танечка, как я проводок сгибаю», «Ванечка, эта штучка называется сопротивлением». Дети не числятся рабочими, просто при мамах. А Витя — другое, в дело просится.

Ливенцов встал, протянул руку: «Держи, браток. Походатайствую, чтобы тебя в рабочий класс приняли».

Следом к ней:

— Здравствуйте, Елена Павловна, какая у вас просьба?

— Какая? Очень большая!

Она изложила просьбу свою па бумаге, несколько раз переписывала, чтобы поясней было.

Подала Ливенцову. А он вслух читает: «Заявление. От Гавриловой Е. П. Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б)...» Дальше она писала про свою жизнь и объясняла, почему решила связать дальнейшую судьбу с партией.

— А кто рекомендации дает? — спросил секретарь.

— Кабалкина обещала.

— Правильно! Ну, а вторую могу я дать. Согласны?

Она хотела ответить, что согласна, но заволновалась, не успела. Солнце ударило в оттаявшее, непривычное без морозных рисунков окно. Ливенцов зажмурился.

— Весна скоро, — сказал он. — Пусть еще холода, но они отступят, как и все беды наши. К нам придут новые силы.

...Она ударила лопатой раз, другой и уж долбит беспрерывно, как одержимая. Весна идет, ведь и правда — весна! Зима, самое страшное — позади.

ПОЛЬЗА ТЕЛЕФОННЫХ КНИГ

Вентилятор сердито колебал застоявшийся, жаркий воздух. Тугая струя ворошила листки календаря на столе. Рядом с датой «4 июля 1969 года, пятница» было помечено: «Встреча с полковником Евг. Фед. Павловским».

Он вошел, размашисто водрузил фуражку на крючок и низким, решительным голосом предупредил:

— Вряд ли я буду полезен. Судьба свела меня с «Севером» случайно, и роль в его создании играл я весьма скромную. Вам других людей нужно искать.

— Э, нет, Евгений Федорович. Такое уж мы слышали сто раз. Давайте по уговору.

Павловский вздохнул, медленно, явно нехотя вынул школьную тетрадку. Там — в расчете на неизбежные расспросы — была кратко изложена его биография. И не вся, а лишь до самых трудных дней блокады. Вот что написал полковник.

«Родился и рос я далеко от Ленинграда — на берегу Вилюя, притока Лены, в городе Вилуйске. Потом семья переехала в Киренск.

Отец — врач — лечил прокаженных. А меня с детства влекли широкие речные плесы, хотел стать ленским капитаном. Окончив школу, поехал в Ленинград и поступил в Институт водного хозяйства. Но проучился всего год, круто изменял жизненный курс.

Время было тревожное. Я перевелся из института в Военную академию связи. Моими однокашниками были Николай Баусов и Абрам Мотов. Первый погиб под конец войны на фронте, второй тоже воевал, а сейчас инженер-полковник, служит в Уральском военном округе.

Мы занимались в одной учебной группе. Койки в общежитии — рядом, к экзаменам и зачетам тоже готовились вместе. Помогали друг другу готовить дипломные проекты, а защиту их ускорила начавшаяся война.

Каждому из нас было по двадцать три года, техники-лейтенанты. Понятно: рвались на передовую. Только всем троим совершенно неожиданно приказали: «В Москву поедете. Наркомат обороны затребовал». Пожали плечами — какие из нас стратеги? Да приказ есть приказ, отправились в столицу.

Где-то стреляют, а мы осваиваем штабные премудрости. Муторно. Обрадовались, когда через несколько дней всей троице велели собираться в командировку. Думали, на передовую, а оказывается, туда, откуда прибыли. В ленинградском штабе сказали: есть подполковник Миронов, к нему и явитесь. Скажет, что делать. Срок? Две недели.

Не знали мы, что недели эти выльются во многие месяцы.

В Ленинград мы проскочили последним поездом. На Октябрьской железной дороге уже рвались снаряды. Явились к Миронову. Он оказался знакомым — слушали мы в академии его лекции. Узнал ли он нас, своих бывших слушателей, — трудно сказать. Мы, правда, не решились напомнить, не до этого было, хотелось поскорее узнать, зачем присланы.

Тут мы впервые и услышали про «Север».

— Вот вам адрес головного завода, — сказал Миронов. — Разыщите нашего представителя воентехника 3 ранга Николая Николаевича Стромилова. Будете его помощниками.

Какой, спрашиваем, Стромилов? Радист-полярник? Да, слышим в ответ, он самый. У нас даже настроение поднялось: и дело необыкновенное, и наставник видный.

Встретил нас Стромилов так, будто мы век знакомы. Радушно, доброжелательно, как равных. Признался: зашился, выручайте. А работы действительно невпроворот. Познакомились с радиостанцией, и тотчас Стромилов усадил нас за рабочие места — по технологической цепочке вслед за ОТК. Стали мы принимать от завода «Север» за

«Севером», проверять его электрические и конструктивные параметры. Зачастую сутками не выходили из цеха.

Проверишь и, прежде чем поставить свою подпись на документации, волнуешься: все ли проконтролировал? От качества радиостанции зависел подчас успех боевого задания, даже жизнь не одного только радиста, но и целого отряда партизан, группы разведчиков. Думалось, что ты сам с этой вот радиостанцией, что перед тобой, в тыл врага собираешься.

Но не только к проверкам сводилась наша военпредовская деятельность. Вместе с технологами, диспетчерами ломали голову над тем, где без ущерба можно, скажем, заменить дефицитную латунь на сталь, резонно ли допустить те или иные потребовавшиеся производственникам небольшие отклонения в схемах. Вносили и сами предложения, как улучшить качество продукции.

Поздней осенью 1941 года Николай Баусов задал вопрос: «Правильно ли будет зимой выпускать радиостанции в сумках из брезента зеленого цвета? Не станут ли они демаскировать радистов?» На следующий же день появился приказ об изменении технической документации по предложению военпреда: отныне зимой сумки для «Северов» стали делать белыми, под снег.

Внес Баусов и еще одно «зимнее» предложение, вдумался: не заменить ли телефоны, наушники, входящие в комплект рации, шлемофонами, которыми пользуются летчики? Ведь партизанские радисты наверняка будут работать не только из теплых помещений, скорее всего им придется располагаться на открытом воздухе, в мороз. А разве наденешь плотно шапку, так, чтобы не замерзнуть, если на голове телефоны? Да и давить на голову могут наушники, отвлекать внимание радиста.

Миронову предложение понравилось, похвалил Баусова. Вскоре нам рассказали, с каким удовольствием радист, отправлявшийся за линию фронта, примерял настоящий летный шлем на меху со вставленными в него телефонами...

«Северы» шли не только на борьбу с врагом в его тылу и не только под Ленинградом. Мы знали, что немалую часть заводской продукции грузят на транспортные самолеты, перебрасывают по воздуху на Большую землю. «Северы» таким образом растекались по всей Действующей армии. Это также поднимало ответственность за нашу работу, гордость за нее.

Впрочем, свою сопричастность к боевым делам, к фронту чувствовали не только мы, военпреды, а все на заводе. Жаль, что не вел я дневника. Столько было трудового героизма, столько самоотверженности...»

— А дальше, Евгений Федорович?

Павловский молчал, курил, смотрел в окно. Июльский полдень полыхал зноем. «Волги», «Москвичи», «газики», обычно стоящие перед фасадом редакционного здания, теперь попрятались в жидкую тень молодых ясеней. В комнате сердито жужжал вентилятор, ворошил листки календаря.

— Дальше? — переспросил полковник, выходя из задумчивости. — Дальше, я же говорил вам, надо искать других людей. Точнее — Стрельникова.

— Того, что создал батареи питания для раций? Мы искали, многих расспрашивали, только мало чего добились.

— А я с ним деловые контакты поддерживал, — сказал Павловский. — Может, слишком официально говорю, зато память об этом человеке навсегда в сердце.

— Он разве погиб?

— Точно не знаю. В блокаду все было возможно. Впрочем, послушайте.

Мы записали рассказ полковника. Вот он.

«Кроме головного завода, в производстве «Северов» участвовали предприятия-смежники. На одном узлы делали, на другом — лампы, на третьем — батареи. Меня Стромилов назначил представителем на всех этих объектах.

Пока в городе работал транспорт, дорога не составляла проблемы. А в декабре 41-го трамваи и троллейбусы застыли на улицах — замерзшие, заметенные сугробами. И сам

идешь мимо них со скоростью престарелого. Квартал одолеешь, и надо останавливаться, дух перевести — от голода я сильно ослаб. За полдня кое-как добирался до очередной проходной.

Проверишь изделия, уладишь с производственниками нужные вопросы и трогаешься в обратный путь.

Один из моих маршрутов пролегал за Московский вокзал. С пустынного, заснеженного Суворовского проспекта я сворачивал на боковую улицу, пока не достигал дома, с виду обычного, жилого, где, однако, располагался небольшой заводик. Возник он из лаборатории, принадлежавшей, кажется, как я слышал, Политехническому институту. Бессменным руководителем лаборатории был некто Стрельников. Говорили, будто хотели его эвакуировать еще в июле 1941 года, да он отложил отъезд, ссылаясь на незавершенные дела, а потом и вовсе оставил мысль покинуть Ленинград.

Как специалист, я восхищался Стрельниковым, ставшим во главе маленького заводика. Он дал «Северу» батареи электропитания. Небольшие и надежные. Ни о чем подобном я не читал в учебниках, не слышал и на лекциях в академии. Стрельников создал батареи и организовал их производство. А мне, военпреду, выпала честь их принимать для комплектования радиостанций.

В дни ленинградской блокады, когда мы встречались, Стрельникову было, я так полагаю, под шестьдесят. Высокий, худой, в очках. Чаще всего я заставлял его за столом, в пальто. Впрочем, все тогда были в пальто, полушубках — в помещении что на дворе. Он всегда работал, что-то писал, высчитывал, справлялся в книгах, стопами высившихся на столе.

Задача перед ним стояла сложная. «Север» — рация переносная, ее достоинство в том, что радист может быстро передвигаться, менять местоположение. А питание для приемника и передатчика ему нужно на долгий срок — где его в тылу врага достанешь. Значит, батареи должны были иметь достаточный запас энергии и в то же время — минимальный вес и объем. А попробуйте в маленьком переносном «складе» запастись намного больше, чем он может вместить! Но Стрельников эту, казалось бы, непосильную задачу решил. Да еще в невероятно короткий срок.

На сборке батарей работали женщины. Я не раз видел, как Стрельников, бывая в цехе, подходил то к одной, то к другой, справлялся о детях, спрашивал, идут ли письма с фронта. Нужно, так и покажет, как лучше выполнить операцию. И корректно, простите, мол, за вмешательство, но так вот удобней. И действительно, у него лучше получалось.

Требования мои военпредовские выслушивал внимательно. Иногда записывал в блокнот. И никогда не ссыался на трудности, хотя их было сверх меры. Только и скажет: «Если фронту нужно, то и невозможное сделаем возможным».

Всегда интересовался положением под Ленинградом. Почему-то считал, раз я в военной форме, то должен больше гражданских знать. Выслушает, а потом за пуговицу возьмет и скажет: «Выдюжим. Надорвется скоро Гитлер. Вот посмотрите!».

Мне нравилась его убежденность. Разговоры с ним прибавляли силы. Только часто он умолкал на полуслове, хватался за карандаш и уж переставал что-либо замечать. Я не мешал, мысль, значит, осенила. А пока он решал свое, брал со стола какую-нибудь книгу. Однажды мне попался переводной труд. Полистал я его и увидел ссылки автора на исследования Стрельникова. Вот только, что это за труд, не припомню.

Зима кончалась, а предела ленинградской командировке нашей троицы не предвиделось. Отданы Миронову — и работайте. Он нас зачислил, бог знает кем, в свой штат. Иначе паек бы не выдавали. Как-то мы заикнулись: «Товарищ подполковник, не достанется ли нам?» Рукой махнул: «Москва знает».

Дни стояли еще холодные. Но выглянет солнышко, и тают сосульки на карнизах, стучит капель, радуется.

В один из таких дней я совершал очередной переход от головного завода до стрельниковского заводика. На пути — почти весь Невский. Сегодняшний молодой ленинградец может улыбнуться: «Совершил переход!» Одно удовольствие пройти от Гостиного двора до вокзала. А тогда опухшими ногами сделать шаг — мука. А на пути — сугробы, торосы...

Но вот приближаюсь к цели. И не узнаю квартал. Свежие руины, тянет дымом, пожарные тушат огонь. От них и узнал, что накануне бомбили.

Прошел еще и все до конца сам понял: прямое попадание в заводское здание. Екнуло сердце: наверное, погибли все наши батарейщики.

По грудам кирпича, через пролом в стене пробрался в цех. Посмотрел вверх — видно небо. Бомба прошла крышу и пол, но, надо полагать, угодила под землю не взорвавшись. Но люди где? Остался ли хоть кто живой?

Только подумал, слышу разговор. Пробираюсь дальше и в лабораторной комнате застаю Стрельникова. Стоит на коленях и из кучи обломков извлекает свои бумаги. Испачкан весь, лица не видать. Кричу ему, а он не слышит. Потом показал рукой в сторону. Я понял, куда-то во двор велел идти, за пределы разрушенного здания.

Оказывается, чудом уцелевшие работницы перебрались в сарай. Открываю дверь и вижу длинный стол, за ним женщины сидят, трудятся. Желтые язычки пламени еле освещают их лица, копоть облаком висит над столом. Темно, плохо видно, но они окуляры приспособили, как у часовщиков. Уж не знаю, где и достали. И так вот, в нетопленном сарае, после бомбежки продолжали колдовать над тоненькими, хрупкими угольными стерженьками и цинковыми пластинами.

Меня заметили. Одна женщина встала, подошла. Строго смотрела, как бы узнавая. Потом сказала: «Вот видите: наладили сборку. Добавки хлеба не просим, знаем, что нет. Света только раздобудьте».

Когда вернулся, доложил в штабе о том, что видел, просил помочь. Говорили мне, что все возможное было сделано. Но уж на заводик я сам больше не попал — вскоре меня, больного, отправили на Большую землю».

Еще вопрос Павловскому:

— А о Стрельникове получали ли потом какие-нибудь сведения?

— Вряд ли он тогда выжил.

— Но кто же он все-таки?

— Мы много говорили с ним, а вот о себе он не обмолвился ни словом.

— Может, у него были дети?

— Кажется, да.

Уже неделю мы были в Ленинграде, искали следы Стрельникова. Тщетно. Раньше, в Москве, облазили все полки в библиотеках — ничего. Адреса самых разных организаций и лиц тоже не помогают. В Ленинградском научно-исследовательском аккумуляторном институте встретился наконец знающий человек.

— Стрельников? — переспросил. — Конечно, помню. О, это интересный ученый!

— Что вы знаете о его судьбе? Остался ли кто-нибудь из его семьи?

— Нет-нет, не знаю. Блокада. И столько лет после нее прошло...

В вестибюле гостиницы шумно, пол уставлен чемоданами. Кто-то уезжает, приезжает, все спешат. Неужели и нам трогаться? Вот так, ни с чем...

Стоим, ломаем головы — не осталось ли неиспользованной возможности?

Как она попала на глаза — пухлая телефонная книга на столе администратора? Надо посмотреть.

На тонкой голубоватой странице десять Стрельниковых. Кто из них родственник? Или все однофамильцы? Неудобно беспокоить незнакомых людей. Что ж, извинимся.

Набираем первый телефонный номер. Отзывается женщина, судя по голосу, пожилая.

— Мы ищем товарища Стрельникова. Он оставался в блокаду в городе. Ученый.

— Ученые бывают разные, кто по специальности?

— Кто?.. Вероятно, физик...

— Нет-нет, вы ошиблись, это квартира доктора химических наук.

Следующий помер. Не то. И другой — промах. Третий — долгие, безнадежные гудки — никого нет дома.

Стоп! Но по первому же телефону был ученый. Химик. А почему, собственно, Стрельников должен быть физиком? Диск срывается с пальца — быстрее, быстрее! Отвечает тот же голос. Просим доктора наук, ждем, волнуясь. Вот наконец:

— Стрельников, Андрей Никитович у телефона. Здравствуйте. Слушаю.

— Скажите, пожалуйста, не ваш ли отец во время блокады создал батареи для радиостанции «Север»?

— Нет, не отец мой. Это был я сам...

Сколько народу на Невском! Казалось, мы пробирались навстречу демонстрации. Или так казалось оттого, что ми неслись сломя голову? Думалось, если промедлим, чудо кончится, Стрельников так же неожиданно исчезнет, как и появился.

К счастью, троллейбус катил быстро — в сторону Московского вокзала, по тому самому маршруту, по которому в блокадную зиму совершал свои мучительные переходы военпред.

Сошли у Суворовского проспекта. На 8-й Советской нашли дом, указанный по телефону, потом квартиру. Вот и сам он, Андрей Никитович. Такой же, как описывал Павловский: высокий, в очках. Ему 71 год. Сколько же было тогда?

— Наверное,— рассмеялся Стрельников,— я в ту блокадную зиму выглядел намного старше, чем сейчас. Вот Женя,— так он по старой памяти называл Павловского,— и принял меня за древнего старика. Не знаю, по чьей инициативе, но вскоре после известной вам бомбежки меня, жену и дочь вывезли из Ленинграда по уже таявшему ладожскому льду. Лечили. Спасли...

На безбрежном профессорском письменном столе книга: «Ю. Р. Эванс. Коррозия, пассивность и защита металлов. Перевод с английского. Год издания 1941-й».

— Вы слышали об этом авторе? — поинтересовался Андрей Никитович, видя, что книга нас заинтересовала. — Эванс — крупный ученый.

— Просто знаем, что эту книгу, наверное, и видел у вас однажды Павловский. Он заметил в ней ссылки на ваши научные опыты.

— Какая память! И какая выдержка — тогда, в блокаду.

Он вспоминал заводик, неутомимых женщин-сборщиц. Удивлялся: откуда только брались силы?

— Впрочем, — добавил, как бы размышляя вслух, — Впрочем, секрета тут никакого нет. Мы ведь, вся страна, народ, готовились к таким испытаниям. Партия нас готовила. Вспомните: революция, гражданская, пятилетки. Разве по гладкому шоссе двигались? И все время помнили, что там, за кордонами, смерть готовят, не могут простить нам Советской власти, социализма. Мы торопились, шагали быстро. В науке родились большие потенциальные силы в смысле теоретической базы, инженерных навыков. Которые в нужный момент в суровый час войны вылились в совершенные результаты. Но то, что я сделал, — капля в море. Танки, орудия, самолеты, корабли — подумайте, сколько нужно было сделать ученым, чтобы помочь стране добиться превосходства над врагом!

Но почему же Стрельникова, этого незаурядного человека, мало кто знает? Даже в НИИ не смогли дать адрес; хорошо, телефонная книга помогла.

— Вы, наверное, им бог знает что про меня наговорили, — смеется Стрельников. — А в институте таким знаменитым меня не знают. Хотя, между прочим, совсем недавно я написал для них отзыв на докторскую диссертацию... А вообще, я затворник. Некогда печататься, выступать с докладами. Спешу закончить работы, которые мне завещал мой

учитель — выдающийся советский ученый в области физической химии и электрохимии академик Владимир Александрович Кистяковский.

Дальше он уж эту тему не оставлял, мы долго говорили о науке, о ее проблемах — всегда сложных и всегда увлекательных.

В полночь мы стали прощаться. Радужный хозяин отправился провожать нас до остановки. Было тепло, тихо. В окнах гасли, засыпали огни.

Стрельников шел неторопливо, по-стариковски, будто прогуливаясь. Неожиданно остановился.

— Кстати, — сказал он, — вот то здание, где находилась наша лаборатория.

Дом как новый. Ни одной ранки от бомбежек, обстрелов. Голубоватый свет фонаря падал на вывеску у подъезда: «Онкологический диспансер».

— Как символично, — сказал Стрельников, — тогда здесь боролись за жизнь и сейчас. И это судьба только одного ленинградского дома!

ПАРТИЗАНСКОЕ РАДИО

Хорошо налаженная, четко действующая связь — залог победы над врагом.

Из приказа Народного комиссара обороны

Деревянно-матерчатый У-2 летел через фронт.

В какое время проплывет внизу изрытая траншеями, избомбленная, усыпанная минами полоса соприкосновения и противоборства двух армий, Стромилову не сказали. Не мог он и сам разглядеть ее сквозь целлулоидные очки: самолет вязко омывала ночная темнота. Оставалось сидеть покорно, по-пассажирски, и ждать, что будет дальше.

Он и ждал.

На аэродроме, когда забирались в открытые, по плечи, кабины, пилот напутствовал: «Потерпите малость, доедем. — И, поднимая воротник мехового комбинезона, как бы невзначай прибавил: — Если не остановят...».

Вот, значит, как! Только Стромилов и без него, пилота, уразумел суть дела, разъяснил себе мысленно, что хоть он и полетал на своем веку достаточно — и над сушей, и над морем, и над тундрой, и надо льдами, даже над Северным полюсом, — а такой полет у него в жизни будет первым.

Он терпеливо поджидал хлопков невидимых сверху зениток и встречных «мессеров», лающих огненными очередями.

Но ничего этого не было. Только ночь, ветер, ледящий губы даже сквозь плотный, еще полярный шарф, да дремотная, на двух нотах песня мотора. Просто удивительно, как этот парень, сидящий впереди, находит дорогу и небе!

«Вот черти, — подумал Стромилов, — наладились летать, будто домой». Он еще раз повторил про себя: «домой» и решил, что правильно, к себе домой они и летят, только дом этот надо еще отвоевать у врага.

Вероятно, фронт самолет уже перемахнул, но то, что произошло это так незаметно, вовсе не говорило о легкости работы пилота. Скорее — о его мастерстве и мужестве. Кто знает, сколько раз был оп в простенькой аэроклубовской машине па краю гибели, пока наловчился летать вот так — над самыми верхушками деревьев, избегая зенитных батарей и заградительных стай истребителей-ночников.

«Нет, и вправду молодцы партизанские летчики, смелые ребята», — снова подумал Стромилов и удивился, что раньше совсем не брал в расчет беззащитно-опасного отрезка воздушного пути во вражеский тыл, когда проверял подготовку радистов к вылету на

задание. Казалось, их работа начинается с того момента, когда надо проверить, прочно ли увязаны сумки с рацией, выбраться на крыло, взяться за вытяжное кольцо парашюта... А на самом деле задание начинается вот с такого настороженного сидения в кабине, обтянутой тонким перкалем, с ожидания. Проверки себя. И еще — острой, мгновенно пробуждающейся веры в боевого товарища. Этот товарищ — пилот, везущий тебя в ночном небе.

Стромилов подумал так и отчетливо представил на своем месте паренька или девушку — из тех, кого готовили в радисты в землянках-классах Лесной школы. Сколько их было за два года войны! И все равно с каждым — все сначала, все вновь, особенно. Добровольческое заявление, даже самое слезное, по существу не в счет. У каждого заявление такое, что отказать невозможно. Но все ли знают, на что идут? Все ли обладают тем гигантским запасом физических и духовных сил, какие нужны разведчику? Их учили владеть автоматом и пистолетом, прыгать с парашютом, безошибочно шифровать донесения. Но самое важное, конечно, радиодело, маленький «Север», который с момента зачисления в школу становился главной заботой курсанта.

Хорошо, когда в школу попадали солдаты или матросы из радистов, коротковолновики-любители. Их Стромилов вместе со старшим лейтенантом Ефимом Безманом и другими инструкторами Лесной школы без устали искал в списках резервных частей. Такого проверь да потренируй, да объясни тонкости пользования «Севером» — вот и вся наука. Только не просто найти бывалого радиста, даже если у тебя и привилегия па выбор, право рыться в строевых записках. Нужны ведь специалисты и в полки, батальоны, на корабли, в авиацию. Ты сам понимаешь — нужны. Оттого и получалось, что землянку-класс при каждом новом наборе заполняли больше мальчишки и девчонки — вчерашние школьники, комсомольцы.

В школе — диктант, в школе — алгебра, в школе радиоделу не учат. Вот и начинай с азов, с самой малости: «Электрическое поле, ребята, это... А магнитное... Колебания... Маятник часовой представьте... Так... А радиоволны — это...» И не для общего образования, не для радистской эрудиции, а чтобы ясно представляли себе работу рации, хорошо разбирались в ее принципиальной и монтажной схеме. Сломается «Северок» — в лесу ремонтных мастерских не найдешь, сам чини, определи, почему передатчик, скажем, работает, а приемник молчит.

Инструкторы Лесной школы плакаты рисовали, без устали мелом черные доски исчерчивали. Четыре месяца каких-то на весь «университет», а та вон, с косичками, на заднем столе, хоть убей, не поймет, как лампа работает электронная, а тому парню, что с краю, длиннющему, хоть плачь, не даются радиосхемы.

Но самое трудное наступало, когда зуммер в классе пищал, когда уроки морзянки начинались — по десять, по двенадцать часов в день.

Стромилову нравилось упрямое спокойствие Безмана. С таким характером глухого в радисты-слухачи выведешь. «Вы слушайте, — не уставал твердить инструктор, — слушайте, товарищи курсанты, это ж музыка, не старайтесь точки и тире записывать на бумаге, сразу переводите их в буквы и цифры».

Кто-то из инструкторов придумал словесные подобию, звуковые образы для некоторых знаков. Чтобы лучше запомнилась, допустим, двойка, ведущий занятие напевал: «Я на го-ор-ку-у шла-а». И когда он спрашивал, из скольких точек и тире состоит «пропетая» цифра, курсантская группа хором отвечала: «Из двух точек и трех тире».

Семерке соответствовало: «Да-а-й, да-а-ай по-ку-рить». Буква «ф» звучала как «те-тя Ка-а-тя». Смешно, но сразу запоминалось. Да и не уставали ребята после таких уроков. После — в классах, в столовой — долго слышались их звонкие голоса, распевавшие эти «песенки».

И зуммер пищит и пищит, час за часом. А потом, на какой-то там день, та, с косичками, с заднего стола, подскочит и радостно, прижимая ладонями наушники, вскрикнет: «Ой, товарищи, и вправду музыка, чистая музыка!»

Значит, все, значит, одной радисткой станет больше. Если, разумеется, дальше учить. Без устали, спокойно и упрямо, как Безман. Дальше — это скорость приема и передачи на ключе надо наращивать, и осторожно, чтобы не сбить, не скомкать в кашу беспорядочного писка приобретенный ранее навык. И чтобы поняли курсанты: их не для соревнований готовят. Скорость передачи — это тоже оружие разведчика, в эфире его караулят, целятся радиопеленгаторами, вот и успеешь проскочить, пока не легли на карты смертельными трассами абверовские засечки и в их пересечении ты, радист. Скорость — это оружие, потому что твоего сообщения могут ждать сутки, недели, и от него будет многое, очень многое зависеть. Скорость — это оружие, потому что не в классе, не здесь тебе, радисту-разведчику, работать, а где-нибудь в лесу, в заброшенном сарае, на чердаке. Нечего расслаживаться, отстучи свое и сматывайся, потому что через пять минут, через полчаса нагрянет облава, и тогда не укоризненные слова инструктора услышишь, а «Хенде хох!» и тупой ствол шмайсера нацелится на тебя...

Их не пугали, курсантов. От них просто ничего не скрывали, готовили к самому трудному. И ребятки понимали, старались вовсю, делом доказывали, что не зря писали в заявлениях: «Готов выполнить любые задания партии и Родины».

Но готов или не готов — это инструкторы определяют, а в довершение всего, окончательно, он, Строилов. А пока — испортили тебе рацию, нарочно испортили, и ты, курсант, ищи неисправность, соедини батарейку с наушниками, пробник, стало быть, получится, и прощупывая шаг за шагом узлы схемы, переставляй проводнички, пока не найдешь участок, где наушники на ток батарейки перестанут отзываться, — тут и обрыв. А потом доставай из сумки, где запчасти, паяльник и ремонтируй. Объясняли ведь — в лесу радиомастерских нет.

Вообще-то «Север» — рация куда как надежная. Это тоже говорили, но в боевой обстановке всякое может произойти. Строилов с инструкторами у каждого, кто с задания возвращался, детально выясняли, какие были отказы, сводили случавшиеся неисправности в таблицы, классифицировали. Сколько с заводскими инженерами улучшений в станцию внесли! И уж если потом бывали поломки да отказы, так их никак конструкторам да технологам не преодолеть. Ну, скажем, чрезвычайно неудачное приземление парашютиста, удар, какого никакая радиоаппаратура не выдержит.

Только подобное — редкость, уникальный, можно сказать, случай. Чаше если что и случалось, так по вине радиста. Разволнуется в самостоятельном положении да и подключит батареи анода на накал, ну а лампы, естественно, и сгорят. Вот почему в Лесной школе массу внимания уделяли практике работы с рацией. И не только в классе, главным образом — на местности.

Уходили курсанты в чащу, километра за два, и задание им было, помимо того, чтобы все подключения правильно сделать, целый сеанс связи, как доподлинный, провести.

А тут своя академия. Ведь для того чтобы сообщения передать, надо вызвать своего корреспондента, то есть передать его позывные, а потом — свои, чтобы он знал, кто его вызывает, да еще убедиться, что тебя достаточно хорошо слышат на той волне, на которой ведешь передачу. Здесь без вопросов и ответов не обойдешься. А чтобы разговор этот технический был покороче, поэкономней существует у радистов всего мира целая система сокращений нужных им слов и фраз, например, Q — код. Скажем, нужно выяснить, хорошо ли разбирает корреспондент твои сигналы, так по коду требуется передать всего три буквы: QRK и знак вопроса. «Имеете ли вы что-нибудь для меня?» — QRU? И так далее. Инструкторы здорово курсантов кодом мучали, но это нужно было, очень нужно, чтобы спешно, оперативно могли они с Центром налаживать уверенную, добротную связь.

Кроме кода, учили условным сокращениям, тоже принятым в международной практике, — их порой радиожаргоном называют. Тут тоже несколькими буквами можно многое выразить. «Подождите» — AS, «до свидания» — GB, «передавайте» — K, «наилучшие пожелания» — 73, даже «пошел к черту» есть: 99.

Конечно, для передачи разведывательной информации ни код, ни условные сокращения не годятся. На то особый шифр составляется — с цифровым текстом, его никому, кроме посвященных, не разобрать. А то, что перед ним идет — по коду и радиожаргону, — секрета не представляет: кто-то кого-то вызывает, добивается отличной слышимости. Так абсолютно все станции на свете переговариваются, и немецкие в том числе. И радист-разведчик ничем среди них не должен выделяться. Абсолютно ничем.

Ах, сколько сил, сколько настойчивости нужно было, чтобы курсанты все это освоили в считанные месяцы! Какой радостью светились их глаза, когда они демонстрировали своим учителям четкую, умелую работу. Но хорошо ли понимали они, мальчишки и девчонки-добровольцы, что даже при самом их идеальном профессиональном поведении в тылу врага каждый «Север» — лишь малюсенькое, такое же, как он сам, звеньишко в сложной системе радиосвязи с партизанскими подразделениями? Чего бы стоили эти радиостанции без другого звена — мощного радиоузла, принимавшего сигналы из-за линии фронта, радиоузла со всем его сложным хозяйством, людьми, графиками дежурств, расписаниями радиосвязей? Впрочем, зачем им знать, все до топкости понимать, им — радистам с автоматами па груди, у них своих забот хватит. На то есть отдел Миронова, теперь уже полковника Миронова, есть товарищи из Ленинградского штаба партизанского движения, коим положено за всем следить, все знать, всего добиваться...

Стромилов усмехнулся. Понял, что, начав в мыслях с радистов-разведчиков, добрался наконец и до своей работы и это заставляло взглянуть со стороны на себя, проверить на досуге, так ли все им делалось и хорошо ли. И, подумав так, он почувствовал волнение, радость и тревогу одновременно — то, что всегда испытывают люди, знающие свое дело и постоянно, всей душой болеющие за него.

Скованно, мелкими движениями завозился в кабине, пытаюсь хоть немного распрямить затекшие ноги, выглянул за борт и повертел головой, но по-прежнему ничего не увидел, кроме темноты внизу, под самолетом, и слегка вогнутой, черной кромки крыла на фоне слабо сереющего небосвода.

«Да,— сказал он себе, — если считать главной победой отлаженное производство «Северов» и подготовку радистов для них, то следующим по значению шагом был радиоузел».

И то ли от недостатка зрительных впечатлений в ночном полете, то ли от того, что самолет с каждой минутой уносил его все дальше от Ленинграда, от привычных дел, от товарищей по работе, блокаде, войне, он вдруг, будто бы на киноэкране, увидел двухэтажный, красного кирпича особнячок на Старопарголовском проспекте.

Особнячок мало выделялся среди соседних домов. Ограда ли тому причиной — густая, чугунная, деревья ли за ней, но прохожий вряд ли бы вывел по наружности кирпичного фасада, что за ним происходит. Разве что антенны над железной кровлей да землянки во дворе укажут, что тут не жильцы, а солдаты хозяйничают. Укажут — и что? Мало ли во фронтовом Ленинграде войсковых частей!

Стромилова радовала неприметность дома на Старопарголовском, он всякий раз, приходя сюда, отмечал это с удовольствием и чуть замедлял шаг возле ворот, взглядом ощупывая стальные тросики, перечеркивающие то чистую небесную синь, то низкие, хмурые облака, — смотря по погоде. И всегда спрашивал себя: что там идет сейчас через них — через антенны?

То, что партизанские отряды имеют радиостанции, — еще не радость. Не скажешь: вот вам и связь. Связь-то требовалась не какая-нибудь, а надежная, когда сигналы, посылаемые издалека «Северами», хорошо слышны и разборчивы. А «Север» имеет в сущности микроскопическую мощность даже при свежих батареях. К тому же следовало учитывать, что радистам часто приходится работать с низко расположенными антеннами, из леса, из помещений, отчего уровень сигналов, принимаемых на узле, еще более снижался.

Вот и крутились, решали тогда, в 41-м, когда начинали, как обойти все эти сложности. В первую очередь надо было расположить радиоузел в районе города, где слабее всего индустриальные помехи, а приемники — собственные, радиоузеловские — отдалить на достаточное расстояние от своих же передатчиков. Позаботились, чтобы и агрегаты зарядки аккумуляторов, другое оборудование также не стали бы источником помех. Известный выигрыш в уровне принимаемых сигналов дали простые направленные антенны, ориентированные на корреспондентов радиоузла — находящихся во вражеском тылу радистов. Ну и, конечно, прием вели на чувствительные и избирательные профессиональные приемники...

Если погода была теплая, во дворе особнячка тянуло махоркой. На скамейках, «покоем» стоящих возле врытой в землю бочки с водой, сидели свободные от вахты радисты, покуривали. Стромиллов тоже обычно присаживался, спрашивал у старшины Вошанова или еще у кого: «Ну, как?»

Вопрос этот встречал один и тот же ответ: «Порядок», но для вопрошающего Стромиллова имел разное содержание, которого собеседники, конечно, не могли уловить. Если приходил он на радиоузел, только что вернувшись из Лесной школы, еще полный ее заботами, то от радистов, дежуривших на узле, ему хотелось узнать, как ведут себя в тылу бывшие курсанты, как держат связь; если же шел с завода, еще чувствуя себя военпредом, то интересовался техникой, как, мол, она работает, а если путь держал из партизанского штаба или мионовского отдела, то в вопросе его главным было качество работы самого узла и радистов, па короткое время собравшихся в курилке или продолжавших дежурство.

Подбор людей, которым предстояло держать связь с «Северами», Миронов и Шатунов, начальник отдела связи Ленинградского штаба партизанского движения, считали делом первостепенной важности. И были абсолютно правы. Лишь виртуозы способны обнаружить далекого корреспондента на фоне порой сильнейших атмосферных Помех. И не только обнаружить, но и принять от него на хорошей скорости информацию, подтвердить прием, да еще провести сеанс связи в минимальное время, памятуя, что «Север», с которым шел разговор, питается не от сети, не от передвижной электростанции, а от быстро истощающихся сухих батарей и запас их у радиста-разведчика невелик, а трудности его пополнения громадны. И таких сеансов надо провести восемь-десять за долгую и утомительную двенадцатичасовую вахту. Поэтому-то на радиоузел отбирали лучших из лучших, и, прежде чем принять окончательное решение, им устраивали жесткий практический экзамен.

Только и виртуозом узловому радисту быть мало, надо еще характер иметь ласковый, что ли, выдержку, настойчивость.

Сколько раз, бывало, кончит паренек Лесную школу превосходно, а начнет первый самостоятельный сеанс связи и разволнуется, вместо приветствия жаргоном сыплет «GB» — «до свидания». Тут вот и требуется доброе напутствие с узла, поправка короткая, что-де рано еще прощаться.

Или, скажем, спешит разведчик, комкает сигналы. Если радист на узле пойдет у него на поводу, так сеанс и вовсе может не состояться, не разберут потом ничего шифровальщики. Вот и выстукивали не торопясь, подавая пример: «работай медленнее». И тот, за линией фронта, глядишь, успокаивается, в себя приходит, приятного топа сигналы «Севера» идут дальше ровно, будто парень или девушка в землянке-классе Лесной школы тренируется. Так вот, с помощью работавших на узле, партизаны-радисты росли профессионально от сеанса к сеансу.

А возвратятся в Ленинград на побывку, первый же вопрос: «Кто со мной работал?» Раньше-то ведь не знали ни в лицо, ни по фамилии. Узловой радист — и все. Встреч искали, и уж если найдут, обязательно расцелуют нового друга боевого. «Эх, кабы не дисциплина,— скажет радист,— я бы оттуда, из немецкого тыла, открытым текстом благодарность послал. Не понять вам здесь, в Ленинграде, что для нас олимпийское спокойствие на узла означает.

Спокойствие и еще советы. С волной возишься, возишься, не подберешь, а вы тотчас и укажете наиболее выгодную, и хорошо сеанс пройдет, а потом уж и сам маракуешь, учишься, ума набираешься...»

Впрочем, наиболее выгодные волны для работы — это по части самого Стромилова, его дело — составлять так называемые радиоданные, своего рода расписание связи. Тут, собственно, закладывалась основа бесперебойного приема сообщений из-за линии фронта.

Тысяча достоинств есть у коротких волн, на которых работают «Северы», и один крупный недостаток. Короткая волна, как известно, прежде чем попасть по назначению, должна отразиться от ионизированного слоя в атмосфере. Высоко слой — она в одно место угодит, низко — к другое. Поэтому при заданном расстоянии от радиостанции до узла не на каждой и можно передачу вести. А слой ионизации своенравен, то опускается, то поднимается, в зависимости от времени года и суток разная у него высота. Иметь бы прогнозы солидного научного учреждения, да по ним выбирать наилучшие волны для связи! Где-то они есть, наверное, такие прогнозы. Где-то, только не у Стромилова, в осажденном Ленинграде. Вот и приходится опытом, чутьем радиолюбителя восполнять неведомое, назначать волны для работы в то или другое время, на такие-то и такие-то расстояния.

Каждому партизанскому отряду устанавливали два твердых ежесуточных срока связи. И волны, согласно составленным Стромиловым «радиоданным». На них и обеспечивался — опыт показывал, что неплохо, в общем, обеспечивался — прием донесений и передача оперативных заданий штаба. В экстренных случаях партизанские радисты могли связаться с узлом на специальной, ее называли аварийной, волне. На такие волны особые приемники радиоузла были настроены круглосуточно и возле них постоянно дежурили радисты — лучшие из лучших. Только так и удавалось одному узлу обслуживать десятки «Северов», непрерывно действующих во вражеском тылу, и с их помощью руководить действиями тысяч партизан.

...Мысли Стромилова оборвались, потому что самолет вдруг покачнулся. Крен нарастал. Впереди, за косо опавшим краем кабины, светились три желто-красные точки.

Казалось, что самолет застыл, остановился в воздухе, а они, эти горящие точки, движутся одновременно и навстречу и куда-то вбок, словно бы избегая столкновения. Но потом боковое движение прекратилось, точки стали приближаться, и вскоре уже можно было различить, что это костры, посадочные костры на партизанском аэродроме.

Мотор оборвал на секунду свою монотонную песню, выстрелил несколько раз сквозь патрубки и снова запел. Уже тише, с убраным газом. Нос самолета наклонился, целясь между костров, и по тому, как короток был спуск, Стромилов с удивлением ощутил, сколь невелика была вся прежняя высота полета, и в самом деле, как он предполагал, над верхушками деревьев.

«Черти пилоты, — снова подумал он, чувствуя прилив сильной и благодарной радости, — действительно как к себе домой наловчились летать!»

Где-то внизу, под полом кабины, лыжи упруго коснулись наста. Снежная пыль, поднятая пропеллером, густо полетела в лицо, но сквозь нее ярко виднелись большое, смело пылающие костры.

К самолету бежали люди.

В первую секунду, после легко, мгновенно ушедшего сна, Стромилов не понял, где находится. Над головой ровно стлался дощатый потолок, с правого бока — бревенчатая стена, а слева, в метре всего — беленый бок русской печи. Было тепло, от чего он так отвык в Ленинграде. Тепло не от полушубка, натянутого до подбородка, а от разлитого вокруг дыхания этой огромной, занимающей, наверное, половину избы печки.

— Ты бы подмел, парень!

Голос был мужской, человека в летах, и Стромилов понял, что от этого голоса он и проснулся, только не уловил, что говорилось раньше. Самого человека не было видно, его

закрывала перегородка, а в дверь, вернее, в проход между перегородкой и печью, виднелось только замороженное оконце да стол, на котором стоял черный от копоти чайник.

— Слышь, подмети, парень, — настаивал все тот же голос. — Инспектор приехал, а ты сидишь. Он те задаст!

— Задаст! — отозвался голос помоложе. — Я кому хош могу сто очков. У меня ажур!

— Инспектор найдет, чего у тебя. На то его из самого Ленинграда привезли, чтоб любого насквозь расколос. Увидишь!

— Еще посмотрим.

Стромилов улыбнулся. Ему понравилась уверенность молодого, и он понял, что тот, раз его пугали «инспектором», — радист. И вообще Стромилова, приезжего, скорее всего, поселили у радистов, ведь он по их части прибыл. Ночью в избе слабо горела коптилка. Стромилов не разглядел, что тут и как. Да и спать хотелось смертельно, продрог он сильно за рисковый, хотя и недолгий полет. Ну что ж, раз у радистов — это хорошо, ближе к делу.

Он быстро оделся, застелил постель и, пригибаясь, чтобы не удариться о косяк, вышел из-за перегородки.

Те двое, давеча говорившие, поднялись с лавок, поздоровались. И тотчас хлопнула дверь, вошла молодая женщина, закутанная до глаз в полушалок. С нею в избу ворвался радостно-свежий морозный воздух, и сама она, быстрая в движениях, как бы разливала вокруг себя доброе настроение. Тоже поздоровалась с гостем, не тратя времени, загрохотала чайником на шестке.

Стромилов огляделся. Вот это да! Молодой парень был прав, хвастаясь: здесь, в просторной пятистенке, располагался хоть и маленький, но настоящий радиоузел!

Кроме обычного, как водится, стола в красном углу, стоял в избе еще один, длинный, видно, специально сколоченный. На нем аккуратно располагались три «Севера» с удобно укрепленными телеграфными ключами, с отдельными источниками питания. Радиостанции (и, чувствовалось, антенны) находились друг от друга на расстоянии, не избавлявшем их при одновременной работе от взаимных помех. Но главное — то, что станций было несколько, позволяло радисту, как тотчас понял Стромилов, работать, используя сразу две рации — одну в виде приемника, другую как передатчик. В противном ведь случае надо было, передав сообщение, переключать радиостанцию на прием, а потом снова на передачу, и так все время, пока ведешь сеанс. Такова была «плата» за крохотные размеры «Севера», за его портативность, достигавшуюся за счет совмещения многих деталей в схеме передатчика и приемника. Третью радиостанцию, когда две другие работали «по-узловому», можно было использовать параллельно, вести на ней наблюдение за эфиром.

Стромилов подметил и стопку тетрадок — аппаратных журналов и тщательно, даже красиво, выполненные выводы антенн и радиостанций, уходившие сквозь раму окна наружу, а подальше, в углу — еще один стол, точнее, верстак, и на нем — тисочки, паяльник, коробочки с канифолью, винтиками, гаечками, сопротивлениями — всем тем, чем быстро разживаются люди, знающие толк в радиоделе и любящие его. Была тут даже пластмассовая коробка немецкого полевого телефона, и провод от нее черно змеился наружу, в другую, скорее всего, штабную избу.

Молодой парень угадал, видно, что Стромилов доволен, и, сдернув кубанку с красной партизанской ленточкой, победно посмотрел на пожилого. И тот — бородатый, в телогрейке, в больших, ладно подшитых валенках — покорно пожал плечами, как бы говоря: ты, конечно, в своем хозяйстве больше понимаешь, только ведь я по дружбе намекал, для порядку.

Он и оказался, пожилой, из бойцов стрелкового взвода, его прислали проводить Стромилова к начальству. А молодой был точно — радист. Позже, за чаем, обжигаясь краем металлической кружки, он рассказывал Стромилову, как выискивал и для аппаратуры свободную, нежилую избу, как размещали все, налаживали и как славно теперь трудиться. Потом появился серьезный, похожий на молодого колхозного агронома, брюнет лет

двадцати пяти — начальник связи Лева Миронов, и разговор принял деловой характер, лишь время от времени прерываясь, к слову, общими картинками партизанского житья-бытья.

Говорили весело. Стромилов и потом не раз отмечал про себя, что партизаны все, как один, улыбчивы, словно бы все время демонстрируют бодрое состояние духа; даже ругаются они так весело, что невзгоды, которые они клянут и которых у них предостаточно, кажутся довольно безобидными, во всяком случае преодолимыми если не завтра, так через месяц, не более.

Радиоузел, в котором Стромилов провел свою первую ночь за линией фронта, не был, разумеется, правилом и партизанском быту. И в то же время в изыском спокойно просторном расположении трех раций — раций, которым по самой их конструктивной идее полагалось скрытно находиться в лесу или где-нибудь в сарае, под соломой, нельзя было не видеть той силы, которую обрело к 1943 году партизанское движение в тылах группы немецких армий «Норд».

Партизаны держали под своим контролем большую территорию. В треугольнике железных дорог — Витебской, Варшавской и Новгород—Батецкая—Луга действовала 5-я партизанская бригада, гостем которой был Стромилов. Бригада восстановила Советскую власть в шести районах — Солецком, Уторгошском, Стругокрасненском, Батецком, Лужском и Плюсском. И уж если в каждой деревне тут имелся назначенный партизанами председатель сельсовета, то как не устроиться радистам с комфортом в отдельной избе, с тисочками и паяльниками? В известной мере это было наградой за лишения и трудности, которые они переносили вместе с другими бойцами народной армии, когда борьба с врагом в его тылу только зарождалась. Пройдут годы, и станет известен рассказ Героя Советского Союза Ивана Ивановича Сергунина о том, как создавалась 5-я Ленинградская партизанская бригада.

Ядром ее, прародителем явился партизанский отряд, возникший в июле 41-го года. В отряде насчитывалось 32 человека. Обосновались на берегу реки Ущи, что на границе Белоруссии и Калининской области. Отряд имел автомашины, на них и отправлялись на диверсии — нарушали коммуникации гитлеровцев.

Постепенно взрывчатка иссякла. Уничтожали предателей — полицейских и старост в деревнях, но считали эту боевую деятельность недостаточной, стремились нанести врагу больший урон. Тогда и решили: идти к фронту, связаться с разведкой Красной Армии, помогать ей в доставке «языков», а заодно и получить взрывчатку, чтобы снова наладить диверсионную работу.

В обход Великих Лук направились к Осташкову и там встретили 2-ю Особую партизанскую бригаду. Тогда, в ноябре 41-го в отряде насчитывалось уже около двухсот человек, имелось 12 пулеметов. Чтобы пополнить боеприпасы, отряду разрешили войти в прифронтовую полосу. Короткий отдых, и снова во вражеский тыл. Теперь — в партизанский край, возникший на территории трех районов — Дедовичевского, Поддорского и Белебелковского. Партизаны чувствовали себя свободно в своем краю, ездили на лошадях. Эта территория была, по существу, передовой позицией нашей армии.

Летом гитлеровцы бросили целые две дивизии, чтобы уничтожить, задушить партизанский край. Два с лишним месяца, до сентября, вели народные мстители бои с карателями. Все же пришлось уходить. Последними край покидал отряд, в котором был И. И. Сергунин. В задачу отряда входило запутать гитлеровцев, помешать устроить погоню за партизанами, отходившими на Псковщину.

Долго водили немцев по болотам. Наконец отдали последнюю деревню — Татинец и через Псковский и Порховский районы вышли к Радиловскому озеру.

Трудный был это путь. Есть нечего — питались травой, капустой с огородов. Люди умирали от истощения. К тому да еще фронт стабилизировался, враг имел возможность отправить часть своих войск на отдых, все деревни, мимо которых шли партизаны, оказались занятыми гитлеровцами. Но все равно нападали на гарнизоны, хоть чуть-чуть пополняли необходимые запасы.

В октябре прилетел к партизанам самолет с Большой земли. Сбросил взрывчатку, боеприпасы. От Ленинградского штаба партизанского движения получили разрешение выйти в район Пскова, где можно было действовать увереннее. Начали трепать фашистов по всей округе, создали сеть своих людей — информаторов.

Самым крупным делом в это время был разгром большого гарнизона — школы по борьбе с партизанами в деревне Махновка. В операции участвовало три отряда, более 600 человек. Занимались и диверсиями на железных дорогах, подрывали немецкие эшелоны, направлявшиеся к фронту.

В феврале 1943 года пришел приказ штаба партизанского движения о создании 5-й партизанской бригады. Командиром ее стал К. Д. Карицкий, комиссаром — И. И. Сергунин.

В июле немцы начали новое наступление на партизан. Сняли все гарнизоны, рассредоточили их. Партизаны же решили как можно полнее привлечь на свою сторону население, поднять деревни на совместную борьбу. И тогда обратились к истории Коммунистической партии, стали изучать, искать факторы вооруженного восстания. Главным считали — дать народу возможность почувствовать свою силу, помочь понять, что немецко-фашистские оккупанты рано или поздно будут разбиты.

Партизаны уничтожали предателей в деревнях, создавали там свои чрезвычайные тройки, отряды самообороны. Повсюду возникали партизанские госпитали с нужным медперсоналом, мастерские, где шили одежду, обувь.

Люди валом пошли в отряды. Сначала партизан собралось до трех тысяч, потом стало еще больше. Всего в бригаде было до 38 отрядов, из них местных 18—20...

Конечно, Стромилов, недавно прибывший в 5-ю бригаду, не мог сразу узнать все эти подробности ее создания, боевой деятельности. Но много интересного ему открылось на бригадном радиоузле, как только он качал листоват аппаратные журналы. Начальник связи Лева Миронов тоже поглядывал из-за плеча на густо исписанные страницы, горделиво пояснял:

— Из Центра часто приказывают: «На столько-то суток задержать движение на такой-то железной дороге. Нарушить связь... Взорвать рельсы...» А вон радиogramмы с докладами к вам, в Ленинград. Все выполнено... В таких случаях направляют два-три полка в районы. Они перекрывают дороги, подрывают полотно, а местные отряды подпиливают столбы, разрушают мосты, устраивают завалы...

Чертовски хотелось увидеть все это собственными глазами, слиться с партизанской средой, нутром почувствовать важность и серьезность той работы, которой он, Стромилов, его начальники и товарищи занимались уже два с лишним года. Без радио трудно, просто немыслимо представить жизнь и боевую деятельность пятой и всех других партизанских бригад. И не только потому, что через эфир шло руководство действиями отрядов, что только переданные по радио, незамедлительно имели смысл многие добытые партизанами разведанные. По радио «заказывали» самолеты, взрывчатку, оружие, радио приносило с Большой земли сводки Совинформбюро, помогало бороться на оккупированной территории с лживой информацией врага. И надо было, чтобы с каждым днем радиосвязь работала все надежней. Вот зачем здесь, в немецком тылу, Стромилов.

Надо встретиться с партизанскими радистами. Побеседовать по душам, понять их настроение перед решающими боями. Не из скупых донесений представить, а самому увидеть условия, в которых живут и работают они, с какими трудностями встречаются. И, если нужно и можно, помочь. Сразу на месте или по возвращении в Ленинград. Следовало также самому, как специалисту, в совершенно реальных условиях, а не приближенных к боевым, проверить и оценить всю сложную систему связи через линию фронта, которую отрабатывали на протяжении двух лет большие коллективы под руководством Миронова и Шатунова, коллективы, членом которых был и он, Стромилов.

Особая забота о «Севере». Как сделать его лучше, еще надежней? Тут нужен разговор с людьми, опыт работы которых на рации приближался к опыту самого Стромилова — почти

два года. И обязательно следует самому поработать на радиостанции из расположения бригады — это даст более острое восприятие недостатков «Севера», позволит лучше оценить его достоинства. Но самое важное — найти недостатки, ибо в устранении их — залог Улучшения связи.

Ну и, наконец, ленинградский радиоузел. Как он слышен тут, в партизанских местах? Точно ли является на связь? Все ли радисты работают оперативно? Про это опять-таки ничего не скажешь, не установив, так сказать, собственноручно несколько связей с узлом...

Стромилов ездил по отрядам, часами наблюдал, как действуют те, для кого условия бригадного узла лишь мечта. Их радики не в избах — в землянках с дымными печками, в шалашах из еловых веток, па заснеженных опушках...

Работал на «Севере» и сам. Сколько раз в жизни выходил он в эфир? Не считал. Должно быть, тысячи раз. Ничего особенного: называй позывные — свой и кого вызываешь, добивайся наилучшей слышимости и сыпь радиogramму. Но тут, в партизанах, все по-другому, все по-особенному.

Тебя ведут тайными тропами в лесной лагерь, и ты понимаешь, почему тропы тайные — над головой кружит немецкий самолет-разведчик, высматривает. Ты покорно предъявляешь документы и понимаешь, отчего так недоверчив взор часового. И землянки в чащобе еле различишь, даже стоя возле них. А потом садишься к радики, берешься за ключ — для дела садишься, важное сообщение передать, и трудно отделаться тебе от чувства, будто ты на весь мир, вопреки партизанской тайне и конспирации, объявляешь, где эти землянки и какие тропы к ним ведут... Или еще сравнение: словно бы ты стоили. один-одинешенек посреди поля и тебя отовсюду видно, и кто захочет, может выстрелить и попасть. Дурацкое чувство полной незащитности, и ты его сам вызываешь, нажимая на покорно кланяющийся под рукой ключ радики.

Теперь он до конца понял ощущение выпускников Лесной радиошколы, когда им не в классе, а в немецком тылу приходилось приниматься за дело. И еще раз мысленно поблагодарил радистов с узла, выдержкой и спокойствием своим помогавших партизанским «северщикам» побыстрее освоиться, обрести радистскую смелость, уверенность.

Стали ясны и «мелочи», о которых никогда не говорили мужественные разведчики, возвращающиеся через фронт па побывку. Как трудно, например, настроить радику замерзшими руками, как долго они согревали дыханием пальцы, прежде чем брались налаживать связь.

Собственные наблюдения, подробные беседы с теми, кто отсюда, из леса, держал связь с Центром, давали Стромилову богатый материал для выводов. Еще в Ленинграде ему было известно, что дневные сеансы связи проходят хорошо, а ночью — с большим трудом. Это потому, что частоты, на которых работал «Север», позволяли легко избрать наилучшие по условиям связи волны для дневной передачи и приема. Ночью же, чтобы выбрать в имеющемся у радики диапазоне наилучшие волны, приходилось основательно попотеть, и часто безрезультатно.

Да, все шло к тому, о чем уже поговаривали и на заводе, и на узле, и в штабе: нужен улучшенный вариант радиостанции, и среди других вносимых в него улучшений требуется еще раз, как это уже делалось, изменить диапазон частот, на которых можно вести прием и передачу.

Было и еще важное соображение, которым Стромилов собирался поделиться с Шатуновым. О том, чтобы тщательнее инструктировать не только радистов, но и партизанских командиров о порядке использования плановых сеансов связи и аварийных волн. Еще летом он докладывал о нарушениях принятого порядка связи, изложил свои соображения, как их избежать. Принятые Шатуновым меры улучшили работу радиосети. Но гайки, известно, со временем подкручивать надо. Новые и новые молодые радисты уходят в тыл, да не все хорошо понимают, что аварийные волны существуют действительно для аварийных случаев.

Стромилову один такой встретился. Не ладилось у него дело в основной срок и вдруг спокойненько так объявляет:

— Ничего, сейчас на аварийной волне попробую.

Пришлось объяснять, что это будет ЧП. Займешь беспечно узкую эфирную тропку в Центр, а она, глядишь, другому нужна, в самом деле по-экстренному. В фашистском тылу не один радист со своим «Севером», и отряд его не один, и как есть целое партизанское движение, так есть и система связи. Система должна работать четко.

А вообще покидал Стромилов бригаду довольный. Все, чем он занимался до сих пор, сотни разнообразных дел и забот слились воедино — и завод, и радиоузел, и Лесная школа. Хотелось поскорее добраться в Ленинград, поделиться с товарищами увиденным, порадовать их тем, чему радовался сам, — «Северкам» в лесных землянках, радиоузлу в просторной избе-пятистенке.

Странно — ему попался тот же летчик, что вез его тогда, темной ночью. И, забираясь в кабину, Стромилов, Подшучивая, сказал:

— Ну, потерплю малость, и доедем.

Летчик понял, рассмеялся:

— Если не остановят!

— Нет,— сказал Стромилов,— не остановят!

Но он имел в виду не самолет, не пилота, не себя. Он думал о линии фронта, через которую они сейчас полетят, о том, что скоро и здесь, под Ленинградом, она двинется на запад и будет идти, наступать все дальше и дальше.

ДЕВЯТЬСОТ ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

...А где-то внутри него, замерзшего, в дым усталого существа, жила одна непонятная радость: он твердо знал, что выдержит. И он выдержал.

Николай Тихонов

— Иван Николаевич, газетку новую видели? Знатная! — мастер Цветков семафором выбросил руку, показывая на новую, только что вывешенную стенгазету. — Молодежь разрисовала. Картина! Под статью светлomu празднику.

Ливенцов подошел быстрым шагом. Заголовки, точно, яркого цвета, буквы большие: «Конец блокаде!», «Слава тебе, родная Красная Армия!» Потом чуть помельче, не так красочно: «Фронтовые заказы января 1944 года — досрочно!», «Привет фронтовым комсомольско-молодежным бригадам В. Ольховской и Н. Егоровой, выполняющим полторы нормы».

«А как в других цехах? — подумал Ливенцов, пробегая заметку, выведенную аккуратным школьным, будто под диктовку, почерком. — Давно не интересовался стенгазетами. Это важно — стенгазеты. — И тут же останови! себя, усмехнулся: — Крепка привычка парткомовская — год уже прошел, а дела общественные, вот такие, по-прежнему магнитом тянут».

Почти год как он уж не секретарь парткома, стал директором завода. Произошло это вскоре после постановления правительства о восстановлении завода на полную мощность. Посчитали, что лучшего руководителя, чем Ливенцов, не сыскать: знаток производства и отличный организатор, авторитету позавидуешь, всех знает и все знают его, любят. Ему и честь выпала при всем народе принимать переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона — несмотря на блокаду, коллектив, изготавливавший радиостанции

«Север», победил во всесоюзном соревновании! Неплохое начало было на новой должности — всего несколько недель директорствовал. Но словно бы и указание, что теперь у него, Ливенцова, иные заботы, иные дела. На стенгазеты времени не хватит, это пусть теперь Социлин заботится, бывший инструктор райкома, а ныне секретарь парткома завода.

«Пусть он... — подумал Ливенцов, — только вот самому по-прежнему охота во все людские заботы вникнуть. Привычка, тянет...»

Цветков смотрел искоса, ждал, когда директор с заметкой ознакомится, да не выдержал, сам вслух прочел:

— «Ребята из бригады имени Зои Космодемьянской обязуются...» Вот здесь, здесь смотрите, — опять помолчал и громко, чтобы понятней было за гулом станков, отметил: — Просьбишка есть, товарищ директор, воспользуюсь вашим присутствием. Нельзя ли смене перерыв сделать на полчаса, помимо графика?

— А ведь верно! — понятливо обернулся Ливенцов. — Обязательно нужен перерыв. Очень приятно, Николай Дмитриевич, что именно вы и ходатай по такому вопросу.

— Ладно уж, — с притворным недовольством отозвался Цветков, — дело прошлое. Исправили.

Прошрое не прошрое, а было. Критиковал Цветков полгода назад администрацию за послабления в трудовой дисциплине. Взволновали его пять прогулов па всем заводе за квартал. Стучал кулаком: пятно, мол, на коллектив. «Моральные дистрофики!» — так он назвал прогульщиков.

Простая истина. А вот если высказана она человеком с чистой совестью, особый вес у нее. Дядя Коля — пример каждому, особенно молодым, которым отданы все его силы, умение, многолетний опыт. Один вид его заставляет подтягиваться — в халате, рабочей кепке на седых волосах, серьезное лицо.

— Я поговорю еще в парткоме. Про перерыв, — сказал Ливенцов. — Покрасивее организовать надо.

— Вот именно, покрасивее!

Они пошли вместе по цеху и заговорили о другом, стали искать место для новых станков. Давно вернули со станции остатки не отправленного с восьмым эшелонм оборудования, но с тех пор, как получено новое правительственное задание на «Северки», программа растет из месяца в месяц. И уж давно самой большой заботой стало помощнее делать цехи, готовить рабочие кадры.

В половине восьмого остановился производственный конвейер. Вечерняя смена высыпала на заводской двор. Там, на просторе, перекатывалось эхо дикторского голоса — по радио передавали приказ войскам Ленинградского фронта:

«Товарищи красноармейцы... Моряки Краснознаменного Балтийского Флота! Трудящиеся города Ленина!

...В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

27 января 1944 года в 20 часов город Ленина салютуют доблестным войскам Ленинградского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий...

Слава воинам Ленинградского фронта!

Слава трудящимся города Ленина!

Вечная слава героям, павшим в борьбе за город Ленина, за свободу и независимость нашей Родины...»

Цветков согласно кивал головой в такт словам, вылетающим из репродуктора, как бы подтверждая подлинность их. Диктор назвал тех, кто подписал приказ: «...Командующий генерал армии Л. Говоров, член Военного совета генерал-лейтенант А. Жданов, член Военного совета генерал-лейтенант А. Кузнецов...»

— Дядя Коля-я! Сюда поднима-ай-тесь. Здесь вид-не-е-е!

Цветков посмотрел вверх, откуда звали. Оказывается, с крыши. Там уж, видать, не один его ученик. Отругать, что ли, прикрикнуть на баловников? Не стоит. Правильно, туда и надо в такой час, на крышу! Не только ведь в цехах, там тоже боролись — на жарко нагретой солнцем и политой дождями, заметенной снегом и обледенелой крыше заводского корпуса. Сколько из 900 дней и ночей после трудных смен бойцы народной охраны стояли на боевой вахте, стерегли и тушили зажигалки? Десятки, сотни зажигательных бомб на их счету. А сегодня, в 901-й вечер, бомбежек давно уж нет, а теперь и артобстрелов не будет. Конец блокаде!

Над невскими набережными, над площадями и проспектами гремели залпы салюта. Сияли освещенные Исаакий, Адмиралтейство. Вечернее небо вбирало в себя гроздь разноцветных ракет, колеблющиеся лучи прожекторов, и казалось, вот-вот сбросит лиловую пелену, чтобы стать по-дневному светлым и ясным.

Цветков достал платок, вытер повлажневшие глаза. Вот тебе: не плакал даже в самые страшные дни, а тут — слезы. Это от радости, от радости тоже плачут — враг отступает, конец его близок. И от печали еще — слезы о близких, родных, погибших смертью мужественных и храбрых. Им бы взглянуть на такое, порадоваться... Да что там — они знали, что так будет, потому и на смерть шли, ради этой вот минуты.

Ему вдруг представилось, что рядом, тут же па крыше, и механик Захарчик, и токарь Гаврилов, и многие другие. «Они знали, — сказал он себе. — они знали. А эти — ребята мои — пойдут дальше».

Салютные всполохи отражались на бледном, умиротворенном лице Цветкова. Он смотрел на толпившихся вокруг учеников по-новому, как никогда еще не смотрел. Так смотрят отцы на детей, которые уже встали на ноги, за которых можно не беспокоиться. «Выдюжили и пойдут дальше, — подумал он. — Наше дело вечное».

Гулко ударил последний залп. Стало тихо-тихо. Морозный воздух будто остекленел, застыл в торжественном спокойствии. И так же торжественно прозвучали слова старого мастера:

— Ну, детки, нора. Перерыв кончился.

Опустела крыша, опустел двор. Конвейер в цехе сборки снова пришел в движение.

— Ну и задачку ты мне задал, — сказал Ливенцов Сочилину. — Мог бы и сам доклад сделать.

— Не-ет, товарищ директор. Собрание торжественное, самый главный и должен выступать.

— А время? Завтра же собрание. С новым бы оборудованием разобраться. Езжу, прошу, умоляю... Кстати, знаешь, из министерства намекнули: думайте потихоньку о переходе на мирную продукцию.

— Вот и хорошо, — подхватил Сочилин. — Анализ прошлого поможет тебе лучше увидеть будущее.

— Спасибо, философ, за гениальные мысли, — рассмеялся Ливенцов. — Только некуда мне их вставить. Тезисы доклада начал, и получается сплошное перечисление имен.

— Верно, о людях и надо говорить.

— Еще раз спасибо! Сам бы не догадался. Ну, бывай!

В своем кабинете Ливенцов разложил на столе записки и начал — в который раз! — перечитывать их. Потом взял пачку новых, чистых листков, стал дописывать. Он бесповоротно решил упомянуть в докладе всех — и кто был жив, и тех, кто уже не значился в кадровых списках завода.

«...Главный инженер Глеб Евгеньевич Апеллесов обучал разработчиков, лаборантов. Часто садился на рабочее место и настраивал «Север».

Инженер Владимир Яковлевич Аферов. Большой специалист. На упрощенном инструменте и приспособлениях организовал выпуск больших партий изделий.

Григорий Львович Штейнер — инструментальщик. В короткий срок оснастил «Север» инструментом. Научил многих второй профессии.

Рабочие, получившие в блокаду несколько специальностей: Николай Михайлович Курашев, Антонина Михайловна Алексеева, Михаил Александрович Слуцкий, Вера Ивановна Лепилова, Михаил Александрович Хантвангер, Виктор Дмитриевич Молодежников.

Начальник механического цеха Семен Иванович Манухин. Сам готовил станочников. Часто становился за станок и изготавливал детали.

Сборка многим обязана Валентину Владимировичу Витковскому. Уникальная голова. Разработчик и конструктор, лаборант и настройщик.

Через руки инженера Аркадия Зиновьевича Левенберга прошло множество «Северов». Настраивая их, он находил недостатки и предлагал улучшения схемы и конструкции.

Инженер Борис Алексеевич Штынкин совмещал две работы: инженера в лаборатории и регулировщика «Севера».

Энергетики: Николай Андреевич Козлов, Алексей Петрович Гордеев. Это они, когда отключили ток, создали собственную блокстанцию. Спасители.

Снабжение топливом возглавил Михаил Андреевич Мухин. На лесозаготовках проявили себя Николай Андреевич Козлов, Николай Андреевич Федоров, Константин Онуфриевич Романченко, Георгий Петрович Минкин.

А Валя Егорова и Рая Иванова сели за руль газогенераторных автомобилей; в непогоду, по плохим дорогам днем и ночью они возили дрова из леса...» И еще сотни имен.

А в культкомбинате завода тем временем шло торжество. В полном составе прямо с вечерней смены явилась комсомольско-молодежная бригада Виктора Молодежникова. И сразу в зал, где танцы, где играли баянисты.

Час прошел, другой, и опять собрались вместе, — усталость, верно, свое взяла. Расселись в уголке, на диване, на стульях. Виктор заметил в дверях главного инженера Апеллесова, встал, здороваясь, пригласил посидеть, поговорить. И ребята следом: просим! Они любили этого начитанного, интеллигентного человека, всем доступного, веселого. Обрадованные, теснились, освобождая место, шумели, — каждому хотелось оказаться поближе к главному инженеру.

А тот сразу, будто за тем и пришел, вытащил из папки какую-то схему — и бригадиру. На, дескать, обмозгуй на досуге. И был в этом жесте еще один смысл: как видишь, дело уже не военное, несекретное, думать будем над изделиями сугубо мирными.

Виктор, ставший за годы войны признанным мастером, славился и как новатор, любитель технических новинок. Тотчас уткнулся в схему, точно и не слышал шуток, смеха вокруг. Что-то прикидывал и наконец сказал Апеллесову такое, что определило весь дальнейший разговор:

— Эх, Глеб Евгеньевич, где тот ваш помощник Михалин? Его бы подключить. Куда он подевался?

— Борис Андреевич? — подхватил сосед бригадира. — Действительно, где он? Век этого человека не забуду... В сорок первом — я еще пацаном был — так, знаете, карточки потерял. Кому жаловаться? Родных, известно, у меня нет. За верстаком до того стало худо, что вот-вот, чувствую, упаду. И упал бы, не окажись рядом этот инженер Михалин. Что-то дал понюхать, заставил полежать. Кусочек от своей пайки отломил. И другие два дня, что до нового месяца оставались, хлебом делился. А ведь ходил опухшим...

И еще про Михалина — с другой стороны:

— А я его приметил, когда в конструкторскую забежал, сидит за чертежами, музыку по радио слушает. И так все время. Дело к нему однажды было, спрашиваю, а он как глухонемой. Даже обиделся. Но он извинился, сказал, что когда работает — только и видит чертеж, расчеты, а музыка помогает ему лучше думать... Раз пришел я и тоже прислушался

— оркестр очень здорово играл. А Михалин мне и говорит: «Это про героев-ленинградцев и про тебя, значит, композитор Шостакович симфонию сочинил». И спросил, люблю ли я Чайковского, Бетховена. «Но Бетховен же немец, — говорю. — Как же его любить?» Михалин засмеялся: «Музыка Бетховена против фашистов». Сказал, если после войны встретимся, хорошие патефонные пластинки подарит — много их у него. И все больше симфонии...

— Ну, а где же он все-таки, Глеб Евгеньевич? — допытывался Молодежников.

— В Москве, ребята, — сказал Апеллесов. — Он ведь к нам временно приезжал, оказывал техническую помощь как специалист. Основная работа Михалина в Москве.

Главный инженер замолчал. О чем он думал? Наверное, о том, что молодые рабочие, так хорошо отзывающиеся о Михалине, даже не подозревают, что этот человек — автор «Севера». А то бы ахнули, «Север» ведь их рабочая гордость. И, наверное, о том, подумал Апеллесов, что и Ливенцов, директор, не скажет в своем докладе, кто такой Михалин — не время еще.

А может, Апеллесов вспомнил вечер, когда провожал па аэродром Михалина, и свои последние, прощальные слова? «На заводе вас, Борис Андреевич, долго будут добрым словом поминать». Вот оно, подтверждение этих слов — в радостный 901 вечер Михалин будто бы еще здесь, на заводе, среди товарищей по борьбе.

И ОПЯТЬ ВЕСНА

7 мая 1945 года в Большом театре праздновали полувековой юбилей величайшего русского изобретения — радио.

На исходе дня со станций метро в самом центре Москвы, с троллейбусных остановок к восьмиколонному фасаду театра потянулись люди. Шли фронтовики-связисты при орденах и медалях, шли в своей, особой форме работники гражданского телеграфа и телефона, шли неприметные в уличной толпе ученые, заводские инженеры, рабочие.

Многие на ходу узнавали друг друга, здоровались, а то и обнимались — крепко, по-солдатски.

Михалин в гардеробной столкнулся с друзьями студенческих лет. Люберецкие сослуживцы тут же окрестили его «пропащей душой». Сами-то занимали посты в Министерстве связи, начальствовали на крупных радиостанциях — вот и виделись частенько. А Борис — будто в воду канул.

Расхаживали по фойе, задавали вопросы, обычные для тех первых после взятия Берлина дней: «Где воевал? Не ранен ли? Какие планы?» Михалин уклончиво говорил про свою тыловую работу. В общем, мол, кое-что успел. И хвастать нечем и жаловаться не на что. А что касается планов, то инженерство, лабораторию ни на какие посты не поменяет.

Глядел по сторонам — давненько не ходил по паркету знаменитого театра, хотелось рассмотреть отделку степ, реставрированную, когда устраняли последствия бомбежки.

Протяжный звонок позвал всех в зал. Михалин уселся, посмотрел на сцену, на огромный портрет Александра Степановича Попова. Усмехнулся — подумалось, что знаменитый изобретатель радио тоже будто бы спросил взглядом: «Ну, а вправду, какие у вас планы, товарищ Михалин?»

Появился президиум — маршалы, наркомы, ученые, генералы, офицеры. Михалин приметил и «своего» Асеева с лауреатским значком на кителе. Он недавно виделся со своим учителем. Тот, воскрешая давно минувшее, пошутил: «Ну, так как, ошибся я в вас? Есть способности?» Потом посерьезнел: «Теперь видите, что зря жаловались. Молодчина, мой друг, спасибо вам за радиостанцию!».

К этому «спасибо» Асеева могло присоединиться множество людей. Боевые достоинства «Северов» красноречиво подтверждали даже штабные реляции гитлеровцев.

Командующий группой немецких армий «Центр» в августе 1944 года приказал: по всем правилам соблюдения тайны зашифровать директиву под номером 25—43 и передать ее по радио всем вверенным ему, командующему, контрразведывательным службам.

Зашифровали. Все требования пунктуально выполни ли. Не придерешься. И все же партизаны с помощью «Севера» шифром передали содержание сверхсекретной директивы советскому командованию. Буква в букву. Со всей пунктуацией. Текст такой: «В последнее время поступают новые подтверждающие данные о том, что русские устанавливают места расположения наших командных пунктов. Обнаружение производится с большой точностью... Затем, как стало известно из трофейных документов, советской разведке удалось совершенно точно установить примерно десятки соединений.

Засылаемые в наши тылы агенты снабжены малогабаритной портативной радиостанцией «Север», которая обеспечивает надежную связь».

Должно быть, не без улыбки передавал эту депешу партизанский радист: «Север» передавал в эфир аттестацию «Северам» командующего группой немецких армий «Центр». На этот раз высокопоставленный враг не ошибся.

Знал ли автор «Севера» инженер-подполковник Михалин содержание захваченной у противника директивы номер 25—43? Говорил ли о ней со своим учителем? Неизвестно. Но и другие сведения, несомненно, давали ему право гордиться своим детищем.

Асеев рассказывал, что не раз слышал от фронтовиков: командующие, выезжая в войсковые части, брали с собой в машину радиста с «Севером» — это позволяло держать уверенную связь с командными пунктами. Радиостанции-малютки широко использовались в радиосетях связи штабов фронтов с армиями. Так было под Сталинградом, так было при штурме Берлина. «При случае представлю вас маршалу войск связи Пересыпкину, — сказал Асеев. — Много и другого интересного услышите от него про свои «Северки»!»

Вот он тоже в президиуме, маршал Пересыпкин... (Если бы случай повидаться с ним представился, Михалин бы действительно узнал то, что маршал напишет много лет спустя в своей книге «Военная радиосвязь». О том, например, как в битве под Москвой «Северы» применяли для радиосвязи с переброшенными в тыл противника воздушнодесантными частями и соединениями, с прорвавшими фронт немецко-фашистских войск 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. В начале боевых действий в корпусе пользовались различными радиосредствами, установленными па саях. Однако последующие операции показали, что радиоаппаратура отстает от штабов, и в январе — марте 1942 года радиосвязь обеспечивалась только с помощью «Северов» — до штабов полков включительно).

С кем это рядом сел в президиуме Асеев? С академиком Иоффе, кажется. Да, с ним. Михалин слышал о нем от своего профессора. Это когда вновь пожаловался на нехватку таланта, чтобы сделать еще меньшую, чем «Север», радиостанцию. И, как годы назад, услышал: «Терпение, друг мой, терпение. Понимаю — загвоздка с источниками питания. Пробовали, знаете, «кастрюли», взятые у Иоффе, ну, что-то вроде термопар...»

Михалин задумчиво нахмурил лоб. Он признавал терпение в работе, в своей работе. Но терпеть, ожидая, пока что-то создадут другие? А что делать: он радиотехник, не физик, пути к полупроводникам еще только нащупывались наукой.

Мысли, мысли... Они мешали Михалину сосредоточенно слушать доклады академиков Введенского и Берга. Прямо хоть вынимай блокнот и карандаш!

В перерыве его окликнули. Оказалось, какой-то человек в черном костюме. Приблизился неслышным шагом, застыдил:

— Вместе в блокаду страдали, а теперь не узнает!

Михалин узнал наконец в подошедшем майора из мироновского отдела. В особой близости он с ним не был, потому и удивился столь горячему проявлению майорских чувств. Но как не ответить на приветливость приветливостью?

И снова вопросы. Теперь их задавал Михалин — об общих товарищах. Именно общих. Он же не мог знать, какие там, в отделе у Миронова, взаимоотношения, как не ведал

ничего о незадачливой схеме организации узла связи, которую его собеседник-майор в давнюю ночь сорок первого года докладывал своему начальнику.

— Миронов в Москве, — последовал суховатый ответ.

— С повышением?

— Да.

— А Стромилов?

— По-моему, где-то на Диксоне. Вернулся к своим арктическим делам.

И все. Откашлялся:

— Видите ли, Борис Андреевич, я ведь по делу вас искал. Есть разговор. Конечно, не здесь... Пойдемте, а? Живу на Песчаной. Будете гостем.

Михалину не хотелось уходить. Он ждал выступления любимых артистов. Но уж больно настаивал «однополчанин».

— Ладно, поедем. Только уж ко мне, я тоже живу на Песчаной. Дома никого, мешать не будут.

У подъезда, оказывается, ждала машина. Черный ЗИС помчался по улице Горького, миновал Белорусский вокзал и вылетел на просторное Ленинградское шоссе.

На всем пути гремел орудийными залпами, полыхал разноцветьем ракет один из последних салютов войны: Москва чествовала войска 1-го Украинского фронта, взявшие в боях город и крепость Бреславль.

У метро «Сокол» автомобиль свернул влево, проехал по тихой Песчаной, остановился у многоэтажного, из серого кирпича дома. Михалины жили тут в небольшой комнате коммунальной квартиры. Переехали из Голутвинского переулка — там осталась мать Михалина, теперь уже бабушка, и внучку оставила пока при себе.

Оглядывая скромно обставленную комнату, гость поинтересовался, где же хозяйка.

— За границу уехала, — пояснил Михалин.

— Военный врач? В войсках, значит?

— Нет. Шура у меня тоже связист. Один институт с ней окончили. Только ее специальность — проводная связь. А теперь вот в Англию укатила. Леди с миллионами!

Михалин подошел к письменному столу, выдвинул ящик и из пачки писем извлек газетную вырезку.

— Газета называется «Санди Диспетч». — И, переводя с английского на русский, прочитал: — Заголовок «Леди с миллионами». А дальше так: «Русские специалисты, среди которых одна женщина, приехали заключить миллионный контракт на телефонное оборудование и сигнальные устройства для русских шахт. Благодаря этому заказу ливерпульские фабрики будут заняты много месяцев».

До гостя наконец дошла шутка, заулыбался. Нагнулся, поднял упавший на пол листок и тоже вслух прочитал:

— «Пригласительный билет. Тов. Михалину. Дирекция, партком и завком приглашают Вас на товарищескую встречу стахановцев с коллективом награжденных правительственными наградами, имеющую быть 10. VI. с. г. в 9 часов вечера в помещении культкомбината — 4-й этаж». — Еще ленинградский, — пояснил Михалин, собирая на стол.

Гость был рад поднятому билету. Хороший, видимо имелся повод начать разговор, ради которого он очутился в незнакомой квартире.

— Ленинградский? Это когда за «Северы» награждали?

— Да... Человек двадцать удостоены, а заслужили — сотни.

— Вас-то лично отметили?

Михалин с гордостью показал на свой орден Красной Звезды.

— Позже, по линии лаборатории. Но — доволен.

Гость пожал плечами.

— Мне кажется, вы излишне скромны. Видели у Асеева лауреатский значок? «Север» куда больше значит.

— Ну, уж больше! У Асеева изобретение. Я же — только разработчик. Удачное решение на базе прежнего опыта.

— Важен результат. Знаю, сколько труда положено. Мне ведь тоже пришлось голову поломать над новой системой эксплуатации ваших радиостанций.

— Не отрицаю, — спокойно, как бы отдавая дань вежливости, подтвердил Михалин.

Гость оживился:

— Спасибо за признание! Я, между прочим, имею теперь служебное отношение к представлениям. Правда, не так легко повернуть вопрос о премии, но, если дадите добро, охотно возьмусь. Надо вот только определить круг лиц. За числом особенно не стоит гнаться.

Глаза у Михалина потемнели. И тут же вдруг заиграли в них хитроватые огоньки. Вырвал из тетради лист, взял со стола автоматическую ручку и, отдавая ее гостю, предложил:

— Пишите...

Гость записал одну фамилию, вторую, третью. На шестой остановился:

— Вы что, шутите?

А Михалин продолжал диктовать длиннющий список.

— Всех пишите. Или никого!

Гость сердито поднялся со стула, надел пальто, торопливо попрощался. Стоя у дверей бросил:

— Если надумаете, позвоните, — он назвал номер и ушел.

Михалин телефона записывать не стал. Смотрел в отбитое окно, в темень, освещенную светлыми еще окнами в домах, и улыбался.

Так вот, хитровато улыбаясь, и встретил он пришедшего вдруг старого приятеля Касьяна Качарского. С «Омеги» еще началась их дружба.

— Кто это от тебя только вышел? Се-ердитый!

— Искатель славы и наград, — сказал Михалин. — А в общем, не интересно... Если не ужинал, то давай вместе. Идет?

Они по обыкновению просидели допоздна. Заговорили о радиотехнике и уж не могли остановиться. И, как всегда, рьяно, неистово пререкались. Но это уже был другой спор — профессиональный, и цель у спорящих была одна.

ОСТАНЕТСЯ НАВЕЧНО

Каждую весну, начиная с шестидесят пятого года, в Праздник Победы, в залитую кумачом и солнцем Москву со всех концов страны съезжаются бывшие партизанские радисты. Их встречи происходят на Садово-Кудринской улице, у здания Академии общественных наук. Здесь через полгода после начала Великой Отечественной войны была организована специальная школа радистов.

На первых двух встречах не смог присутствовать один из вдохновителей и организаторов школы генерал-майор технических войск в отставке Иван Николаевич Артемьев. Неотложные дела держали его вдали от столицы. Если бы не это обстоятельство, быть бы на партизанских встречах и Михалину. Артемьев очень хотел познакомить автора «Севера» с теми, кто на этих радиостанциях работал во вражеском тылу. Ведь он, Артемьев, стоял у колыбели «Севера» — был связан с разработкой первых образцов «Омеги». Потом, в войну, волею судеб возглавил связь всего партизанского движения и заказывал Ленинграду для партизанских отрядов и соединений «Северы». Сотнями, Тысячами.

А когда представилась возможность для приглашения. Михалин уже был тяжело и безнадежно болен. Не смог быть на Садово-Кудринской, услышать, как читал Артемьев письмо бывшего начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко бывшим партизанским радистам. В письме сказано:

«Радисты-партизаны внесли огромный вклад в дело разгрома фашистских захватчиков. Радиосвязь, широко внедренная в партизанском движении, подняла это движение на новую, более высокую ступень. Движение стало более управляемым и направляемым, стало возможным производить крупные координированные операции большими силами партизан, ярким примером чему является «рельсовая война», стало возможным организовать в широком объеме авиационные перевозки в интересах партизанского движения, значительно улучшить боевое снабжение, вывозку раненых и т. д. Без радиосвязи ничего этого осуществить было бы невозможно...»

Палата в Главном военном госпитале была небольшой, светлой. Зеленый дымок первой листвы уже окутывал деревья за окном. Опершись локтем на подушку, Михалин полулежал, словно бы собираясь встать. Эх, думы изобретательские, куда от них убежишь! Даже если болен. Уж сколько раз брал тетрадку — вон лежит на тумбочке рядом с микстурами, да мысли в голове путаются, друг дружку обгоняют. В лаборатории столько незавершенного осталось... Много, многое можно создать в нынешнюю пору новых открытий в радиотехнике.

Заметил — сосед по палате газету читает и ерзает, взволнован.

— Что-нибудь интересное? — спросил Михалин.

— Да, — подтвердил сосед. — Вот, посмотрите, это старые номера «Комсомольской правды». Тут рассказывается о разведгруппе, которая в период наступления наших войск с Сандомирского плацдарма помешала немцам разрушить древний Краков. Главное действующее лицо — радистка Елизавета Вологодская.

— Вы с ней знакомы?

— Нет, но радиостанцию, которой она пользовалась во вражеском тылу, хорошо знаю. «Север». У меня он тоже был.

— «Север»?.. Ну, и как он? Стоящий?

— Цены ему не было, — ответил сосед, теперь уже ясно — бывший разведчик. — Ты мог быть трижды отважным, трижды везучим, мог почти ценой своей жизни заполучить исключительно важные, секретнейшие документы врага, но если не было у тебя этой величиной с маленький чемоданчик рации, то все, чего ты достиг, оборачивалось почти что в нуль. Если встречу человека, создавшего «Север», шапку перед ним сниму. Они помолчали.

— «Север» делали ленинградцы во время блокады, — сказал Михалин.

В тот же день Борис Андреевич и осуществил то, чего долго не решался сделать. Написал письмо в ЦК партии. В письме он обращал внимание на то, что во множестве книг, написанных о советских разведчиках и партизанах, ни слова не говорится о том, откуда взялась, как была создана рация, служившая их важнейшим оружием. Он считал это несправедливым. В письме Михалин ни одним словом не обмолвился о себе. Он только рассказал все, что сидел сам, что знал о рабочих и инженерах, давших армии «Северы».

Ратуя за гласность истории создания радиостанции «для памяти поколений», Михалин не ведал, что пишет свое последнее письмо, высказывает последнее желание...

«Север» стал достоянием истории. Даже киностудии испытывают затруднения, когда для съемки фильма о разведчиках требуется достать эту малогабаритную радиостанцию. Иные времена, иная техника связи.

В Ленинграде и Москве «Север» можно увидеть в экспозициях музеев. Если повезет, у стенда вам встретится генерал Миронов или Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии Ливенцов, старейший коротковолновик Стромилов или создатели современной радиотехники, еще в довоенные годы участвовавшие вместе с Михалиным в разработке радиостанции-малютки.

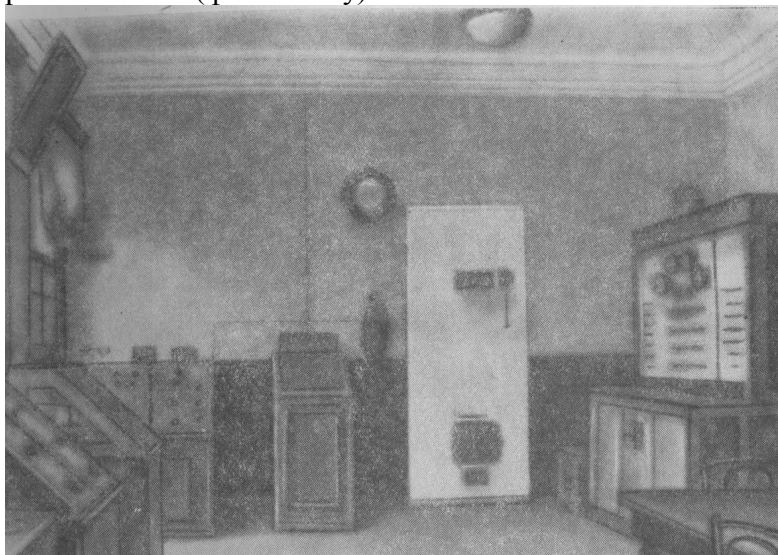
Остановилась группа у экспоната, вспоминает, спорит, знайте — перед вами творцы «Северов» или их бывшие хозяева — радисты войны. А быть может, и наследники.

1967—1969 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена случая	2
Учите историю	7
Долг памяти	10
Диплом, равный диссертации	14
Миронов находит выход	20
Возвращение восьмого эшелона	25
Старые знакомые	27
Трудные обязательства	33
В окопах и в городе	37
Девятый вал	40
Весенний луч	46
Польза телефонных книг	50
Партизанское радио	55
Девятьсот первый вечер	65
И опять весна	69
Останется навечно	72

Аппаратный зал люберецкой радиостанции. Здесь в 3-х годах работал механиком будущий автор «Севера» Борис Михалин (фото внизу).

Настойчиво и планомерно штурмовали советские люди суровую Арктику. На снимке: «Челюскин» во льдах.

Радио было верным помощником полярников. Э. Т. Кренкель (слева) и Н. Н. Стромилов у радиопалатки на дрейфующей льдине в районе Северного полюса. Внизу — ледовый лагерь на полюсе (1937 г.).

Июль 1941 г. Ленинградцы слушают сводку Совинформбюро с фронтов Великой Отечественной войны. Многие из них вступали в ополчение, уходили сражаться с врагом.

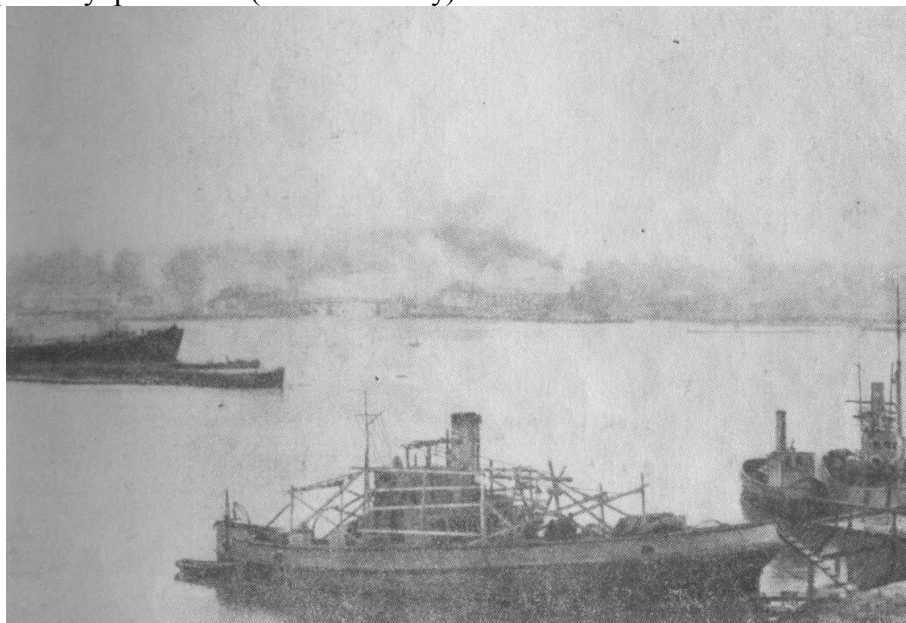
Враг над городом. Его встречает огневой заслон зенитных батарей.

Часть заводского оборудования демонтировалась, отправлялась на восток...

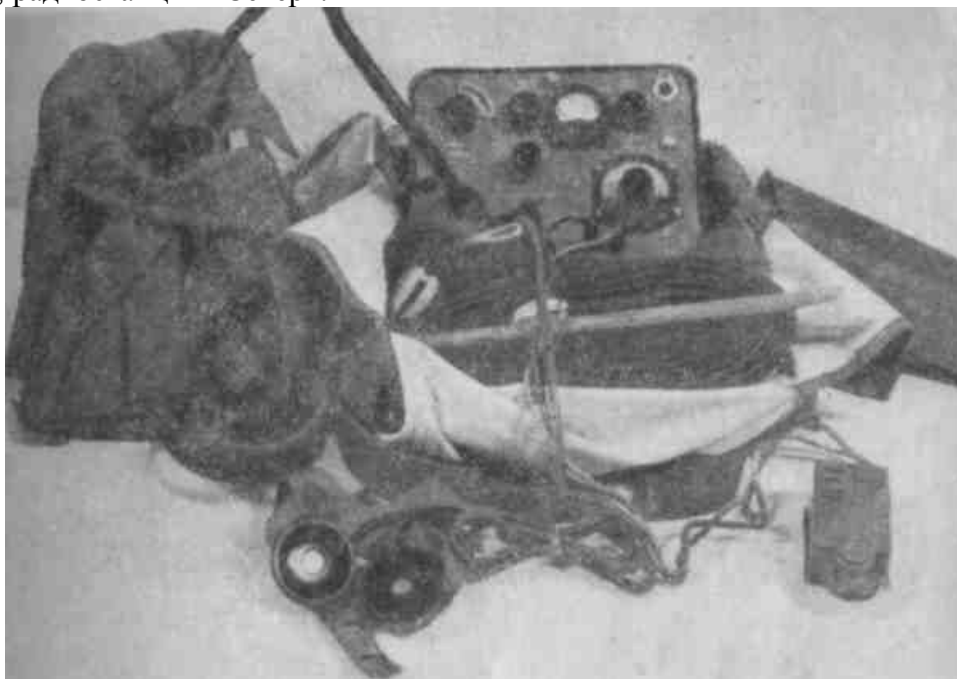
Ленинград под обстрелом. Когда в заводские цехи прекратилась подача электроэнергии, использовали генераторы корабля, стоящего у берега Невы. На окраинах рабочие отряды неустанно строили укрепления (снимок внизу).

И. Н. Ливенцов и И. М. Миронов (фото военных лет).

Вот она, радиостанция «Север».

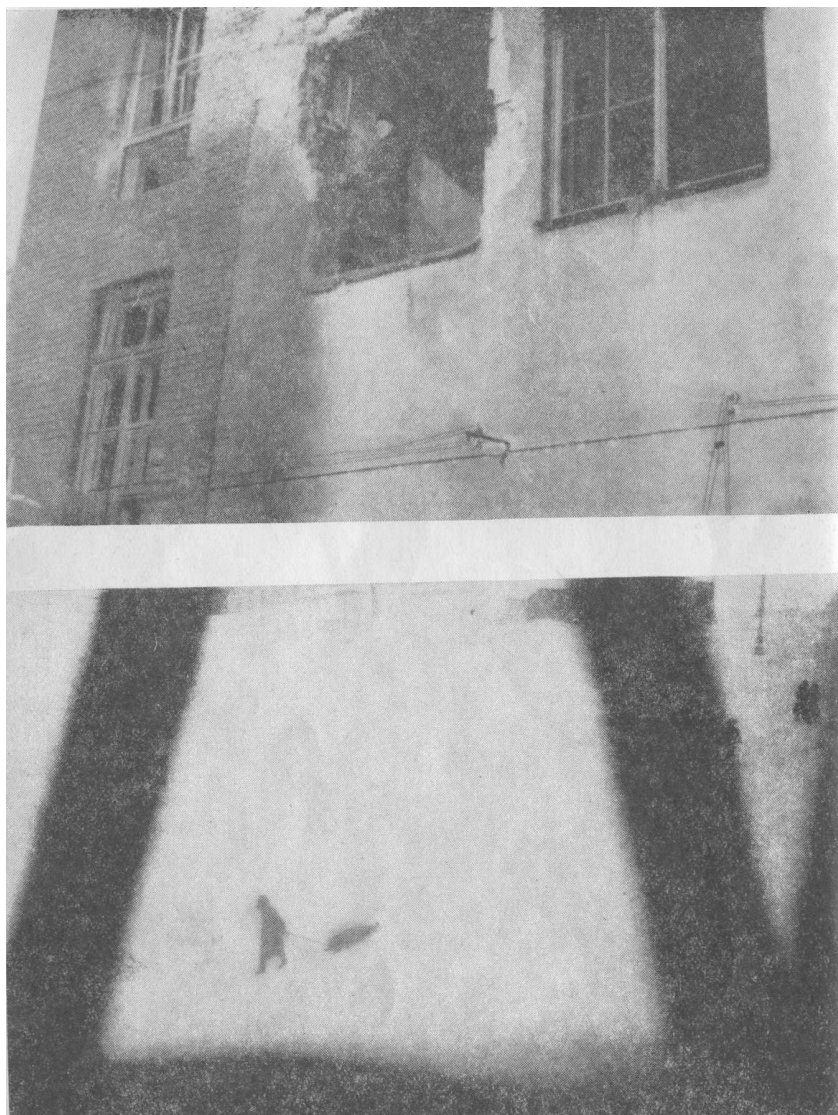
С маленьким «Севером» можно расположиться в укромном месте. Этот партизанский радист выбрал место па чердаке разрушенного сарая и ведет разговор с Центром.

Радио доносило за линию фронта голос Большой земли. Сентябрь 1941 года в партизанском отряде «Ленинградский рабочий», которым командовал Николай Невский.

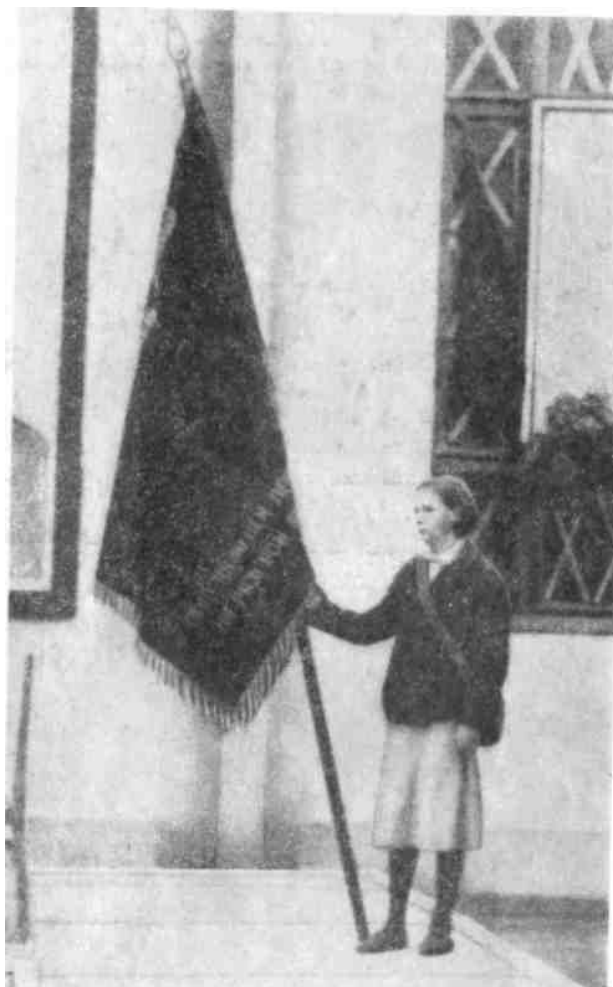
Снаряд пробил окно и стену одного из цехов, где изготавливались «Севера». Внизу — заводской двор. На санках — тело рабочего, умершего на трудовом посту (вид из пробитого окна).

Встреча воинов Ленинградского и Волховского фронтов, прорвавших блокаду города
Ленина (1943 г.). Внизу — ленинградцы встречают победителей (1945 г.).

Знамя Государственного Комитета Обороны, которым был награжден коллектив радиозавода.

Прошли годы. Теперь «Север» можно увидеть только в музеях. У стенда — бывший начальник отдела связи Ленинградского штаба партизанского движения А. М. Шатунов.

Весной 1968 года собрались вместе участники разработки и производства «Северов». Слева направо: генерал-майор технических войск в отставке И. Н. Артемьев, полковник в отставке К. В. Качарский, майор запаса В. В. Покровский, генерал-майор войск связи в отставке И. М. Миронов, подполковник запаса Н. Н. Стромилов, полковник Е. Ф. Павловский. Внизу слева — И. П. Ливенцов (современное фото), справа — Б. А. Михалин (один из последних снимков).

